ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
XIX СТОЛѢТІЯ.

2 экз.
Л

ЛЮТНЯ II.

ПОТАЕННАЯ

ЛИТЕРАТУРА

XIX СТОЛѢТІЯ.

(Laute, II. Die geheime Literatur des XIX. Jahrhunderts.)

Второе изданіе.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

„Пров 49“

2 экз
Л.

3956
25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Каждому свое.

	Стр.
Альманзоръ	3
Арестантъ	7
Басня	19
Басня	20
Біографія Благороднаго человѣка	21
Насильственный бракъ	25
Братья разбойники	28
В. Г. Бѣлинскій	30
Валтасаръ	36
Вечеръ въ Тріанонѣ	38
Видѣніе	44
Вожди свободы	47
Воспоминаніе	49
Вѣра и любовь	51
Гаснетъ мѣсяцъ Истамбула	53
Годовщина	53
Годъ 1848	57
Годъ 1849	58
Голова и ноги	59
Подводный городъ	60
Городъ страданія	63
Гражданинъ	64

Дамѣ (1826-го года). 64
Дворянинъ-Баринъ. 65
Дерптъ. 66
Джелаль-Эддинъ Руми. 67
Добро въ мечты. 68
Моимъ друзьямъ. 70
Дума. 72
Славянскія дѣвы. 72
Exeunt omnes. 74
„Жаль мнѣ васъ!“ 75
Жизнь чиновника. 76
Іакову Ростовцову. 92
Идиллія. 96
Изъ Апостола Іоанна. 97
Изъ „Goetterdaemmerung“. 99
Изъ „Спора“. 100
Изъ Талмуда. 104
Русскій Императоръ. 104
Имянинникъ. 105
И...ру. 106
Н. Д. Киселеву. 107
„Когда нашъ Новгородъ Великій.“ 109
Вѣчевой колоколъ. 110
„Кому достанется она“? 112
Конь. 113
Король Ричардъ. 114
Къ аристократамъ. 115
Къ В... Д.... 118
Къ временщику. 119
Къ ***. 120
Къ ***. 123
Къ халату. 124
Марина. 126
Марія Магдалина. 130
Михайлову. 134
Молитва. 136
Гражданское мужество. 136
Наполеонъ. 140

Напутствіе. 141
На 50-лѣтній юбилей Е. Пр. Н. Н. Греча. . . . 142
На смерть помѣщика Оленина. 148
На смерть Пушкина. 164
Невольникъ въ болотѣ. 166
Одичалый. 167
Отвѣтъ Аксакову. 169
Отвѣтъ на стихи „Михайлову“ и „Узнику“. . . . 170
Отрывокъ изъ посланія. 171
Отрывки изъ эпико-сатирической поэмы Л.... . . 173
Отступникъ. 188
„Отъ слезъ и крови мутны.“ 191
Памяти Добролюбова. 191
Пародія. 193
Пародія. 194
Переложеніе 81-го псалма. 194
Собачій пиръ. 198
Подражаніе Беранже. 202
Подражаніе Гете. 204
Бѣлое покрывало. 205
Гастингское поле. 207
Порядокъ. 212
Посланіе къ друзьямъ. 212
Праведники. 218
Преданіе. 220
Прометей. 221
Пророчество. 223
„Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ.“ 226
„Пусть гибнетъ все!“ 228
Пѣнье невольника въ полночь. 229
Пѣсня о рубашкѣ. 230
Разговоръ въ 1849 году. 233
Разочарованіе. 236
Разсказъ этапнаго офицера. 245
Сашка 270
„Свободы гордой вдохновенье.“ 295
Сказка. 295
Сонъ невольника. 298

Споръ. 300
Современное стихотвореніе. 306
Странникъ. 308
Судъ Божій. 315
Сумерки боговъ. 316
Съ того берега. 319
Торжество смерти. 322
Тоска по родинѣ. 343
Тюрьма. 344
Уединеніе. 354
Узнику. 355
У парадnаго крыльца. 356
Фантазія. 360
Фейерверкъ. 361
Фонарики. 363
Французамъ. 366
Цапли. 367
Часовые. 368
Человѣкъ. 370
Гибкій человѣкъ. 372
Заштатный Чиновникъ. 374
Чувствованія. 378
А. В. Шереметьеву. 379
Элегія. 380
Элегія. 380
Юморъ. 381
Помойная яма. 384

СПИСОКЪ

стихотвореній по авторамъ.

	Стр.
Аксаковъ, К. Моимъ друзьямъ.	70
——— Отрывокъ изъ посланія къ Н... Н...	171
——— Пусть гибнетъ все.	228
Баратинскій. Цыпи.	367
Барбье. Собачій пиръ.	198
Басня.	19
Басня (Посвящается Генералу Чевкину).	20
Біографія благороднаго человѣка.	21
Братья разбойники	28
В. Г. Бѣлинскій.	30
Вечеръ въ Тріанонѣ.	38
Вожди свободы.	47
Воспомінаніе (П. П...)	49
Бераже. Вѣра и любовь.	51
Гартманъ, М. Бѣлое покрывало.	205
Гейне, Г. Альманзоръ (Баллада).	3
——— Валтасаръ (Баллада).	36
——— Дума.	72
——— Изъ „Goetterdaemmerung“.	99
——— Изъ „Спора“.	100
——— Король Ричардъ (Баллада).	114
——— Гастингское поле (Баллада).	207
——— Сумерки боговъ.	316

Годовщина (18-го Февраля 1856-го года). . . . 53
Городъ страданія. 63
Гудъ, Т. Пѣсня о рубашкѣ. 230
Давыдовъ, Д. Голова и ноги. 59
——— Дамѣ при отъѣздѣ на войну 1826-го года. 64
Дельвигъ. Подражаніе Беранже. 202
Дмитріевъ. Отвѣтъ Аксакову. 169
Добро въ мечты. 68
Жизнь чиновника. 76
Іакову Ростовцову. 92
Изъ Апостола Іоанна. 97
Русскій Императоръ. 104
„Когда нашъ Новгородъ Великій". 109
Вѣчевой колоколъ. 110
Крыловъ, И. Конь. (Басня.) 113
Красинскій, З. „Отъ слезъ и крови мутны". 191
Къ аристократамъ. 115
Къ В... Д... (П. П...) 118
Къ*** (П. П...) 123
Лермонтовъ, М. На смерть Пушкина. . . . 164
Лонгфелло. Невольникъ въ болотѣ. 166
——— Пѣнье невольника въ полночь. . . . 229
——— Сонъ невольника. 298
Марина. (Подражаніе Ломоносову). 126
Михайловъ, М. Л. Джелаль-Эддинъ Руми. . . 67
——— Изъ Талмуда. 104
——— См. Гартманъ, Гейне, Гудъ, Красинскій, Лонгфелло и Эйхендорфъ. 343
Молитва. 136
Мятлевъ. Фонарики. 363
Наполеонъ. 140
На 50-лѣтній юбилей Е. Пр. Н. Н. Греча. . . . 142
На смерть помѣщика Оленина. 148
Огаревъ, Н. Годъ 1848. 57
——— Годъ 1849 58
——— И... ру. 106
——— Къ***. 120
——— Марія Магдалина. 130

Огаревъ. Михайлову (см. „Узнику“). 134
——— Напутствіе. 141
——— Отступникъ. 188
——— Прометей 221
——— Разсказъ этапнаго офицера. 245
——— Странникъ. 308
——— Съ того берега. 319
——— Тюрьма. 344
——— Юморъ. 381
Одичалый. (А. Бестужеву). 167
Одоевскій, А. Славянскія дѣвы. 72
Отвѣтъ на стихи „Михайлову“ и „Узнику“. . . . 170
Отрывки изъ эпико-сатирической поэмы Л.... П. П... 173
Памяти Добролюбова. 191
Пародія. 193
Пародія. („Воронъ къ ворону летитъ.“) 194
Переложеніе 81-го псалма. 194
Печеринъ, В. Торжество смерти. 322
Подражаніе Гете. 204
Полежаевъ, А. Арестантъ. 7
——— Имянинникъ. 105
——— Сашка. 270
Порядокъ. 212
Посланіе къ друзьямъ. 212
Праведники 218
Пророчество (Январь 1852). 223
„Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ“. 226
Разговоръ въ 1849 году. 233
Разочарованіе (П. П....). 236
Ростопчина, Гр. Насильственный бракъ. . . . 25
Рылѣевъ, К. Видѣніе. 44
——— Гражданинъ. 64
——— Гражданское мужество. 136
——— Къ временщику. 119
Сказка. 295
Споръ 300
Сперанскій. Дворянинъ — Баринъ. 65

Сперанскій. Exeunt omnes. 74
Уединеніе. (П. П...) 354
Узнику. (Михайловъ) см. „Отвѣтъ“. 355
У парадnаго крыльца. 356
Фантазія. 360
Фейерверкъ. 361
Французамъ. 366
Холодовскій-Цибульскій, П. Современное стихотвореніе. 306
Хомяковъ. Подводный городъ. 60
——— „Гаснетъ мѣсяцъ Истамбула“. . . . 53
——— „Жаль мнѣ васъ!“ 75
——— Идиллія. 96
——— Преданіе 220
——— Судъ Божій 315
Часовые. 368
Человѣкъ. 370
Чиновникъ. Гибкій человѣкъ. 372
Заштатный чиновникъ. 374
Чувствованія. 378
А. В. Шереметьеву. 379
Эйхендорфъ. Тоска по родинѣ. 343
Языковъ. Дерптъ. 66
——— Н. Д. Киселеву. 107
——— „Кому достанется она“. 112
——— Къ халату. 124
——— „Свободы гордой вдохновенье“. . . . 295
——— Элегія („Еще молчитъ гроза“). . . . 380
——— Элегія („Счастливъ кто съ юношескихъ дней“). 380
Помойная яма. (Басня). 384

КАЖДОМУ СВОЕ.

Альманзоръ.

(Баллада изъ Г. Гейне.)

1.

Исполинскія колонны —
Счетомъ тысяча и триста —
Подпираютъ тяжкій куполъ
Кордуанскаго собора.

Куполъ, стѣны и колонны
Сверху до низу покрыты
Изрѣченьями корана
Въ завиткáхъ и арабескахъ.

Храмъ воздвигли въ честь Аллаха
Мавританскіе халифы;
Но потокъ временъ туманный
Измѣнилъ на свѣтѣ много.

На высокомъ минаретѣ,
Гдѣ звучалъ призывъ къ молитвѣ,
Раздается христіанскій
Глупый колоколъ, не голосъ.

На ступеняхъ, гдѣ читалось
Слово мудрое пророка,
Служатъ жалкую обѣдню
Безтолковые монахи —

Передъ куклами своими
И кадятъ, и распѣваютъ ...
Дымъ, козлиное блеянье —
И мерцанье глупыхъ свѣчекъ!

Альманзоръ Бен-Абдулла
Молчаливъ стоитъ въ соборѣ,
На колонны мрачно смотритъ,
И слова такія шепчетъ:

„О, могучія колонны!
Въ честь Аллы васъ украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистнымъ христіанамъ!

„Покорилися вы року —
И несете ваше бремя
Терпѣливо; какже слабый
Человѣкъ не присмирѣетъ?“

И съ веселою улыбкой
Альманзоръ чело склоняетъ
Къ изукрашенному полу
Кордуанскаго собора.

2.

Быстро вышелъ онъ изъ храма —
На лихомъ конѣ помчался;
Раздувался по вѣтру
Кудри влажныя и перья.

По дорогѣ къ Алколеѣ
Вдоль рѣки Гвадалквивира,
Гдѣ цвѣтетъ миндаль душистый
И лимоны золотые —

Тамъ веселый мчится рыцарь,
Распѣваетъ и смѣется —
И ему и птицы вторятъ
И рѣки журчащей воды.

Донья Клара де Альваресъ
Обитаетъ въ Алколеѣ...
Безъ отца (онъ на войнѣ)
Ей житье привольнѣй въ замкѣ.

Издалека Альманзору
Слышны трубы и литавры —
И сквозь тѣнь деревъ струится
Яркій свѣтъ изъ оконъ замка.

Въ замкѣ весело танцуютъ...
Тамъ двѣнадцать дамъ красавицъ,
И двѣнадцать кавалеровъ...
Альманзоръ — владыка бала.

Легокъ, веселъ онъ порхаетъ
По паркету свѣтлой залы,
Ловко всѣмъ прекраснымъ дамамъ
Разсыпаетъ комплименты.

Вотъ онъ возлѣ Изабеллы —
Страстно руки ей цалуетъ:
Вотъ онъ около Эльвиры —
И глядитъ ей страстно въ очи;

Вотъ смѣется съ Леонорой:
„Чтб, хорошъ ли я сегодня?“
И показываетъ дамѣ
Крестъ, нашитый на плащѣ.

Всѣхъ красавицъ увѣряетъ
Онъ въ любви и постоянствѣ;
И Христомъ божится въ вечеръ
Тридцать разъ — по-крайней-мѣрѣ.

3.

Танцы, музыка и говоръ
Смолкли въ замкѣ алколейскомъ.
Нѣтъ ни дамъ, ни кавалеровъ,
Всюду свѣчи догорѣли.

Лишь вдвоемъ остались въ залѣ
Альманзоръ и донья Клара;
Ихъ мерцаньемъ обливаетъ
Догарающая лампа.

Въ мягкихъ креслахъ донья Клара,
На скамейкѣ дремлетъ рыцарь,
Головой припавъ усталой
На любимыя колѣни.

Дама розовое масло
Льетъ съ любовью изъ флакона
На его густыя кудри —
И глубоко онъ вздыхаетъ.

Тихо нѣжными устами
Шевеля, цалуетъ донья
Кудри рыцаря густые —
И чело его темнѣетъ.

Изъ очей ея прекрасныхъ
Льются слезы на густыя
Кудри рыцаря — и рыцарь
Злобно стискиваетъ губы.

Снится: онъ опять въ соборѣ
Съ наклоненной головою
Молчаливъ стоитъ и слышитъ
И глухой, и мрачный говоръ.

Слышитъ — ропщутъ, негодуя,
Исполинскія колонны,
Не хотятъ терпѣть позора,
И колеблятся со стономъ.

Покачнулись — трескъ и грохотъ;
Люди въ ужасѣ блѣднѣютъ;
Куполъ падаетъ въ осколкахъ . . .
Воютъ боги христіанъ.

М. Л. Михайловъ

Арестантъ.

Другу моему А. П. Лазовскому.

Ты мнѣ чужой — не съ давнихъ лѣтъ
Знакомъ душѣ твоей поэтъ!
Не симпатія двухъ сердецъ —
Святаго дружества вѣнецъ
Въ счастливой жизни намъ вила,
И другъ для друга родила!
Быть можетъ, разъ сойдтись съ тобой
Мнѣ предназначено судьбой —
И мы сошлись! Ты — въ красотѣ
Цвѣтущихъ дней, я — въ нищетѣ
Позорныхъ узъ... Добро, иль зло
Тебя къ страдальцу привело?
Боюсь понять — подъ игомъ бѣдъ
Мнѣ подозрителенъ весь свѣтъ;

Погибшей истины черты
Въ моихъ глазахъ однѣ мечты:
Уму свирѣпому она
И ненавистна и смѣшна.
Быть можетъ, вѣтренникъ младой,
Смѣясь надъ глупой добротой
Вмѣнивши шалости въ законъ,
И быстрымъ чувствомъ увлечёнъ,
Ты ложной жалостью хотѣлъ
Смягчить ужасный мой удѣлъ
И осмѣять мою тоску.
Быть можетъ, лестью простаку
Желалъ о счастьи вспомянуть,
И вновь жестоко обмануть...
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей!
Пусть ихъ коварства лютый ядъ
Въ моей груди усилитъ адъ —
И ты не лучше ихъ ничѣмъ!
Не знаю самъ: за что, за чѣмъ
Я полюбилъ тебя? Твой взоръ
Не есть несчастному укоръ!
Твой голосъ, звукъ твоихъ рѣчей
Мнѣ милъ, какъ сладостный ручей — —
Такъ соловей, въ ночной тиши,
Поетъ для горестной души;
Такъ Аббадонѣ Уріилъ
Во тьмѣ геенской говорилъ!...
Глаза печальные мои
Слезу пріязни и любви
Въ твоихъ замѣтили очахъ:
Ты любишь самъ меня — но, ахъ!
Твое участіе ко мнѣ,
Какъ легкій пепелъ на огнѣ,
На мнѣ возникнетъ, оживётъ,
И вмѣстѣ съ вѣтромъ, пропадётъ!
Я не виню тебя — жестокъ
Ко мнѣ не ты, а злобный рокъ,

И ты простишь въ пылу страстей
Обидной вольности моей —
Я снова узникъ и солдатъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Вотъ тайный даръ моихъ стиховъ...
Проникни въ силу этихъ словъ.
Прочти, коль вздумаешь, спиши
И не забудь меня въ глуши.
Когда-жъ забудешь, Богъ съ тобой,
Но знай, что я на вѣки твой!

Спасскіе Казармы
1828 года.

* * *

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о-чемъ —
Увы! старинный даръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
Поэтъ плѣнительныхъ страстей
Живой сидитъ въ когтяхъ чертей,
Атласныхъ ж...къ не поетъ
И чуть по волчьи не реветъ.....
Броня сермяжная и штыкъ —
Удѣлъ того, кто былъ великъ
На полѣ порьевъ и чернилъ;
Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ

Главу достойную вѣнка,
И Чайльдъ-Гарольдова тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого...
Но на призывный, дружній гласъ
И можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще до смерти согрѣшу
И листъ бумаги испишу.
Прочти его и согласись,
Что средства если нѣтъ спастись,
Отъ угнетѣній и цѣпей,
То жизнь страшнѣе ста смертей,
И что свободный человѣкъ
Свободно кончить долженъ вѣкъ...
. . . . . .
Опытъ злой . . . . . .
Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
И ясно, ясно доказалъ,
Что добродѣтель есть мечта
. . . . . .
Любовь и дружба — пара словъ,
А жалость — мщенiе враговъ...
Одно подъ солнцемъ есть добро —
Неочиненное перо! —
. . . . . .
. . . . . .
Въ столицѣ русскихъ городовъ,
Мощей, монаховъ и поповъ,
На славномъ валѣ земляномъ,
Стоитъ страннопрiимной домъ,
Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой,
Кругомъ обстроенный, большой —
И этотъ домъ извѣстенъ намъ,
Въ Москвѣ, подъ именемъ казармъ;
Въ казармахъ этихъ тьма людей,
И ночью, множество б.....
На нарахъ съ вошами спятъ
И веселятся и шумятъ...

А на огромномъ томъ дворѣ
. . . . . .
Издавна выдолблено дно —
Иль гауптвахта — все равно,
И дна того на глубинѣ
Еще другое дно въ стѣнѣ —
И называется — тюрьма,
Въ ней сырость страшная и тьма,
И проблескъ, солнечныхъ лучей
Сквозь окна слабо свѣтитъ въ ней;
Растрескавный, кирпичный сводъ
Едва, едва не упадетъ
И не обрушится на полъ,
Который снизу, какъ Эолъ,
Тлетворнымъ воздухомъ несетъ
И, съ самой вѣчности гніетъ...
Въ тюрьмѣ, жертвъ на пять или шесть
Рядъ малыхъ наръ у печки есть,
И десять удалыхъ головъ,
Царя рѣшительныхъ враговъ,
На малыхъ нарахъ тѣхъ сидятъ
И кандалы на нихъ гремятъ.
. . . . . .
. . . . . .
И каждый и въ вечеру
Ложася спать и поутру,
Въ молитвѣ къ Господу Христу
Царя россійскаго въ и.....
Они ссылаютъ на подрядъ
И всѣ служить ему хотятъ,
За то, что малый онъ лихой
За пустяки гонятъ сквозь строй.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И на доскѣ, что у окна
На двухъ столбахъ утверждена,

Броней сермяжною одѣтъ,
Лежитъ вербованный поэтъ,
Броня на немъ, броня подъ нимъ,
И все одна и та же съ нимъ,
Какъ вѣрный другъ всегда лежитъ
И согрѣваетъ и хранитъ...
Кисетъ съ негоднымъ табакомъ
И полновѣснымъ пятакомъ,
На необтесанномъ столѣ,
Лежитъ у узника въ углѣ.
Здѣсь онъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Обезображенъ, какъ скелетъ,
Съ полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской!...
Здѣсь триста шестьдесятъ пять дней,
Въ кругу Платоновыхъ людей,
Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
И . . . . . клянетъ!...
Онъ не живетъ уже умомъ:
Душа и умъ убиты въ немъ,
Но какъ бродячій автоматъ,
Или безчувственной солдатъ,
Штыкомъ рожденный для штыка,
Онъ дышетъ жизнью дурака:
Два раза на день ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ отдаетъ!...
. . . . . .
. . . . . .
Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны,
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ.
Безумнымъ, радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ
И слезы крупныя блестятъ —
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой

Несчастный видитъ, ловитъ вновь —
Опять поётъ — опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ,
Онъ къ ней стремится — онъ летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ...
Но вдругъ, цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,
Унесъ души его обманъ!...
Такъ жнецъ, на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ
И замеръ серпъ въ его рукахъ!
Належду, радость — всё взяла
Молніеносная стрѣла!...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ морѣ брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ
Онъ увядаетъ въ тишинѣ...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Участье вѣрное друзей,
Которыхъ шумные рои,
Подъ ложной маскою любви,
Всегда готовы для услугъ
Когда есть денежный сундукъ,
Или подобное тому —
Не въ тягость болѣе ему;
Изъ ста знакомыхъ щегольковъ,
Большаго свѣта знатоковъ,

Никто ошибкою къ нему,
Не залеталъ еще въ тюрьму;
Да и прекрасно!... для чего?
Тамъ нѣтъ ни водки — ничего!...
. . . . . .
. . . . . .
Чутье животныхъ, модный тонъ,
Или приличія законъ —
Вотъ тайна дружественныхъ узъ,
А нѣжность сердца, тонкій вкусъ,
Причина важная забыть
Того кто слезы долженъ лить.....
Ахъ какъ онъ жалокъ, quelle misère!
Какъ потерялся онъ, mon cher!
Лепечетъ милый фанфаронъ
И долгъ пріязни заплачёнъ!.....
. . . . . .
. . . . . .
Зачѣмъ пенять, они умны,
Ихъ разсужденія вѣрны:
Такъ должно было, напередъ
Судьба намъ сдѣлала разсчетъ!...
Имъ наслажденіе дано,
А мнѣ страданье суждено!...
И правы — мрачный фаталистъ
И всѣмъ довольный оптимистъ,
Система звѣздъ, прыжокъ сверчка,
Движенье моря и смычка,
Всё воля творческой руки,
Иль вѣра въ Бога пустяки!
Сказать, что Бога нѣтъ — смѣшно,
Сказать, что есть онъ — мудрено!
Когда онъ есть, когда онъ умъ,
Превыше гордыхъ нашихъ думъ,
Правдивый, вѣчный всеблагой
Въ себѣ живущій, самъ собой,
Омега, Альфа бытія,
Тогда онъ намъ не судія:

Возможно-ль то ему судить,
Что самъ онъ вздумалъ сотворить?
Свое творенье осудя
Онъ опровергнетъ самъ себя!
Твердить преданье старины,
Что мы какъ Богъ въ себѣ вольны,
Есть перекорствовать уму —
И значитъ впасть въ иную тьму.
Его предвѣденье могло
Моей свободы видѣть зло
Онъ долженъ былъ изъ тьмы вѣковъ
Возвать атомъ мой для оковъ
. . . . . .
. . . . . .
Иль онъ предвидѣлъ и желалъ,
Чтобы невинно я страдалъ,
Или одинъ свирѣпый рокъ
Въ пучину бѣдъ меня завлёкъ?...
Когда онъ видѣлъ, то хотѣлъ,
Когда хотѣлъ, то повелѣлъ,
Все чрезъ него и отъ него,
А заключенье изъ того:
Когда я воленъ — онъ тиранъ
Когда я кукла — онъ болванъ.
. . . . . .
Такъ пусть-же тягостной руки
Меня снѣдающей тоски,
Въ угодность вѣтренной судьбѣ,
Не испытаютъ на себѣ;
Страдальца давняго покой
Постыдной зависти чертой
Чужаго счастья не смутитъ!.....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
О ты, который возведенъ
Погибшей вольности на тронъ,
Или простѣе говоря,

Особа русскаго царя —
Коснется-ль звукъ моихъ рѣчей
Твоихъ обманутыхъ ушей?
Узришь-ли ты, прочтешь-ли ты
Сіи правдивыя черты?...
Поймешь-ли ты, что царскій долгъ
Есть не душить, какъ лютый волкъ,
По алчной прихоти своей,
Мильоны страждущихъ людей!
Поймешь-ли ты, какъ мудрено —
Сказать въ душѣ — все рѣшено!
Какъ тяжело сказать уму:
Прости мой умъ, иди во тьму,
И какъ легко черкнуть перу:
„Царь Николай быть по сему!...
. . . . . .
. . . . . .
Но что? къ чему напрасный гнѣвъ?
Онъ не сомкнетъ Молоха зѣвъ:
Безсиленъ звукъ въ моихъ устахъ,
Какъ мечь въ заржавленныхъ ножнахъ!...
И я въ тюрьмѣ . . . . . .
. . . . . Ватага спитъ —
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ;
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой.
Вблизи усталый караулъ,
Кто какъ умѣетъ прикорнулъ,
На гауптвахтѣ тишина...
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца!
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,
Въ часы полуночныхъ пировъ,
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой,
Передъ дѣвицей молодой,

Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
И блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ изліяній и друзей,
Въ рукахъ едва-ль полу-людей?
Не онъ ли свѣжесть раннихъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ ли розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ
Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... нѣтъ его ... ударь
Поблекшимъ тирсомъ въ свой алтарь!
Пролей вино изъ томныхъ глазъ!
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ,
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
Эванъ, Эвое, славный Вакхъ!
Какъ разумъ скучный на пирахъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Меня враждой своей почтилъ
И лобызая удушилъ!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокій образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О, Струйскій, можешь ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго простить...
. . . . . .
. . . . . .
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:

Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . . . .
. . . . . еще моимъ отцемъ
Хочу назвать тебя — зову,
И на покорную главу,
За преступленія мои,
Прошу прощенія любви...
Прости меня — моя вина
Ужасной местью отмщена!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной
Я вижу . . . . . .
. . . . . мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Мой брошенъ трупъ на снѣдь червямъ.
. . . . . .
И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы —
Жильца ничтожества и тьмы!...

А. Полежаевъ.

Басня.

„Во избѣжаніе всѣхъ золъ и бѣдъ,
„Червей, неурожаевъ, гибельныхъ послѣдствій,
„Суровыхъ зимъ и знойныхъ лѣтъ,
„И вообще всѣхъ бѣдствій,
„Которыми грозятъ голодные года.
Повелѣваемъ мы: отнынѣ на всегда,
„Пещась объ участіи подвластной намъ скотины,
„Запасные устроить магазины;
„И въ оные, чтобъ всякій звѣрь сносилъ,
„По мѣрѣ способовъ и силъ,
„Отъ всѣхъ своихъ щедротъ, стяжаній десятину.
„Ослушникамъ сего нашъ объявляемъ гнѣвъ.“
На подлинномъ написано такъ: „Левъ.“
И манифестъ такого рода,
Чтобъ положить границу злу,
Разосланъ былъ по всѣмъ звѣринымъ воеводамъ —
И между прочимъ и къ ослу.
Распоряженіе ослово,
Чай никому не ново;
Списалъ указъ отъ слова въ слово
И подписалъ: „Оселъ.“
И вотъ во глубинѣ лѣсовъ, на днищѣ буерака
Возникъ запасный крѣпкій магазинъ,
Столѣтній буреломъ покрылъ его какъ крышей,
Смотрителями съ ближняго гумна
Потребованы мыши,
Кротъ контролеръ считаетъ десятины;
Приносятъ звѣри вкладъ;
Кротъ въ вѣдомость вписалъ:
Отъ волка двѣ овчины,
Лисица принесла два крылушка курины,
Медвѣдь полчерепа да пару сапоговъ
Съ частицею мяса.

Чтобъ пародировать удачный Гамалея
Я, молвилъ онъ, надулъ порядкомъ дуралея.
И вскорѣ магазинъ набитъ биткомъ.
Оселъ доноситъ Льву, а Левъ на донесенье
Отвѣтствуетъ, что онъ за подданныхъ де радъ,
И въ знакъ монаршаго къ ослу благоволенья
Даритъ ему въ лугахъ казенныхъ маіоратъ.
Не знаю что потомъ, но вѣрно только то,
Что въ первый же голодный годъ,
Всѣ звѣри съ голоду едва не околѣли,
А сыты были кротъ,
Да мыши уцѣлѣли,
И къ довершенью зла,
На дарственныхъ лугахъ нашли скелетъ осла;
У мишеньки не дрогнула, знать, лапа
На самаго Сатрапа.
Бѣда и магазины,
Когда они подъ вѣденьемъ скотины.*)

Басня.

(Посвящается Генералу Чевкину).

Разъ до царя животныхъ, Льва,
Дошла, не знаю ужъ откуда,
Молва
Про рѣдкія способности Верблюда.
И вотъ —
Въ тотъ самый годъ,
По высочайшей волѣ, быстро
Достигъ Верблюдъ до званія министра.

---

*) Очевидно у насъ была плохая рукопись этой басни.

Въ восторгѣ земноводный міръ,
Что данъ имъ новый командиръ!
Но отъ Верблюда
Напрасно ждали чуда:
Онъ поперёгъ
Большой дороги лёгъ,
И больше ужъ по ней никто пройти не могъ.

Біографія Благороднаго человѣка.

Родился я — какъ подобаетъ.
Родитель мой былъ столбовой.
Гдѣ онъ служилъ Господъ ужъ знаетъ,
Но человѣкъ былъ съ головой.
Хотя не дрался онъ съ французомъ,
Носилъ медаль; не зналъ аптекъ,
Былъ дюжъ, здоровъ, съ огромнымъ пузомъ..
Какъ благородный человѣкъ!

Весь домъ его былъ въ строгомъ чинѣ:
Холопей праздную семью
Держалъ всегда онъ въ дисциплинѣ,
Какъ свору гончую свою.
Онъ велъ дѣла благополучно;
Виновныхъ на конюшнѣ сѣкъ,
Псарей училъ собственноручно...
Какъ благородный человѣкъ!

Имѣя дѣла очень много,
То на охотѣ, то въ гостяхъ,
Меня онъ сдалъ на волю Бога;
Я взросъ у ключницъ на рукахъ.
Я поѣдалъ варенья славно,
Ходилъ смотрѣть рысистой бѣгъ,
Да въ бабки дулся преисправно...
Какъ благородный человѣкъ!

Я съ гордостью открою внукамъ,
Что полный курсъ мой — былъ букварь,
Что обучалъ меня наукамъ
Нашъ деревенскій понамарь.
Я росъ свободно, праздно, вольно,
Межъ дворни, гончихъ и телегъ,
Да плеткой слугъ стегалъ пребольно...
Какъ благородный человѣкъ!

Чтобы избавиться отъ жалобъ,
Отецъ рѣшилъ меня женить,
Да разсудилъ, что не мѣшало-бъ
Сперва маленько посдужить.
Мои бумаги были чисты,
Тогда былъ не ученый вѣкъ,
И поступилъ я въ копіисты...
Какъ благородный человѣкъ!

Не зналъ я, что такое страсти,
За честью гнаться не умѣлъ,
Я покорялся всякой власти,
Предъ богачемъ благоговѣлъ;
Не простиралъ далеко виды,
Сбиралъ щепы, какъ дровосѣкъ,
Сносилъ безропотно обиды...
Какъ благороднный человѣкъ!

Я врагъ былъ всякихъ либераловъ,
Во мнѣ помѣщикъ не потухъ,
Всегда терпѣть не могъ журналовъ,
Въ нихъ этакой какой-то духъ...
Я денегъ не сорилъ на вздоры,
Не заводилъ библіотекъ,
И не вступалъ ни съ кѣмъ я въ споры...
Какъ благородный человѣкъ!

Я проводилъ досугъ иначе:
Бродягамъ грома недавалъ,
И въ зимній вечеръ и на дачѣ
Исправно спалъ, иль козырялъ.
Меня не трогалъ неимущій,
Не призрѣвать же всѣхъ калѣкъ!
Пусть самъ достанетъ хлѣбъ насущный...
Какъ благородный человѣкъ!

Жену мою — какъ вамъ сказалъ-бы —
Мнѣ мой начальникъ предложилъ,
Ее онъ зналъ еще до свадьбы...
И награждалъ по мѣрѣ силъ.
За ней сулилъ онъ 30 тысячъ...
Ну кто жъ огкажется въ нашъ вѣкъ?
Да я бъ себя позволилъ высѣчь...
Какъ благородный человѣкъ!

Жена любила страхъ обряды
Великолепныхъ, свѣтскихъ дамъ:
Днемъ закупала все наряды,
Скиталась ночью по баламъ.
Сперва ее плѣнила полька,
А тамъ подъѣхалъ знатный грекъ...
Что было дѣлать? Плюнулъ только...
Какъ благородный человѣкъ!

Я былъ въ дѣлахъ отмѣнно тонокъ,
Спины и шеи не жалѣлъ;
Предъ сильнымъ просто падалъ до ногъ,
Зиалъ фамильярности предѣлъ;
И хоть безъ мудраго ученья,
А переплылъ я много рѣкъ!
Да нажилъ славныхъ три имѣнья...
Какъ благородный человѣкъ!

Я въ свѣтѣ съ важностью прямою
Всегда держать себя умѣлъ;
И подчиненный предо мною
Ни сѣсть, ни пикнуть-бы не смѣлъ.
А еслибъ вышелъ онъ изъ правилъ,
Да я бы судъ надъ нимъ изрекъ —
Безъ хлѣба на всю жизнь оставилъ ...
Какъ благородный человѣкъ!

Дѣтей къ начальству на поклоны
Всегда съ собою я возилъ.
Что значатъ важныя персоны —
Я съ малодѣтства имъ внушилъ.
За то карьеру имъ составилъ,
Теперь пойдутъ и безъ опекъ —
Я долгъ родительскій исправилъ ...
Какъ благородный человѣкъ!

Весь вѣкъ я терся по пріемнымъ
У командировъ и вельможъ,
Терпѣлъ ихъ шутки съ видомъ скромнымъ,
На все готовъ былъ и пригожъ:
За честь считалъ вкушать ихъ брашень ..
Домой ходилъ лишь на ночлегъ —
За то ихъ милостью украшенъ ...
Какъ благородный человѣкъ!

Хоть правда, ждалъ бѣднякъ уплаты
Съ меня лѣтъ восемь иногда,
Но мѣтилъ я въ аристократы,
При томъ-же зналъ, что нѣтъ стыда
Должать за мебель да линейки;
За то платилъ я весь мой вѣкъ
Долги по картамъ до копѣйки ...
Какъ благородный человѣкъ!

И внесъ на имя неизвѣстныхъ
Давно въ ломбардъ я капиталъ,
Достигъ до степеней извѣстныхъ
И все, что можно, нахваталъ.
Возвелъ этажей въ пять домишко,
И формуляръ мой чисть, какъ снѣгъ,
А жилъ-то я на свой умишко . . .
Какъ благородный человѣкъ!

Скончался я. Оплаканъ сыномъ.
За мной тянулся рядъ каретъ,
Свезли меня подъ балдахиномъ,
И для поминокъ данъ обѣдъ.
На дняхъ въ газетахъ выйдетъ нумеръ:
„Что молвъ такой-то (имя рекъ)
„Почтенно жилъ и умеръ честно —
„Какъ благородный человѣкъ.“

Насильственный бракъ.

СТАРЫЙ БАРОНЪ.

Сбирайтесь слуги и вассалы
На кроткій господина зовъ,
Судите, не боясь опалы,
Я правду выслушать готовъ.
Судите, споръ, вамъ всѣмъ знакомый,
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,
Не властенъ у себя я дома:
Всё непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена . . .
Её я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ её,
И далъ, съ державною рукою,
Ей покровительство мое;

Одѣлъ её парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ
И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю, жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Она клянетъ мой кровъ и щитъ
И косо смотритъ изъ подлобья —
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья,
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!
И торжествуя и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный,
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ...
Теперь внемлите непокорной,
Пусть защищается она,
Мнѣ непокорная жена!

ЖЕНА.

Раба-ли я, или подруга,
То знаетъ богъ... я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга,
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня,
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый;

Я предана... я продана,
Я узница, а не жена.
Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить,
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь, онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу!
Сама сторонних научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета;
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ.
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Старинным именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться;
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье,
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,
И мнѣ-ли ропотъ запрещенъ?
Еще-ль терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ её должна
Насильно взятая жена?*)

Граф. Ростопчина.

*) Это стихотвореніе было напечатано, ценсура не догадалась сначала, что „Насильственный бракъ“ превосходно представилъ Николая и Польшу, потомъ спохватилась и „Старый баронъ“ выслалъ изъ Петербурга автора ихъ.

Братья разбойники.

Не стая птицъ, но какъ собаки,
Готовыя изъ за костей
Загрызть и ближнихъ и друзей,
Такъ алчные вина и драки,
Къ Булгарину въ числѣ гостей
Собрались разные писаки.
Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья!
Изъ нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ
Здѣсь русскихъ критиковъ собранье.
Здѣсь пѣль одна для всѣхъ сердецъ:
Не вѣритъ ни какимъ законамъ,
Межъ ними зрится и бѣглецъ,
Что̀ приставалъ ко всѣмъ знаменамъ,
Язвинскій лжецъ, Межевичъ грязный,
Измѣнникъ, самохвалъ и ляхъ;
Песоцкій, букинистъ-варягъ
И Греча сынъ, и съ лѣнью праздной
Самъ Гречь, дѣйствительный цыганъ;
Шпіонство, зло, подрывъ, обманъ —
Вотъ узы избранныхъ мерзавцевъ;
Тотъ ихъ, кто по міру пустилъ
Двоихъ иль трехъ книгопродавцевъ,
Кто ближняго изъ за чернилъ
. . . . . .
Кому смѣшна прамая честность,
Кто умъ и геній не щадитъ,
Кого безчестье веселитъ,
Какъ Греча всякая извѣстность.
Раскрылись подлыя уста,
Рѣчь о писателяхъ заводятъ
И на невинныхъ клевета
Изъ устъ въ другія переходитъ.

Но сплетней истощенъ запасъ,
Умолкли всѣ, ихъ занимаетъ
Ѳадѣя стараго разсказъ
И все вокругъ его внимаетъ:
„Насъ было двое Гречь и я!
Взросли мы розно, наша дружба
Какъ баснь „крестьянинъ и Змѣя.“
Наскучила намъ честь и служба
И мыслить стали межь собой
Мы издавать журналъ большой;
Въ сотрудники себѣ мы взяли
Такихъ же неучей точь въ точь;
Свои грѣхи на нихъ слагали,
Лишь пикнутъ — отгоняли прочь.
Бывало въ пору ту гдухую
Статейку пустимъ удалую,
Чернимъ и хвалимъ подъ рукой
И верхъ имѣемъ надъ толпой.
Кто не робѣлъ меня и Греча;
Сберется гдѣ нибудь ротъ вѣча
Туда! спѣшимъ, кричимъ
Всѣхъ громче, судимъ, осуждаемъ,
На счетъ хозяевъ пьемъ, ѣдимъ,
Всѣхъ, какъ Іуда, лобызаемъ,
Всѣхъ, какъ Іуда продаемъ
И сребренники получаемъ...
И чтожъ попались молодцы:
Мы съ Пушкинымъ не совладали;
Онъ насъ клеймилъ; какъ подлецы
Съ тѣхъ поръ мы въ общемъ мнѣньи стали.
Я самъ чуть не попалъ въ острогъ;
Но вынесть болѣ Греча могъ:
Онъ все гонялся за чинами,
Я уцѣлѣлъ, онъ изнемогъ.
И онъ твердилъ тогда всечастно:
Мнѣ стыдно здѣсь, въ Парижъ хочу.
И я ему себя напрасно
Въ примѣръ безстыдства представлялъ,

Онъ въ Петербургѣ всѣхъ стыдился
И путежествовать пустился:
Статьи оттуда присылалъ,
Всѣхъ русскихъ громко выхвалялъ!
Но за границей онъ стяжалъ
Лишь имя русскаго шпіона.
Все-жъ наша дружба верхъ взяла:
Мы съ Гречемъ вновь соединились,
Стыдливость глупая прошла,
А съ ней и честность удалилась.
Съ тѣхъ поръ озлясь на всѣхъ извѣстныхъ,
Душа рвалась при видѣ честныхъ,
Алкала денегъ, лжи и ссоръ,
Намъ тошенъ былъ журналъ правдивый
Поэтъ, художникъ и актёръ
На всѣхъ двойной точили ножъ,
Всѣхъ . . . . . и чтожъ?
Изъ всѣхъ лишь однаго больнаго
Намъ страшно рѣзать старика;
На Николая Полевова
Не подымается рука.“

В. Г. Бѣлинскій.

Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ
Среди друзей своихъ печальныхъ
Поэтъ въ подвалѣ умиралъ
И передъ смертью имъ сказалъ:
„Какъ я, назадъ тому семь лѣтъ,
Другой бѣднякъ покинулъ свѣтъ,
Такимъ-же сокрушенъ недугомъ.
Я былъ его ближайшимъ другомъ.
И братомъ по судьбѣ. Мы шли
Одной тернистою дорогой

И пересилить не могли
Судьбы — равно къ обоимъ строгой.
Онъ честно истинѣ служилъ,
Онъ духомъ былъ смѣлѣй и чище,
За то и раньше проложилъ
Себѣ дорогу на кладбище.....
А нынѣ очередь моя.....
Его я пережилъ не много;
Я сдѣлалъ мало, волей Бога
Погибла даромъ жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многихъ былъ я самъ виной;
Теперь, въ послѣднія минуты,
Хочу я долгъ исполнить мой,
Хочу сказать о бѣдномъ другѣ,
Все что я видѣлъ, что я зналъ
И что въ мучительномъ недугѣ
Онъ честнымъ людямъ завѣщалъ.....
„Родился онъ почти плебеемъ,
(Что мы безславьемъ разумѣемъ,
Что онъ иначе понималъ).
Его отецъ былъ лекарь жалкой,
Онъ только пить любилъ, да палкой
Къ ученью сына поощрялъ.
Процессъ развитія — въ Россіи
Не чуждый многимъ — проходя,
Книжонки дѣльныя, пустыя
Читало съ жадностью дитя,
Притомъ какъ водится украдкой.....
Тоска мечтательности сладкой
Имъ овладѣла съ малыхъ лѣтъ.....
Какой прозаикъ иль поэтъ
Помогъ душѣ его развиться,
Къ добру и славѣ прилѣпиться —
Не знаю я. Но въ немъ кипѣлъ
Родникъ богатыхъ силъ природныхъ —
Источникъ мыслей благородныхъ
И честныхъ, безкорыстныхъ дѣлъ!....

„Съ кончиной лекаря, на свѣтѣ
Остался онъ убогъ и малъ;
Попалъ въ Москву, учиться сталъ
Въ московскомъ университетѣ;
Но выгнанъ былъ, не доказавъ
Какихъ-то о рожденьи правъ,
Не удостоенный патентомъ —
И оставался цѣлый вѣкъ
Недоучившимся студентомъ.
(Одинъ ученый человѣкъ
Кололъ его неоднократно
Такимъ прозваніемъ печатно,
Но впрочемъ Богъ ему судья!...)
Бѣднякъ, терпя нужду и горе,
Въ подвалѣ жилъ — и началъ вскорѣ
Писать въ журналахъ; помню я —
Писалъ онъ много..... Мыслью новой,
Стремленьемъ къ истинѣ суровой
Горячій трудъ его дышалъ —
Его замѣтили... Въ ту пору
Пришла охота прожектёру,
Который барышей желалъ,
Обширный основать журналъ.....
Вникая въ дѣло не глубоко,
Искалъ онъ одного, чтобъ тотъ,
Кто мѣсто главное займётъ
Писалъ разборчиво — и срока
Въ доставкѣ своего труда
Не нарушалъ бы никогда.
Бѣлинскій какъ-то съ нимъ списался
И жить на Сѣверъ перебрался...
„Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ; безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла...
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она погрязнувъ поглупѣла...
До общества, до жизни ей

Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время какъ въ родномъ краю,
Открыто зло торжествовало
Ему лишь „баюшки баю“
Литература распѣвала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли;
Лишь два задорныхъ Поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.
Ужъ новой геній подымалъ
Тогда главу свою межъ нами,
Но онъ одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыдными врагами.
Къ нему подъ знамя приносилъ
Запасъ идей, надеждъ и силъ
Кружокъ еще не смѣлый, тѣсной...
Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной,
Въ открытомъ обличеніи зла...
„И онъ пришелъ плебей безвѣстной!...
Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ.
Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ,
Благонамѣренныхъ воровъ!
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ
Всю бездну дикости и зла,
Куда заснувъ, подъ говоръ лести,
Въ забвеньи истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла!
Онъ расточалъ ей укоризны
За рабство — вѣковой недугъ,
И прокричалъ врагомъ отчизны
Его — отчизны ложный другъ.
Надъ нимъ ужъ тучи собирались,
Враги шумѣли, ополчались.
Но дикій вопль клеветника
Не помѣшалъ ему пока.....

Въ немъ силы пуще разгорались
И между тѣмъ какъ передъ нимъ
Его соратники рѣдѣли,
Смирялись, пятились, нѣмѣли,
Онъ шелъ одинъ неколебимъ!...
„О! сколько есть душой свободныхъ
Сыновъ у родины моей,
Великодушныхъ, благородныхъ
И неподкупно вѣрныхъ ей —
Кто въ человѣкѣ брата видитъ,
Кто зло клеймитъ и ненавидитъ,
Чей свѣтелъ умъ и ясенъ взглядъ,
Кому разсудокъ не тѣснятъ
Преданья ржавыя оковы —
Но всѣ-ль они признать готовы
Его учителемъ своимъ?.....
„Судьбой и случаемъ хранимъ,
Трудился долго онъ — и много
(Конечно, не безъ воли Бога)
Сказать полезнаго успѣлъ
И можетъ быть бы уцѣлѣлъ...
Но поднялась тогда тревога
Въ Парижѣ буйномъ — и у насъ
По своему отозвалась...
Скрутили бѣдную цензуру —
Послушавъ наконецъ клеветъ,
И разбирать литературу
Созвали цѣлый комитетъ.
По счастью въ немъ сидѣли люди
Честнѣй, чѣмъ былъ изъ нихъ одинъ —
Фанатикъ ярый Бутурлинъ,
Который не жалѣя груди,
Бѣснуясь повторялъ одно:
„Закройте университеты
И будетъ зло пресѣчено!.....“
(О мужъ безсмертный! не воспѣты
Еще ни кѣмъ твои слова,
Но твердо помнитъ ихъ молва!

Пусть червь тебя могильный гложетъ,
Но сей совѣтъ тебѣ поможетъ.
Въ потомство перейти вѣрнѣй,
Чѣмъ томъ исторіи твоей...)
„Почти полгода насъ судили,
Читали, справки наводили —
И неостался правъ никто...
Какъ быть! спасибо и за то,
Что не былъ судъ безчеловѣченъ...
Настала грустная пора
И честный сѣятель добра
Какъ врагъ отчизны былъ отмѣченъ;
За нимъ слѣдили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тутъ услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замученъ жизнью трудовой,
И постоѣнной нищетой,
Онъ умеръ... Помянуть печатно
Его не смѣли — и о немъ
Слабѣетъ память съ каждымъ днемъ
И скоро сгибнетъ невозвратно!..“
Поэтъ умолкъ. А черезъ день
Скончался онъ. Друзья сложились
И надъ усопшимъ согласились
Поставить памятникъ, но лѣнь
Исполнить помѣшала вскорѣ
Благое дѣло, а потомъ
Могила заросла кругомъ:
Не сышешь!... не велико горе!...
Живой печется о живомъ,
А мертвый спи глубокимъ сномъ.....

Валтасаръ.

(Баллада изъ Г. Гейне).

Ужъ часъ полночный наступалъ.
Весь Вавилонъ молчалъ и спалъ.

Лишь окна царскаго дворца
Сіяютъ: пиръ тамъ безъ конца.

Въ блестящей залѣ столъ накрытъ;
Царь Валтасаръ за нимъ сидитъ.

Съ царемъ пируетъ много слугъ;
Не молкнетъ чашъ веселый стукъ.

Все шумно: рабъ за чашей смѣлъ.
Строптивый царь повеселѣлъ.

Въ лицѣ румянецъ запылалъ:
Съ виномъ онъ бѣшенство впивалъ.

Слѣпымъ безумствомъ увлеченъ,
Поноситъ дерзко Бога онъ.

Нахально-дикъ его языкъ,
И рабскихъ хвалъ неистовъ кликъ.

Сверкая взоромъ, пьяный царь
Рабовъ ограбить шлетъ алтарь.

И вотъ несутъ, склоня главы,
Всю утварь храма Еговы.

И царь коснѣющей рукой,
Наполнивъ, взялъ сосудъ святой.

Его онъ разомъ осушилъ —
И съ пѣной у рта возгласилъ:

„Я плюю, Богъ, на твой алтарь!
Я Вавилона сильный царь!“

Еще не смолкъ безумный крикъ,
Какъ трепетъ въ грудь царя проникъ.

Угасъ мгновенно буйный смѣхъ —
И страшный холодъ обнялъ всѣхъ.

И вдругъ, о ужасъ! на стѣнѣ
Рука явилася въ огнѣ —

И пишетъ. Буквы полъ перстомъ
Переливаются огнемъ.

Недвижимъ царь и взоромъ дикъ;
Дрожатъ колѣни; блѣденъ ликъ.

Рабовъ сковалъ могильный страхъ,
И слово замерло въ устахъ.

И ни единый магъ не смогъ
Истолковать небесныхъ строкъ.

Въ ту ночь, какъ теплилась заря,
Рабы зарѣзали царя.

М. А. Михайловъ.

Вечеръ въ Тріанонѣ.

Ночь лѣтнюю смѣняло утро...
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ засіялъ,
Угасъ рой звѣздъ на небосклонѣ —
Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ, и длился балъ.
И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ,
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись;
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ,
Гуляли, въ стриженныхъ аллеяхъ,
Толпы напудренныхъ маркизъ.
Но гдѣ, въ глуби, скозь зелень парка,
Огни не такъ блестѣли ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчь,
Въ тотъ часъ подъ липами густыми,
Два гостя тихо — и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.
Не походили другъ на друга
Они; одинъ былъ сыномъ юга,
Повсюду странный человѣкъ;
Высокій станъ, какъ шпага гибкій,
Уста, съ холодною улыбкой,
Взоръ быстрый, изъ подъ быстрыхъ вѣкъ.
Другой — рябой и безобразный,
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней встрѣчался не въ первой,
И шедши, полонъ думой злою,
Съ походкой львиной, онъ порою,
Качалъ огромной головой.
Онъ говорилъ:
„Приходитъ время!
Пустъ тѣшится младое племя!...

Внезапно, средь его утѣхъ,
Проглянетъ черни вопль голодный,
И предъ анаѳемой народной,
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ."
— Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было!
Влечетъ насъ роковая сила,
Свой старый долгъ они спѣшатъ,
Довесть до страшнаго итога;
Онъ взыщется сполна и строго,
И близокъ тяжкій день уплатъ.
Свергая древніе законы,
Народовъ встанутъ милліоны...
Кровавый наступаетъ срокъ!
Но мнѣ знакомы бури эти,
И четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ!
И нынѣшняго поколѣнья
Затихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы,
И бросятъ, эти же французы,
Наслѣдство выстраданныхъ правъ.
„Нѣтъ не сойдусь я въ этомъ съ вами,
Примолвилъ графъ, сверкнувъ очами,
Нѣтъ, лжи не вѣчно торжество!
Я сынъ скептическаго вѣка,
Но твердо вѣрю въ человѣка,
И не боюсь я за него.
Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождется новыхъ онъ началъ.
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и потомъ,
Не даромъ землю утучнялъ."
Замолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный,
А тотъ, улыбкой чуть замѣтной,
На страстную отвѣтилъ рѣчь.
Потомъ, взглянувъ на графа остро,

— Нельзя, сказалъ онъ, Каліостро
Словами громкими увлечь.
Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты ненавидишь боли,
И противъ жизненнаго зла,
Идешь съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь — и не даромъ,
Графъ Мирабо — въ свои дѣла.
Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
Какъ путеводное свѣтило,
Жить средь гражданскихъ непогодъ
Что, во влеченьи вѣчно-юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.
Да! — и пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои, съ мольбою,
Внесетъ, быть можетъ, въ Пантеонъ.
А новымъ опьянѣвъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ быть, и смѣхомъ,
По вѣтру ихъ развѣетъ онъ.
Всегда въ его тревогѣ страстной
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ;
Всегда любовь его безплодна,
Всегда онъ былъ по-очередно
Иль лютый тигръ, иль смиреный волъ.
Толпу я знаю не отнынѣ!
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ:
Покуда онъ, моля творца,
Народу несъ скрижаль закона,
Народъ плясалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.
Я видѣлъ гнѣвнаго пророка,
Какъ онъ разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей,
И повелѣлъ имъ полонъ гнѣва,
На право рѣзать и на лѣво
Отцевъ и братьевъ и дѣтей.

Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима:
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ послушныхъ длинный строй,
Всемирной кланяясь державѣ,
И громкое звучало ave
Передъ несмѣтною толпой.
Я былъ въ далекой Галилеѣ:
Я видѣлъ какъ сошлись Евреи
Судить Мессію своего.
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ вопли преступленья:
„Распни его! Распни его!“
Стоялъ величественъ и нѣмъ онъ
Когда блѣднѣющій игемонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
— Кого пущу вамъ по уставу?
„Пусти разбойника Варраву!“
Гремѣлъ толпы безумной ревъ.
Я помню праздники Нерона.
Одѣтъ бронею центурьона,
День памятный провелъ я съ нимъ.
Ему вино лила Помпея
Онъ пѣлъ въ стихахъ хвалу Энея,
И вылъ кругомъ зажженный Римъ.
Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желаніемъ конца,
Ломясь средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.
Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ знакомымъ съ давнихъ поръ —
На площади былъ шумъ великій:
Всходилъ къ веселью черни дикой
Ея защитникъ на костеръ.
И грустныхъ встрѣчъ я помню много.
Была и здѣсь моя дорога:

Я помню какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое войновъ храма.
Весь этотъ судъ грѣха и срама...
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.
Сто лѣтъ спустя стоялъ я снова
Въ Руанѣ у костра другаго:
Спокойно умереть на немъ
Шла избавительница края,
И бѣшено ее ругая
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.
Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрогаясь къ мѣсту казни
Среди проклятій безъ числа,
И только разъ при взрывѣ гула
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла — и прошла.
Я прожилъ ночь Варѳоломея:
По грудамъ труповъ свирѣпѣя,
Толпа неслась передо мной;
И новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Свирѣпой тѣшилась рѣзней.
Я слышалъ вопли черни жадной,
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Опять я видѣлъ большинство!
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.
И въ Англіи провелъ я годы.
Во имя вѣры и свободы
Я видѣлъ какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою
И смѣлою схватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.
Я видѣлъ этотъ споръ кровавый,
И судъ народа надъ державой,
Я видѣлъ плаху короля.
И гдѣ отецъ погибъ напрасно,

Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.
И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ переворотамъ бури новой —
И грозный плодъ его созрѣлъ!
И много здѣсь оковъ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронесется дѣлъ.
И дѣву, можетъ быть иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грозный судъ,
И за свои сразившись вѣры
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.
И вашимъ внукамъ разскажу я,
Чтó, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ повела свобода,
И какъ отъ этого народа
Пришлось отречся и тебѣ!
Онъ замолчалъ...
А вдоль востока,
Лучи зари блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй,
Взглянулъ въ опроверженьи рѣчи
На солнце яснаго предтечи,
Надменно будущій плебей,
И полонъ думой роковою,
Тряхнулъ огромной головою
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Видѣніе.

(Ода на день тезоименитства
великаго князя Александра Николаевича.)

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ?
Я вижу, въ сладкомъ упоеньи,
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ,
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ,
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучь, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцевъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ, въ немъ и нравъ и умъ,
И искрится исъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью
Ему Великая рекла:
„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Тебя иная ждетъ судьбина,
Иные ждутъ тебя дѣла...
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена творцемъ:
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ Сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудіе истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель —
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданиномъ для гражданъ;
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари."

К. Рылѣевъ.

Вожди свободы.

I.

На соломѣ лежалъ онъ въ темницѣ сырой . . .
Сквозь рѣшетку сіялъ утра лучь золотой
И ходилъ онъ узоромъ по мокрой стѣнѣ:
Видны вольныя птицы и небо въ окнѣ,
Видны въ огненномъ морѣ плывуть острова . . .
И лѣса и заря и небесъ синева!
А кругомъ давять своды темницы сырой,
Да желѣзо звенитъ и блеститъ подъ рукой.
Онъ въ темницѣ сырой неподвижно лежалъ,
И съ крестомъ передъ нимъ черный инокъ стоялъ.
Крестъ горѣлъ серебромъ на пурпурныхъ лучахъ...
Горе тайное въ мрачныхъ монаха чертахъ...

„Завтра казнь. Топоръ широкій
„Эту голову отрубитъ...
„Я покоенъ! Кто жалѣетъ —
„Будетъ плакать, если любитъ...
„Будетъ злобно издѣваться
„Надъ моимъ кровавымъ тѣломъ
„Сонмъ рабовъ тупыхъ и дикихъ,
„Низкихъ духомъ, подлыхъ дѣломъ...
„За свободу, за свободу,
„Я страдалъ и бился,
„За свободу Богу силы
„Пламенно молился!
„Но растетъ тупая сила
„На бою упорномъ,
„И распнетъ она свободу,
„На крестѣ позорномъ!
„И умру я безполезно,
„Кровь прольется даромъ...
„Смерть покончитъ съ жизнью счеты
„Топора ударомъ!“

Онъ упалъ на солому со стономъ глухимъ...
А монахъ неподвижно стоялъ передъ нимъ,
И глаза его дико сверкали,
И таинственно тихо кровавымъ огнемъ,
Освѣтили лучи его ликъ, и на немъ
Въ свѣтло-тѣняхъ блѣднѣя играли...

— „Нѣтъ, братъ мой, нѣтъ!“ заговорилъ,
„Нѣтъ кровь людей не льется даромъ,
Ты въ души искры заронилъ,
И вспыхнутъ искры тѣ пожаромъ...
Ты дѣло жизни совершилъ
И подвигъ смерти предъ тобою,
Въ вѣнцѣ терновомъ въ сѣнь могилъ,
Иди съ подъятой головою!...
Безполезной жизни цѣпи,
Я влачилъ страдая,
Я постился и молился,
Плача и рыдая.
Власяницу и вериги,
Я влачилъ страдая,
И возстать я мнилъ духовно,
Тѣло убивая.
Но творецъ создалъ природу,
Въ красотѣ и силѣ,
Мы ли смѣемъ жизнь святую,
Торопить къ могилѣ?
Я смотрѣлъ на гнетъ безмолвно,
Ты-жъ за братьевъ вѣчно,
Исходилъ въ борьбѣ упорной,
Въ мукѣ безконечной...
Я — мертвецъ — смотрѣлъ безсильно,
Ты и жилъ и бился!“...
И монахъ передъ страдальцемъ,
Тихо преклонился...

II.

А тиранство тупое сурово
Налагаетъ на волю оковы,
И мученья великаго стонъ
Носитъ вѣтеръ отъ разныхъ сторонъ...
Задыхаются люди отъ злобы —
Кровь, да цѣпи, да черные гробы!
И волнуется глухо народъ,
И на битву свободы идетъ...

Воспоминаніе.

(Кіевъ.)

Какъ только вспомню градъ святой
И Днѣпръ широкій подъ горой,
Его хрустальную струю,
И жизнь студентскую мою,
И взоръ молоденькихъ дѣвицъ —
Очаровательныхъ пѣвицъ —
И ножки стройныя плясавицъ,
И прежнихъ всѣхъ своихъ красавицъ —
Проснётся въ сердцѣ моемъ вновь
Мятежно-бурная любовь.

Бывало позднею порою
Сберемся на Печерскъ толпою.
Начнется тамъ студентскій пиръ:
Раздается вдругъ бокаловъ звонъ,
Удалыхъ пѣсенъ звучный тонъ
И голосъ нѣжно-томный лиръ....
Все громче пѣсня раздается,

И эхо пѣсни удалой
Вдали вторится въ часъ ночной,
Подъ шумъ фонтана и каскада.
Потомъ пѣвалась серенада
Во имя дивной красоты,
Любви, надежды и мечты,
Во имя дружбы и науки,
Восторга, радости и скуки,
Во имя братства и свободы —
И угнетённые народы
Не рѣдко занимали насъ
Въ безсонный, полуночный часъ.

Теперь паритъ душа туда,
Гдѣ бьетъ Днѣпровская вода:
Умомъ и сердцемъ жилъ я тамъ.
Туда къ Днѣпровскимъ берегамъ,
Влечетъ небесный гласъ пѣвца,
Чтобъ лирой грозной, какъ мечемъ,
Карать развратнаго глупца,
Что лести мерзостной челомъ
Въ передней бьетъ аристократу,
И кадитъ златомъ бюрократу.
Тамъ Б....въ паша, болванъ,
Разврата мерзостный рачитель,
Науки страждущей гонитель,
Безумствовалъ, надъ всѣмъ тиранъ,
Но опозоренный молвою
Безумный, ревностный сатрапъ,
Съ развратно-подлою душею,
Упалъ, какъ подлый низкій рабъ.

П. П...

Вѣра и любовь.

Другъ друга любите,
Господь нашъ сказалъ —
О братья! живите,
Какъ онъ завѣщалъ.

У входа въ свѣтлый рай двѣ женщины сошлися,
Одна — монахиня, другая же актриса,
Одна въ монастырѣ и въ дѣвствѣ умерла,
Другая знала жизнь и всѣмъ была мила.
Святый апостолъ Петръ, у двери ихъ встрѣчая
И на актрису взоръ съ любовью устремляя —
„Не бойся“ ей сказалъ: „Душа твой проводникъ;
Чтобъ въ Божій рай войти — не нуженъ духовникъ!“

* * *

Актриса не ждала подобнаго привѣта
И молвила въ слезахъ: я не была отпѣта!
„Во Франціи у насъ жестокій есть законъ:
Актёровъ и актрисъ лишаютъ похоронъ!“
Апостолъ возразилъ: „Всѣ ваши отпѣванья,
Не служатъ ни къ чему: здѣсь цѣнятся дѣянья;
Того пріемлемъ мы, всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Кто ближняго любилъ какъ самого себя.

* * *

Монахиня тогда апостолу сказала:
„Я жизнію своей и смертью доказала,
Какъ возлюбила я небеснаго творца:
Я цѣломудріе хранила до конца!“
— „А я, святой отецъ“ — актриса говорила:
„Въ объятіяхъ любви творца боготворила!
И чашу радости со мной на единѣ
Пивали и монархъ и нищій наравнѣ!“

* * *

Въ чертогахъ золотыхъ и въ хижинѣ убогой
Я поучала всѣхъ держаться жизни строгой —
И сколько грѣшныхъ душъ отъ ада отвлекла!“
Монахиня Петру апостолу рекла.
— „А я свой уголокъ не обращала въ келью,
Располагала всѣхъ къ радушному веселью:
Кто веселъ, тотъ всегда наклонится къ добру“,
Актриса говоритъ апостолу Петру —

* * *

— „Сбирала деньги я у всѣхъ въ избыткѣ сущихъ
И отдавала ихъ на пользу неимущихъ
Во имя Господа Спасителя Христа.“ —
Монахиня рекла и смолкнули уста...
— „А я, о, стражъ Христовъ! жила... и проживала!
Не знаю какъ брала, не помню какъ давала;
Но бѣдные меня любили какъ сестру!“
Актриса говоритъ апостолу Петру.

* * *

Святый апостолъ Петръ съ веселъемъ отпирая
Желаемую дверь божественнаго рая,
Благословеніемъ двухъ женщинъ осѣнилъ,
И гласомъ кротости къ обѣимъ возопилъ:
„О души добрыя! за то, что вы любили
Душою ближняго и ближнему служили,
Здѣсь жизнью вѣчною вы заживете вновь
дите обѣ въ рай и Вѣра и Любовь!...
Другъ друга любите и т. д.

Беранже.

Гаснетъ мѣсяцъ Истамбула.

Гасиетъ мѣсяцъ Истамбула,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турка злаго
Никнетъ гордое чело.
Спишь ли ты нашъ Королевичъ,
Посмотри на твой народъ,
Разходился словно волны
Что ломаютъ вешній ледъ!
Спишь ли ты нашъ Королевичъ,
Погляди-ка въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ.
Слушай! трубы загремѣли,
Бьётъ въ раскатахъ барабанъ,
Бѣлы свиты, черны шапки
Степь укрыли какъ туманъ.
Просыпайся Королевичъ!
Знать великій день насталъ,
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ.....

Хомяковъ.

Годовщина.

(18-го Февраля, 1856-го года).

Была пора: надъ трупомъ Фараона,
Въ томъ склепѣ, гдѣ хранились мертвецы,
Спокойные, безъ жалобы и стона,
Сбирались Мемфисскіе жрецы.
Всѣ жизнь усопшаго безъ страха разбирали
И приговоръ надъ мертвымъ изрекали.

И новый царь внималъ суду жрецовъ,
Покорствуя правдивому рѣшенью,
И хоронилъ отца въ тиши, съ толпой рабовъ,
Иль пышное ему готовилъ погребенье,
И на гранитѣ первозданныхъ скалъ
Народный приговоръ историкъ высѣкалъ.

Теперь не та пора: пусть намъ не въ мочь страданья,
Погибшихъ изверговъ судить мы не должны.
Усопшимъ миръ! намъ говоритъ преданье,
Завѣтъ вѣковъ, обычай старины.
Религія прощать враговъ насъ учитъ —
Молчать, когда насъ царь гнететъ и мучитъ.

И мы молчимъ; нѣтъ, больше: между насъ
Является поэтъ покрытый срамомъ;
Забывъ, что голосъ музы — бога гласъ
Онъ злу кадитъ душевнымъ ѳиміамомъ,
Онъ деспота зоветъ спасителемъ людей,
Въ грязь затоптавъ всю славу прежнихъ дней.

Но пусть его боятся и въ могилѣ,
Въ ней льстятъ ему, чтобъ только онъ невсталъ.
Душа кипитъ, покорна высшей силѣ,
Пѣвецъ на судъ вѣковъ царя призвалъ.
Покинь свой гробъ! Взгляни на рубежи родные,
Смотри, что въ годъ ты сдѣлалъ изъ Россіи!

Вотъ безъ конца проходитъ вереница
Вся въ траурѣ, отцовъ, дѣтей, сиротъ,
Вотъ плачетъ мать, одежды рветъ вдовица...
Кто кости ихъ мужей, сыновъ беретъ?
За что погибло ты, младое поколѣнье
Полно надеждъ и силъ, въ безумномъ ослѣпленьи?

Смотри, нашъ царь; вотъ рѣки слезъ тяжелыхъ,
Вотъ море крови чистой, горы тѣлъ;
Не мало-ли?... А въ городахъ и селахъ
Вотъ новый бичъ: огонь разсвирѣпѣлъ,
Рукой врага зазженный. Стѣны, зданья —
Все падаетъ во прахъ — за что же наказанье?

За чтожъ и мирный сынъ родной земли
Богатъ сегодня — завтра бѣдный нищій,
Всѣ житницы, всѣ домы, корабли
Вдругъ потерявъ, насущной проситъ пищи.
Бѣжитъ изъ города, гдѣ думалъ мирно жить.
Котораго, о царь, не могъ ты защитить.

Считай же, сколько этихъ городовъ
Разрушено иль взято у Россіи
И сколько доблестныхъ отечества сыновъ
Въ плѣну, изранены, выносятъ муки злыя...
Картиной этой не доволенъ ты?
Исторія тебѣ перевернетъ листы.

Смотри, вотъ золото сіяетъ предъ тобой:
Богатство здѣсь безъ счета, безъ числа;
Владѣльцы ихъ идутъ сплошной толпой,
Но золото толпа не принесла
Отчизнѣ въ даръ, а зная блага въ жизни,
Его сама украса у отчизны.

Здѣсь все и милліонъ казны твоей,
Послѣдній грошъ пожертвованный нищимъ,
Хлѣбъ ратнику, пособіе врачей,
Оружіе, одежда... Мы отыщемъ
Навѣрно ленты здѣсь самихъ воровъ —
Не даромъ всѣ они слывутъ за бѣдняковъ.

Позоръ и стыдъ! грабежъ вошолъ въ обычай,
Въ законъ, въ обрядъ, и наглъ и явенъ сталъ,
И крадутъ всѣ: путеецъ и лѣсничій,
Чиновникъ, попъ, солдатъ и генералъ —
И дѣвка грязная, любовница министра
Продажей мѣстъ разбогатѣла быстро.

А кто стоитъ у трона твоего?
Тебѣ-бъ совѣтникъ, правды другъ, наскучилъ.
Нѣтъ, ты искалъ молчанья одного,
Покорности — и рядъ бездушныхъ чучелъ,
Холоповъ чувствомъ, евнуховъ ума,
Вокругъ тебя — и ихъ такая тьма!....

И надъ тобой, и надъ твоей землей,
Теперь Европа цѣлая смѣется.
И твой позоръ, и стыдъ земли родной
Въ потомствѣ отдаленномъ отзовется,
И дорогъ будетъ примиренья пиръ
И за войной нелѣпой — подлый миръ.

Лишь годъ прошолъ — и ты забытъ какъ мебель
И неукипжій хламъ старинныхъ лѣтъ,
Вѣнчанный Хлестаковъ, между царей Фельдфебель,
Разбитый и разслабленный атлетъ,
И ноютъ въ гробѣ отъ тоски и злости
Гніющія, поруганныя кости.

И день придетъ!... и не одинъ пѣвецъ,
Но голосъ всей народной немезиды,
Средь вѣки прогремитъ вдругъ изъ конца въ конецъ:
Да будешь проклятъ ты — —!
И въ страхѣ, и въ стыдѣ, въ послѣдній, судный день
Не выйдетъ изъ гробницъ развѣнчанная тѣнь.

Годъ 1848.

Anno choleræ morbis..

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
На улицу боятся выходить.
Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума? — Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ! тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ — взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и раздольно!
О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ далекіе народы
И что то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ снова лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но въ тайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.

Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,
И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!
И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ —
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ?
Что скажешъ міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

Н. Огаревъ.

Годъ 1849.

Вы знаете: побѣда дряхлой власти
Свершилася. Погибло какъ мятежъ
Свободы дѣло, рушилось на части
И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.

Безропотно, какъ маленкія дѣти,
Они свободу отдали тотчасъ,
Въ смущеніи боясь отцовской плети,
И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.
Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
Не сыщется ни однаго угла,
Гдѣбъ наша жизнь, вѣрна своей святынѣ,
Свѣтло и мирно кончиться могла.
Вы не зарѣзались? Еще быть можетъ
Бить хочется? Такъ чтожъ? Скорѣй, скорѣй
Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожитъ,
Въ Америку — туда, гдѣ нѣтъ людей!
И до сѣдинъ безплодно доживая,
Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что въ жизни было свято вамъ,
Мечты свободы, ваши убѣжденья
Ненужны никому — и всѣ замрутъ,
Какъ всякія безумныя мученья,
Какъ всякій мозга безполезный трудъ!

Н. Огаревъ.

Голова и ноги.

(Басня.)

Уставши бѣгать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды ноги очень гнѣвно
Разговорились съ головой:
„За что мы у тебя подъ властію такой,
Что цѣлый вѣкъ должны повиноваться?
Днемъ, ночью, осенью, весной,
Лишь только вздумалось тебѣ — изволь бѣжать, таскаться

Туда-сюда, куда велишь,
И къ этому еще, опутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты насъ, какъ ссылочныхъ невольниковъ, моришь.
И сидя на верху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свѣтѣ, о людяхъ, о модѣ,
О тихой, иль дурной погодѣ;
Частенько, на нашъ счетъ, себя ты веселишь
Насмѣшкой, колкими словами —
Ну, словомъ, бѣдными ногами,
Какъ шашками вертишь!"
— „Молчите дерзкіе!" — имъ голова сказала: —
„Иль силою я васъ заставлю замолчать.
Вы знаете, меня создала
Природа выше васъ... Зачѣмъ? — Повелѣвать!"
„Ну, очень хорошо, ты-бъ пусть повелѣвала,
По крайней мѣрѣ насъ повсюду-бъ не совала,
А прихотямъ твоимъ вѣдь трудно угодить,
Да, между нами вѣдь признаться,
Какъ нами право ты имѣешь управлять,
Такъ мы имѣемъ право также — спотыкаться
И можемъ также вѣдь, споткнувшись какъ нибудь,
Величество твое на камень сильно ткнуть."
Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
Но, тсъ...! Молчать!... Дуракъ, кто все болтаетъ.

Д. Давыдовъ.

Подводный городъ.

Море воетъ, море стонетъ,
Чуть поднимется волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она.

Море плачетъ. Брегъ песчаный
Одинокъ, печаленъ, дикъ;
Тускло небо — сквозь туманы
Всходитъ блѣденъ солнца ликъ.

Молча на воду спускаетъ
Лодку ветхую рыбакъ,
Молча сѣти разставляетъ
Мальчикъ, глядя въ дальній мракъ.

И задумался онъ, глядя,
И взяла его тоска
„Что такъ море стонетъ, дядя?“
Онъ спросилъ у рыбака.

„Видишь шпиль? Какъ насъ въ погодку
Закачало съ годъ тому,
Помнишь ты, какъ нашу лодку
Привязали мы къ нему?

Тутъ былъ городъ всѣмъ привольный
И надъ всѣми господинъ;
Нынче шпиль отъ колокольни
Виденъ изъ моря одинъ.

Городъ, слышно, былъ богатый
И нарядный, какъ женихъ;
Да себѣ ковалъ онъ злато,
А желѣзо для другихъ.

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ,
Но какъ съ Богомъ онъ ни спорилъ
Богъ его перемудрилъ.

Въ наше море въ стары годы,
Говорятъ, текла рѣка,
И сперла гранитомъ воды
Богатырская рука.

Но подула буря съ моря,
И назадъ пошла ихъ рать,
Волнъ морскихъ не переспоря,
Человѣку вымещать.

Все за то, что прочихъ братій
Братъ богатый позабылъ;
Ни молитвъ ихъ, ни проклятій
Онъ не слушалъ — ѣлъ да пилъ.

Оттого-то море стонетъ;
Чуть поднимется волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она.“

Мальчикъ слушалъ, робко глядя,
Страшно дѣлалось ему:
„А какое имя, дядя,
„Было городу тому?“

„— Имя было ..... да чужое!
Позабытое давно!
Оттого, что не родное,
И непамятно оно.“

Хомяковъ.

Городъ страданія.

Да, я люблю его, созданіе Петра,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не множество добра
И не граниты вѣковые,
Я въ немъ люблю. О нѣтъ! скорбящею душой,
Я прозрѣваю въ немъ иное —
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.
Пусть почву шаткую, онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ хранитъ
Волненье радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши и нѣги дани —
На нихъ отпечатленъ суровый слѣдъ заботъ,
Людскаго пота и страданій.
И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки;
Обманъ, одинъ обманъ! они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки.
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать
Въ окнѣ съ богатою гардиной
И въ темномъ уголкѣ. Вездѣ его печать,
Страданье — уровень единый!
И въ тѣ часы, когда на городъ пышный мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни.
Когда прозрачно все — мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно:
Въ покоѣ томъ — затихъ на время злой недугъ,
Прозрачность та — прозрачность язвы гнойной.

Гражданинъ.

Я-ль буду, въ роковое время,
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я, въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой,
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ своей судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдутъ ни Брута, ни Ріэги.

К. Рылѣевъ.

Дамѣ (1826-го года).

Мы несемъ едино бремя,
Только жребій нашъ иной:
Вы — назначены на племя,
Я — назначенъ на убой.

Д. Давыдовъ.

Дворянинъ — Баринъ.

Писать задумавъ про дворянство
Я риѳму къ слову сталъ искать —
И чтожъ... нашлось лишъ чванство, пьянство,
Ну что прикажите сказать?
Когда-жъ прибѣгнешь къ корнесловью
Не годенъ корень ни одинъ —
Уже-ль изъ однаго отродья
Дворецкій, дворникъ, дворянинъ?
Зачѣмъ дворняшками зовутся
Тѣ псы, что лаютъ изъ воротъ?
За кость между собой дерутся —
Уже-ль онѣ дворянскій родъ?
Два слова „дворянинъ“ — „придворный“
Увы! слилися въ словѣ „Чинъ;“
И значитъ тоже — шутъ проворный
Тотъ, кто придворный дворянинъ?
Дворяне на Руси бываютъ
Одни лишь тѣ, что при Дворѣ,
Хоть родословной ихъ не знаютъ
Но помѣстятъ въ календарѣ.
Иные въ Знать попасть старались
Въ своемъ дворянствѣ зря изьянъ
И выскочки въ число попались
Облагороженныхъ дворянъ!

Но есть еще названье.... баринъ
И душъ владѣлецъ столбовой,
Его права скрѣпилъ Татаринъ
Съ ордой пришедши золотой.
И развилось въ Россій барство
На зло народу и земли,
Наслѣдство гнуснаго мытарства,
Въ степной разцвѣтшее, пыли.
Втораго ига тяготьена

Тогда почувствовалъ народъ
И тащутъ баре къ просвѣщенью
Россію... задомъ на передъ!
Въ столицѣ.... барство умолкаетъ,
Тамъ всякъ — „служащій дворянинъ“
Въ деревнѣ рѣдко онъ бываетъ
И барство..... промѣнялъ на чинъ!
Но съ честолюбьемъ кто не знался
Въ деревнѣ бариномъ живетъ .
А чтобъ мужикъ не забывался
Его онъ отчески гнететъ.
Дворянство — въ службѣ богатѣетъ;
А барству — нищенскій удѣлъ —
Но странно — взяточникъ худѣетъ
Помѣщикъ.... смотришь, разтолстѣлъ!

Доколь боярина значенье
Мы не способны понимать
Дворянство — титулъ униженья
А барство — варварства печать!

Августа 1857.

Сперанскій.

Дерптъ.

Моя любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые.
И музъ, и пѣсенъ, и вина!
Мнѣ милы юности прекрасной
Разнообразны дары,
Студентовъ шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,

Свобода мнѣній, удаль рукъ,
Умовъ небрежное волненье
И благородное стремленье
На полѣ славы и наукъ,
И филистимлянамъ гоненье!
Здѣсь мы творимъ свою судьбу
Здѣсь геній жаться не обязанъ,
И христа-ради не привязанъ,
Къ самодержавному столбу!
Привѣты вольные, живые
Тебѣ любимая страна,
Гдѣ ожилъ я, гдѣ я впервые
Узналъ восторги удалые
И музъ, и пѣсенъ и вина!

1825 года. Языковъ.

Джелаль-Эддинъ Руми.

Я — дикій виноградъ; мнѣ яворомъ ты будь,
Чтобъ могъ своей лозой я станъ твой обогнуть!

Я — плющъ; мнѣ кедромъ будь, подъ бурями созрѣлымъ,
Чтобъ слабой зеленью ко праху мнѣ не льнуть!

Я — птица робкая; ты мнѣ крыломъ будь смѣлымъ,
Чтобъ могъ я въ синевѣ твоихъ небесъ тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мнѣ колючей —
Да быстро къ цѣли мчусь, куда твой ляжетъ путь!

Я — черная гряда; въ ней розой будь пахучей,
Чтобъ корни дикихъ травъ ей не сушили грудь!

Я — сумрачный востокъ; взойди надъ темной бездной
Ты солнцемъ пламеннымъ — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о! будь ей ризой звѣздной,
Чтобы, отринувъ страхъ, я могъ вольнѣй вздохнуть!

М. Л. Михайловъ.

Добро бъ мечты.

Добро бъ мечты, добро бы страсти
Съ мятежной прелестью своей —
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей.
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы безъ бури, грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.
Но эта жизнь — ни сонъ, ни бдѣнье,
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я.
Намъ все дано: мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду божью —
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали;
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ!
Но гдѣ-же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?
А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барской жертвуемъ досугъ.

Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ
Погорячиться о добрѣ....
Что-жъ толку въ томъ? проходятъ лѣта —
Любовь по прежнему мертва....
О! слово старое поэта —
„Слова, слова, одни слова!“
Не то, что-бъ жили мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ.
Счастливо гаснутъ каждый чясъ.
Не все же сонъ. Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаемся безъ труда...
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какой златою серединой
Ты путь опасный проходилъ?
Нѣтъ, темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой — намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути.
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія твои.
О, дай же намъ благую дерзость —
Нарушить быта тишину,
Законовъ зла повѣдать мерзость
И въ царство злыхъ внести войну.

Пускай пожретъ насъ пламень бранный,
Пусть знойный духъ снѣдаетъ насъ —
Одной мечтой, одной желанной,
Одной заботой непрестанной,
И день, и ночь, и каждый часъ.

Моимъ друзьямъ.

(Немногимъ честнымъ, состоящимъ въ государственной службѣ.)

Въ странѣ бездушной, гдѣ законъ
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И ядомъ злобы напоёнъ,
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ,
Ты малочисленный союзъ
Людей безъ страха и безъ лести,
Себя добромъ взаимныхъ узъ
Скрѣпившихъ для добра и чести.
Досуга праздно не губя,
Вы чужды гордыхъ замышленій,
Вы не взложили на себя
Задачи цѣлыхъ поколѣній!
Скупой покорствуя судьбѣ,
Избравши путь не яркій съ виду,
Вы обрекли себя борьбѣ,
И слабыхъ внемлите мольбѣ,
И мстите бѣднаго обиду.
Я знаю: подвигъ вамъ сужденъ
Докучный, мелкій, ежедневный;
Но сколько разъ прекраснѣй онъ
Печальной праздности душевной,

Безплоднымъ преданной мечтамъ!
А вы, средъ казней и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ трудамъ...
Мужайтесь! Силъ добудутъ вамъ
Благословенья бѣдныхъ братій.
Я знаю тѣсенъ вашъ удѣлъ,
Но пышенъ плодъ усилій дружныхъ:
Невинный въ битвѣ одолѣлъ,
Проснулась бодрость въ безоружныхъ!
И могъ обиженный, не разъ
Извѣдать здѣсь, въ средѣ разврата,
Что встрѣтитъ въ каждомъ онъ изъ васъ,
На всякій день, на всякій часъ,
Въ дѣлахъ добра — слугу и брата!
Такъ пусть-же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ мечтаній;
За то безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ!
Такъ жизнь скупа, предѣлъ такъ кратокъ,
Надеждамъ пышнымъ не созрѣть,
И благо тѣмъ, кому безъ взятокъ,
Придется здѣсь, разовъ десятокъ,
Слезу невинныхъ отереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ!...
Такъ благо вамъ хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!

К. Аксаковъ.

Дума.

(Изъ Г. Гейне.)

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правой?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это полно?

М. Л. Михайловъ

Славянскія дѣвы.

1.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы,
Чтожъ не поёте ляшскія дѣвы,
Въ ладъ ударяя легкой стопой.
Сербскія дѣвы пѣсни простыя

Любите пѣть; но чувства жывыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.
Кто-же напѣвы Чехинь услышитъ —
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ
Дышатъ любовью, славою дышатъ —
Помни всю жизнь и пѣснь и панѣвъ!
Дѣвы, согласно что не поете
Пѣсни святыя минувшихъ времёнъ,
Въ голосъ единый что не сольете
Всѣхъ голосовъ Славянскихъ племёнъ?

2.

Старшая дѣва.

Старшая дѣва въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана,
Славой гремитъ, но грустно поётъ,
Въ теремѣ дни проводитъ какъ ночи,
Блѣдно чело, заплаканы очи
И заунывныя пѣсни поётъ.
Что-же не выйдешь въ чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнышкѣ волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей.
Въ поле спѣши съ меньшими сестрами
И хороводъ веди за собой;
Дружно сплетая руки съ руками
Сладкую пѣсню съ ними запой.

А. Одоевскій.

Exeunt omnes!

Не плачь, не плачь, о Русь родная
О милыхъ двухъ твоихъ сынахъ!
Такъ видно хочетъ власть святая,
Чтобъ жизнь ихъ... сгинула какъ прахъ!
О Пушкинъ, Лермонтовъ! на то ли
Мгновенно геній вашъ блеснулъ,
Чтобъ жертвой пасть враждебной доли?...
Звѣздой падучей онъ сверкнулъ....
Сверкнулъ.... и озарилъ лучами
Туманный русскій небосклонъ —
Въ пустынѣ пѣсни ихъ звучали
И стихли какъ вечерній звонъ!
Рабовъ и слугъ, толпа слѣпая
Поэтовъ не могла цѣнить
Правдивый гласъ ихъ осуждая
Позоромъ стала ихъ клеймить!
Они изчезли..... одинокій,
Народный геній нашъ стоитъ
Какъ странникъ, онъ, въ степи широкой
Себѣ пристанища не зритъ.
Ни въ скромной хижинѣ селеній
Ни въ пышной роскоши дворцовъ
Онъ не встрѣчаетъ вдохновеній,
Родныхъ не слышитъ голосовъ.
А если гдѣ и слышно пѣнье,
Какъ тихій говоръ ручейка
Безъ пищи.... гибнетъ вдохновенье
Какъ въ снѣгѣ искра огонька!

Февраля 1850.

Сперанскій.

„Жаль мнѣ васъ!“

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ,
Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ — все пользы нѣтъ.
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ въ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.
И надумались — и снова
Мысли бурно закипятъ;
Будите того, другаго —
Всѣ кивають, да молчатъ.
Вы волнуетесь, горите;
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ,
А кругомъ-то, посмотрите,
Какъ отраденъ мирный сонъ.
Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше-ль вамъ заснуть
И отъ думъ неугомонныхъ,
Хоть на время отдохнуть.

Хомяковъ.

Жизнь чиновника

мистерія въ 3-хъ періолахъ.

Дѣйствующіе:

Чиновникъ, будущій въ 1-мъ періодѣ, настоящій во 2-мъ и старикъ въ 3-мъ.
Демонъ службы —
Таинственный голосъ —
Хоръ духовъ и геніевъ —
Канцелярія присутственнаго мѣста —
Курьеръ.

Періодъ I.

(Комната скромно убранная, будущій чиновникъ сидитъ одинъ за столомъ, на которомъ лежатъ книги, бумаги, журналы и еще не разрѣзанные томы Свода Законовъ).

Будущій чиновникъ.

Да! вотъ вопросъ: служить иль не служить?
Какъ сильно онъ тревожитъ душу?
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Уже-ль теперь я свой обѣтъ нарушу?
Но службою достигну-ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя
Найдутъ ли въ ней себѣ вознагражденье,
Отраду-ль мнѣ пошлютъ въ моей глуши?
То поприще, что̀ предо мной открылось,
Спокоитъ ли стремленіе души?
Въ груди моей всегда такъ много билось.....

Демонъ службы.

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо:
Лучше лавра гордаго мирная олива,

Пылкія и смѣлыя рушатся мечты,
Такъ съ судьбой заранѣе примиришься ты.
Самъ достопочтенный, ревностный чиновникъ,
Подчиненныхъ счастья будешь ты виновникъ,
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой;
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты Дѣйствительный, будешь ты и Тайный.
Не толкуя о вещахъ превратно
И любя приличіе и миръ,
Приходи на службу аккуратно,
Надѣвай зеленый вицъ-мундиръ.
Лишь войдешь въ присутствіе, учтиво
Всѣхъ привѣтствуй, прочь отбросивъ спѣсь,
А увзойдетъ начальникъ — торопливо
Ты поклонъ почтительный отвѣсь.....
Благородной службою довольный
На бумагахъ номеръ ты отмѣть,
Свой реэстръ перебери настольный;
Надо всюду зоркій глазъ имѣть...
Годъ за годомъ такъ промчатся мимо,
Чинъ за чиномъ станетъ приходить,
И начальствомъ и судьбой хранимый,
Будешь долго въ лонѣ мира жить;
И когда наступитъ годъ урочный,
Въ сердцѣ той-же ревностью горя,
Обрѣтешь знакъ службы безпорочной,
Пансіонъ по милости царя.

Будущій чиновникъ
(какъ бы что припоминая).

Не буйная радость,
Веселье и шумъ —
Тревожили младость,
Плѣняли мой умъ
Силъ юныхъ отвага
Думъ гордыхъ полётъ,

Царь общаго блага
Высокихъ заботъ!
И грудь подымалась —
Ждалъ пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя.
Мнѣ грустно! Ужели
Изъ сердца изгнать
О чемъ съ колыбели
Привыкъ я мечтать?

Таинственный голосъ.

Прекраснаго въ тебѣ такъ тлится много!
Ты божьей искрой свыше надѣлёнъ,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удѣлъ: къ иному ты суждёнъ...
Иную цѣль, цѣль высшихъ наслажденій
Тебѣ давно предназначалъ твой геній.
Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей,
Чтобъ не внушило поздней укоризны
Сознаніе ничтожности твоей;
На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы —
Уже-ль на нихъ надѣнешь ты оковы?...
Смѣлѣй-же въ путь съ надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
Всѣмъ существомъ стремися безвозвратно
Чтобы достичь до цѣли благодатной.

Будущій чиновникъ.

Голосъ плѣнительный, голосъ лукавый!
Много сулишь ты мнѣ чести и славы;
Было-бъ отрадно мнѣ вѣрить тебѣ,
Что предназначенъ иной я судьбѣ.
Кто-же однако мнѣ будетъ порукой,
Чтобы путь славы не кончился мукой?

Демонъ службы.

Оставь тревожныя мечты!
Услышь совѣтъ благоразумный;
Признайся самъ мнѣ: въ правѣ-ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?
Полно самолюбивыхъ думъ
Волнуется младое племя,
Кипитъ свободный гордый умъ,
И мыслитъ: будетъ наше время,
Узнаемъ мы народный плескъ,
И громъ похвалъ и славы блескъ;
Но время твердою стопой
Наружу истину выводитъ,
И свѣтъ ея мечтаній рой
Отгонитъ прочь, туманъ проходитъ;
И съ настоящимъ примирясь,
Ватага прежняя безумцевъ
Низходитъ въ жизненую грязь,
Въ ханжей-рабовъ — изъ вольнодумцевъ.
Поглотитъ ихъ толпа людей
Обычной пышностью своей.....
Ты не изъ яркихъ исключеній:
Не то, чтобъ глупъ, не то чтобъ геній,
Такъ избери солидный бытъ,
Гдѣ былъ бы счастливъ ты да сытъ.

Будущій чиновникъ
(хватая себя за голову).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Въ душу голосъ твой проникъ,
И ужь вижу я въ туманѣ
Свой чиновническій ликъ!

(Придвигается къ столу и пишетъ просьбу о принятіи на службу).

Періодъ II.

(Канцелярія присутственнаго мѣста, обширная комната уставленная столами и шкапами, и наполненная чиновниками, изъ которыхъ одни занимаются, другіе хлопочатъ, третьи входятъ и выходятъ, среди этого гула слышится):

Хоръ чиновниковъ.

Намъ любо и мило
Средь грязныхъ палатъ,
Гдѣ брыжжутъ чернила,
Гдѣ перья скрыпятъ,
Гдѣ вѣчно мы, спины
Согнувши, сидимъ,
Огромной машины
Колеса вертимъ.
Здѣсь нашему брату
Отрадный пріютъ,
И добрую плату
Беремъ мы за трудъ.
Богачь ли счастливый,
Бѣднякъ ли зайдётъ —
Отъ всѣхъ намъ пожива,
И дань и почётъ.
И казнь и прощенье
И радость и страхъ,
Все въ нашемъ владѣньи,
Все въ нашихъ рукахъ!

Два чиновника,
(встрѣтясь).

Первый.

Петръ Карпычъ, будьте мнѣ полезны!

Второй.

Въ чемъ? радъ служить! Дозволитъ-ли законъ?
Чего вамъ?

Первый.

Табачку любезный!
(одинъ подноситъ, другой нюхаетъ)
Въ знакъ благодарности усердный мой поклонъ.

Столоначальникъ
(своему помощнику).

Скажите Маркъ Ильичь, ну кто такъ скверно пишетъ?
Вы думаете все: пройдетъ и такъ авось!
Нѣтъ-съ, Секретарь у насъ все видитъ и все слышитъ.
И этотъ приговоръ теперь хоть даромъ брось!

Другой столоначальникъ
(принимая бумаги отъ регистраторскаго помощника и отдавая ихъ писцу:)

Замѣтьте здѣсь регистратуры номеръ;
Бумаги всѣ сложите къ сорту сортъ.

(помощнику):

Скажите, правда-ли, что Маркъ Терентьичъ померъ?
Есть говорятъ изъ Грузій рапортъ.

Регистраторскій помощникъ.

Да вотъ онъ на лицо!
(Подаетъ одну изъ бумагъ.)

Столоначальникъ.

Благодарю мой Боже!
Такъ дѣло кончено! Доложимъ дня сего же!...

Старикъ столоначальникъ.

Ребята за дѣло!
Пишите дружнѣй!
Что только поспѣло,
Давайте скорѣй!
Готовы ли перья?

Писцы.

Готовы!

Старикъ столоначальникъ.

Вонми!
(Диктуетъ.)
„Крестьянка Лукерья
Сѣчется плетьми“.....

(Въ тоже время въ другомъ углу слышенъ голосъ столоначальника, диктующаго писцамъ: пишите! показаніе крестьянской дѣвки Матрены Неварской: у исповѣди и святаго причастія бываетъ ежегодно, имѣетъ незаконнорожденнаго сына, прижитаго отъ неизвѣстнаго мущины, въ полѣ.)

Четвертый столоначальникъ
(читая просьбу.)

Ахъ, бестія Будылкинъ! снова съ просьбой;
Побили дурака, и подѣломъ, а онъ
Безчестія просить изволитъ — видишь!
Обиженъ, говоритъ, честь страждетъ. Впрочемъ чтожъ?
Кажись не все по формѣ... Дай-ка справлюсь!
(роется въ X томѣ)
И впрямь! вотъ тутъ четырнадцатый пунктъ
Не соблюденъ — такъ съ надписью, пріятель,
Назадъ получишь просьбу; но сперва
Ты подождешь за это, въ наказанье.

Главный начальникъ

(входитъ въ комнату. Всѣ опрометью вскакиваютъ съ мѣстъ. Онъ подзываетъ одного изъ секретарей и говоритъ ему:)

У васъ какія неисправности!
Съ прискорбіемъ замѣчу вамъ.
Писцы безъ всякой благонравности,
Безъ уваженія къ чинамъ.
Признайтесь мнѣ: не отмѣчаете
Настольный вовсе вы регистръ?
Вы такъ по службѣ потеряете —
Что, еслибы узналъ министръ!

По высочайшимъ повелѣніямъ
Имѣете печатный вы указъ?
Да, повторяю съ сожалѣніемъ,
Не ждалъ я этого отъ васъ.

Секретарь.

Заваленъ, право, я работою!
Дѣла въ три тысячи листовъ!
Повѣрьте мнѣ, со всей охотою
Я не могу быть въ срокъ готовъ.

Главный начальникъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ! министръ нашъ требуетъ,
Чтобъ только вѣренъ былъ итогъ.
Я предварилъ васъ такъ какъ слѣдуетъ,
Я сдѣлалъ все, что только могъ.

Перемѣна декораціи.

(Комната настоящаго чиновника, уставленная кипами бумагъ и томами Свода Законовъ. Чиновникъ сидитъ за столомъ и пишетъ).

Таинственный голосъ.

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь какъ прежде я —
Это-ль дѣятельность духа,
Это-ль цѣль была твоя?
Гдѣ-жъ движенье, гдѣ-же благо,
Сердца искренній призывъ,
Благородныхъ душъ отвага,
Прежнихъ лѣтъ твоихъ порывъ?
Ты не тотъ, какимъ былъ прежде,
Съ строго честною душой,
Довѣрявшійся надеждѣ,
Обольщавшійся мечтой...

Ты отвергнулъ путь спасенья,
Былъ ты глухъ на голосъ мой —
Прозябай же безъ стремленья
И коснѣй своей душой!

(Чиновникъ, среди занятій не слыхавшій таинственнаго голоса, кладетъ перо, зѣваетъ на креслахъ, придвигается къ окошку и задумывается.)

Пятнадцать дѣтъ служу я! каждый день
Хожу въ присутствіе, и съ совѣстью спокойной
Могу сказать себѣ, что долгъ служебный свой
Я исполнялъ усердно и достойно.
И счастливъ я: моя прекрасная жена
Толпой рѣзвящихся дѣтей окружена.
Лишь орденъ бы еще мнѣ дали для почёта,
Да денегъ отъ казны, да генеральскій чинъ,
Тогда-бъ я сталъ служить безъ скучнаго разсчёта,
Чиновникъ ревностный и добрый семьянинъ.

(Растворяетъ окно:)

А! праздникъ нынѣ! всѣ толпятся на гулянье!
Туда и модники, туда бородачи!
Вотъ сколько молодыхъ въ курьезномъ одѣяньи...
Спѣсивый все народъ — и вѣрно богачи.
Я ихъ не жалую — они народъ ученый,
И смотрятъ всѣ на насъ, какъ будто, право, мы
Здѣсь безполезный классъ, на плутни лишь смышленный...
Что-жъ ихъ работаютъ великіе умы?

Демонъ службы.

Они кружатся въ вихрѣ свѣта
Толпою жалкою невѣждъ,
И полны ихъ младыя лѣта,
Пустыхъ рѣчей, пустыхъ надеждъ.
Любовь къ отчизнѣ производитъ
И въ ихъ сердцахъ какой-то жаръ,
Но ихъ безъ пользы жизнь проходитъ,
Но ихъ любви безплоденъ даръ —

Они для ней остались чужды,
Не постигая межъ собой
Ея дѣйствительныя нужды.
Привычно имъ страны родной,
Среди поверхностныхъ сужденій
О томъ, что̀ стыдно имъ не знать,
Такъ много сложныхъ учрежденій
Безумной рѣчью порицать.

Чиновникъ.

Да это такъ! Служа по части судной,
Могу сказать, что это такъ!... Но я
Работой утомился многотрудной,
И отдыхъ вѣрно подкрѣпитъ меня.
(Засыпаетъ.)

Таинственный голосъ.

Нѣтъ не помыслъ благородный
Движетъ весь чиновный людъ,
Вызываетъ умъ холодный
На безплодный, мнимый трудъ!
Мысль о славѣ и безславѣ
Не волнуетъ вашу кровь,
Въ васъ живетъ одно тщеславье,
Мелкихъ почестей любовь!

Хоръ добрыхъ геніевъ
(витающихъ около спящаго.)

О тебѣ мы пожалѣемъ,
Ты работой утомленъ,
Поласкаемъ, полелѣемъ,
И пошлемъ пріятный сонъ.

Первый геній.

Что тебѣ пророчить смѣю
Примешь къ сердцу горячо —
Анны крестъ тебѣ на шею,
Станислава чрезъ плечо!

Второй геній.

И другаго жди патента,
Только службѣ вѣренъ будь,
Ляжетъ анненская лента
Широко тебѣ на грудь.

Третій геній.

Будь Ѳемиды обороной
И получишь знакъ иной,
Съ императорской короной,
Съ осьмигранною звѣздой.

(Чиновникъ сквозь сонъ улыбается и простираетъ руки.)

Всѣ вмѣстѣ.

Простираетъ онъ объятья,
Лентъ и звѣздъ желаетъ онъ,
Мы ему послали братья
Улыбающійся сонъ.

(Входитъ курьеръ.)

Курьеръ.

Его сіятельство прислалъ меня съ пакетомъ.

Чиновникъ
(вскакивая).

Его Сіятельство? съ пакетомъ? — Дай сюда!
(Беретъ пакетъ и какъ бы взвѣшиваетъ его.)
Что можетъ заключаться въ этомъ?
Награда-ль моего недавняго труда,
Иль приказаніе, иль выговоръ быть можетъ?
Послѣднее меня чувствительно тревожитъ,
Что если выговоръ?
(Смотритъ на стѣнные часы.)
Часы бѣгутъ пока...
Дай распечатаю... дрожитъ моя рука...

(Распечатываетъ. Изъ пакета выпадаетъ крестъ Анны 2-й степени. Чиновникъ поспѣшно подхватываетъ его.)

Что это? боже мой! глазамъ своимъ не вѣрю!
На шею Анны крестъ! Давай же я примѣрю!
Вотъ радостный сюрпризъ! Какъ благодаренъ я
Его Сіятельству и вся моя семья!

(Передъ зеркаломъ.)

Надѣть его... вотъ такъ... чтобъ былъ онъ видѣнъ цѣлый
На черномъ галстухѣ и на манишкѣ бѣлой!

Курьеръ.

Съ монаршей милостью.

Чиновникъ.

Спасибо, братъ курьеръ...
Вотъ пять рублей тебѣ: пей за мое здоровье!

(Подаетъ курьеру синенькую, тотъ кланяется и уходитъ.)

Ну, зависть Трухмина теперь не знаетъ мѣры!
Онъ все безъ ордена, терпѣніе воловье!
Однако написать къ Суханову скорѣй,
Чтобы прислалъ аршинъ онъ орденской мнѣ ленты,

(пишетъ записку)

А полученные сегодня мной пакеты
Пойду я показать женѣ моей!

(Сбирается идти; но вдругъ останавливается и ударяетъ себя по лбу.)

Что-жъ это я дуракъ здѣсь даромъ время трачу?
Къ его Сіятельству поѣхать мнѣ на дачу,
Благодарить его. Я будто-бы во снѣ
Все вижу... Прошка! Эй, поди сюда ко мнѣ!

(Входитъ Прошка. Чиновникъ отдаетъ ему записку.)

Ты эту отнесешь къ Суханову бумагу
И приготовишь мнѣ мундиръ и шпагу,

(Уходитъ).

Періодъ III.

(Чиновникъ старикъ дряхлый и слабый лежитъ въ креслахъ. Грусть выражается на его лицѣ. На животъ накинутъ мундиръ, украшенный звѣздой.)

Чиновникъ.

Мой путь свершенъ. И на краю могилы
Я вспоминаю все, о чемъ давно забылъ!
Куда бывалыя свои растратилъ силы?
Съ какою цѣлію и для чего я жилъ?
Когда назадъ я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взоромъ я,
Скорблю тогда и духомъ я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я,
Что труженикомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія!
Что отъ моей усердной, долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни славнаго слѣда.
О тяжело! во мнѣ проснулись снова,
Всѣ прежнія движенія души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня въ ночной тиши.

Таинственный голосъ.

Да! вновь къ тебѣ я слово обращаю,
И въ грудь твою проникнетъ рѣчь моя.
Поймешь теперь, что я тебѣ вѣщаю,
И что тебѣ вѣщалъ бывало я!
Называютъ люди счастьемъ
Жизнь подобную твоей,
Не смущенную ненастьемъ,
И не знавшую страстей;

Но губительно вліянье
Этой жизни пустоты,
Но опасно обаянье
Безнадежной слѣпоты...
Отдалъ ты за горькій опытъ
Жизни всѣ свои лѣта,
И теперь невольный ропотъ
Издаютъ твои уста!
Ты къ иному былъ назначенъ:
Жребій тотъ тобой утраченъ,
И постигнуть не умѣлъ
Ты свой истинный удѣлъ.
Помню я: живое чувство,
И науки и искуства,
Благородная любовь
Волновали сильно кровь.
Еслибъ перваго призванья
Ты послушался вліянья
Понесенные труды
Дали-бъ вѣчные плоды.
Средь превратныхъ наслажденій,
Средь возвышенныхъ мгновеній,
Протекла бы жизнь твоя
Съ чувствомъ свѣтлымъ бытія!
Тщетно все! передъ собою
Видишь даромъ прожитою
Жизнь свою! Отрады нѣтъ!
Не воротишь прежнихъ лѣтъ!
(Чиновникъ въ ужасѣ содрогается.)

Демонъ службы.

Въ обширномъ поприщѣ служебнаго труда
Есть много отраслей и дѣятелей много...
Но къ полученію великаго плода
Ведетъ не всѣмъ доступная дорога...
Одни — и много ихъ, правительственныхъ думъ
Орудья вѣрныя и нужныя пружины;
Полезенъ ихъ всегда покорный умъ

Для государственной въ движеніи машины;
И счастье мирное ихъ наполняетъ грудь,
Безъ гордыхъ помысловъ и безъ душевной страсти;
Но не для нихъ иной богатый славы путь,
Не имъ удѣлъ правленія и власти...
Да! удѣлъ оно не многихъ
Свыше избранныхъ людей,
Духомъ твердыхъ, духомъ строгихъ,
Цѣли преданныхъ своей.
Благородной страсти жаромъ
Сердце въ нихъ воспалено,
И чело высокимъ даромъ
Отъ небесъ озарено!...
Но если не горитъ въ груди особый даръ,
Но если въ сердцѣ къ власти нѣтъ призванья,
И пылъ стремленія лишь юной крови жаръ
Хладѣющій отъ испытанья —
То пусть служебнаго онъ поприща бѣжитъ,
Далеко отъ его однообразной скуки,
Пусть свѣжестью души и чувствомъ дорожитъ
Подъ сѣнію искуства иль науки!...

Чиновникъ.

Да ясно мнѣ теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничѣмъ ужъ на землѣ!
Я съ чувствомъ пламеннымъ, съ трепещущей душою
Призванью чуждому пожертвовалъ собою,
Самъ провлачилъ всю жизнь въ какой-то мглѣ.
Теперь лишь страшное свершилось пробужденье,
И правды поздней блескъ мнѣ очи просвѣтилъ.
Я близорукаго расчета заблужденье
Цѣною жизни искупилъ!
(Умираетъ.)

Таинственный голосъ.

Миръ тебѣ! не путь избранный
Былъ твой истинный удѣлъ,

И талантъ отъ Бога данный
Ты направить не умѣлъ!

Эпилогъ.

(Великолѣпные похороны. Народъ останавливается и смотритъ.)

Одинъ.

Э! какъ знатно! должно быть важный!

Другой.

На подушкахъ несутъ звѣзды... Вѣрно чиновникъ.

Третій.

А вѣдь, говорятъ, былъ такъ — простой дворянинъ; дослужился, видишь... Ну, да вѣдь не всякому такое счастье!

(Проходятъ.)

Еще двое.

Первый.

Кто покойникъ? какъ слышно?

Второй.

Не знаю! по приходу хвалятъ.

Первый.

Ну, царствіе ему небесное!
(Уходятъ.)

Женскій голосъ.

А скажите, батюшка, знатный былъ человѣкъ?

Мужской голосъ.

Чортъ его знаетъ: Сенаторъ не Сенаторъ ..... служилъ гдѣ-то.

Пономарь.
Предполагать должно, что высокій чиновникъ.

Кто-то изъ толпы.
Чиновникъ? а!... ну такъ вѣрно былъ мошенникъ.

Іакову Ростовцову

въ день его юбилея, 23 декабря 1856 года.*)

Когда Деспотъ отъ власти отрекался,
Желая Русь, какъ жертву, усыпить,
Чтобы потомъ вѣрнѣй ее сгубить —
Свободы голосъ вдругъ раздался
И Русь на громкій, братскій зовъ
Могла-бъ воспрянуть изъ оковъ:

---

*) Іаковъ-энтузіастъ вздумалъ два года тому назадъ отпраздновать свой юбилей. Для этого онъ приказалъ своей канцеляріи написать во всѣ подвѣдомственные ему кадетскіе корпуса приглашенія о присылкѣ „добровольныхъ пожертвованій на устройство предполагаемаго торжества въ честь любимаго начальника.“ — Въ той же бумагѣ было сказано, что директора корпусовъ могутъ жертвовать не менѣе 100 руб., баталіонные командиры не менѣе 50 р., штабъ-офицеры 25 р., оберъ-офицеры 10 р. и кадеты не менѣе 25 коп. серебромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ штабъ военно-учебныхъ заведеній отнесся также бумагою ко всѣмъ командирамъ гвардейскихъ полковъ, напоминая, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ получила образованіе подъ начальствомъ Іакова Ив. и также назначая размѣръ пожертвованія по чинамъ.

Всѣ русскія газеты за два мѣсяца до назначеннаго дня

Тогда, какъ тать ночный, боящійся разсвѣта,
Позорно ты бѣжалъ отъ друга, отъ поэта
Взывавшаго: „грѣху Жидовъ,
Отступничество Уніатовъ,

юбилея возвѣстили о немъ особыми статьями, присланными отъ имени Ростовцева на бланкахъ его канцеляріи.

Денегъ однако было собрано мало. Полковые командиры, объявляя приглашеніе офицерамъ, прибавляли, что лично отъ себя они не дають ни гроша; большая часть лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ Ростовцева, предоставляла дѣлать вычетъ изъ жалованья не свыше суммы назначенной къ пожертвованію; многіе смѣло отзывались бѣдностію; кадеты начисто отказывались. На пополненіе неизбѣжныхъ расходовъ пришлось захватить изъ казенныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній. Не смотря однако на такой видимый неуспѣхъ затѣи, ни въ комъ не возбудившей участія, были заранѣе приготовлены описанія блистательна торжества, и Ростовцевъ апробовалъ ихъ для напечатанія въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“.

Наступилъ день юбилея. Ростовцевъ съ утра былъ мраченъ, пріѣхалъ на обѣдъ еще мрачнѣе; по окончаніи его тотчасъ же уѣхалъ домой, сказавшись больнымъ, и тогда же подъ видомъ скромности, запретилъ посылать въ газеты описанія, которыя наканунѣ казались ему недостаточно краснорѣчивыми. Никто изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ не понималъ почему этотъ тщеславный человѣкъ, не пропускающій ни малѣйшаго случая высказать свою важность, въ самый день своего торжества походилъ на мокрую курицу; въ городѣ носились различные слухи; газеты промолчали объ юбилеѣ, какъ будто его не было. А вся причина заключалась въ томъ, что въ Ростовцевѣ на одно мгновеніе пробудилась совѣсть; пробудилась же она въ слѣдствіе того, что рано утромъ въ день своего юбилея онъ получилъ печатаемое здѣсь стихотвореніе, которое поэтому пріобрѣтаетъ уже историческое или, пожалуй характеристическое значеніе.

Всѣ преступленія Сарматовъ
Принять я на душу готовъ,
Лишь только-бъ русскому народу
Вновь возвратить его свободу
Ты убѣжалъ! Кудажъ? — Въ Аничковскій дворецъ.
И пріумножилъ ты грѣхи Жидовъ, Сарматовъ,
Отступничество Уніатовъ:
Ты деспоту скрѣпилъ шатавшійся вѣнецъ.
И какъ презрительна, подла твоя услуга!
Ты указалъ ему на друга,
По пальцамъ жертвы сосчиталъ;
Десятокъ ихъ всѣхъ арестовалъ
И пала русская свобода,
И другъ твой, честь, краса народа,
Повисъ на петлѣ рококой!...

Скажи, ужель ви въ размышленьяхъ,
Бѣдахъ съ собственной душой,
Ни покаянья въ часъ святой,
Ни даже въ темныхъ сновидѣньяхъ
Ни разу ты не вспоминалъ,
Какъ другъ твой въ воздухѣ качался,
Какъ онъ весь корчился, дрожалъ
И какъ мучительно скончался?
Уже-ль тебѣ гласъ совѣсти твоей,
Во весь періодъ долгой жизни,
Ни разу не шепнулъ, что ты — Злодѣй,
Продажный врагъ своей отчизны!...

Печальныхъ двѣ картины знаю я:
Въ одной, ты самъ; рука твоя
Рылѣеву сжимаетъ руку;
Въ другой — Іуда во уста
Лобзающій Христа:
И другъ и ученикъ равно ведутъ на муку!...
Но нѣтъ! Съ Іудой не сравню
Я душу черствую твою?

Въ раскаяньи Іуда удавился,
А ты всегда своимъ предательствомъ гордился,
И возвышалъ тебя деспотъ,
Какъ самовластія и подлости оплотъ.
Потомъ, чтобы не дать опомниться народу,
Чтобъ окончательно убить его свободу,
Онъ поручилъ тебѣ воспитывать дѣтей!
Сынамъ Россіи благородной
Онъ указалъ идти твоей тропой позорной,
Сосать млеко души твоей,
Души безнравственно-тлетворной!
Ты долгъ свой выполнилъ предъ деспотомъ-царемъ:
Программы всѣхъ наукъ раздуты пузыремъ,
Подчинены науки барабану,
Въ младенчествѣ задавленъ человѣкъ
И ходъ открытъ бездушному болвану;
Умы отдвинуты назадъ на цѣлый вѣкъ,
А правы чистые, а чувства семьянина,
А долгъ и доблесть гражданина
Убиты на повалъ!...
Теперь, исполненный отваги самохвалъ,
Ты вздумалъ самъ себя потѣшить юбилеемъ:
Ты приказалъ своимъ лакеямъ,
Чтобъ въ честь твою они задали пиршество,
Чтобъ каждый, позабывъ нужду свою, Злодѣйку,
На пиръ твой отдавалъ послѣднюю копѣйку
И восхвалялъ тебя, какъ будто божество!
Но ты забылъ: дѣла и помыслы людскіе
Разсудитъ Богъ, узритъ потомства вѣрный взоръ.
Твой юбилей есть стыдъ Россіи
И человѣчеству позоръ.
Придетъ пора — и лѣтопись науки
Предастъ тебя проклятью, Геростратъ,
И отъ тебя твои родные внуки
Откажутся не трижды, но стократъ!

Идиллія.

(Поющія лица: Сибрахъ, Мисахъ, Авдинаго, Даніилъ. Сцена: гора подлѣ Вавилона, внизу скотный дворъ, гдѣ пасется царь Навуходоносоръ:)

Пойте други пѣснь побѣды,
Пойте: снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды —
Закипитъ духовный трудъ.
Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ,
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.
Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ —
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взлядъ.
Онъ губилъ, ожесточенный,
Наши вѣчныя права:
Слово, Божій даръ священный,
Разумъ, лучь отъ Божества.
Надъ равниною Деира
Онъ воздвигъ себѣ кумиръ
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.
Но отмстилъ ему Іегова:
Казнью жизнь ему сама;
Бродитъ нѣмъ гонитель слова
Травы щиплетъ врагъ ума.
Пойте други пѣснь побѣды
Пойте: снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ духовный трудъ.

Какъ работникъ подъяремный
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный
Онъ обходитъ злачный долъ.
Ты скажи намъ царь надменный!
Живъ ли мстящій за Сіонъ?
Но покайся, но смиренно
Полюби его законъ,
Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ.
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царёмъ,
И земный вѣнецъ Владыки
Осѣнитъ своимъ вѣнцомъ.
Пойте: други пѣснь побѣды,
Пойте: снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды
Закипитъ духовный трудъ.

Хомяковъ.

Изъ Апостола Іоанна.

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи;

Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи — для того
Чтобъ потушить восторгъ народный
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!...
Но вотъ крестителю во слѣдъ
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя;
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ.
Незримыхъ язвъ духовный врачь,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачь
И вопль раскаянья Закхея...
И что-жъ? На площади опять
Учители и Фарисеи
Пришли Израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
„Бѣгите ложнаго христа!
Пустъ онъ слова теряетъ праздно,
Его крамольныя уста
Полны раздора и соблазна.
И какъ, взгляните, онъ живётъ?
Мірскимъ весь преданный заботамъ,

Онъ ѣстъ онъ бражничаетъ, пьётъ
И исцѣляетъ по суботамъ.
Онъ кинулъ камень въ божество,
Законъ отвергнулъ Моисеевъ
И кто межъ насъ друзья его,
Окромѣ блудницъ и злодѣевъ?“

Изъ „Goetterdaemmerung“.

Земля, земля! Твои страданья знаю!
Кипучій жаръ всю грудь твою сжигаетъ,
И въ жилахъ кровь пылаетъ нестерпимо,
И извергаетъ пламя, кровь и дымъ.....
Я видѣлъ дикихъ, горныхъ исполиновъ,
Какъ факелами путь свой освѣщая,
Изъ темныхъ жерлъ толпами выходило
То племя древнее. Желѣзныхъ лѣстницъ тучи
Они къ горамъ великимъ приставляли
И штурмовали ихъ съ безумнымъ крикомъ.....
И лѣзли карлы черные, и съ трескомъ
Срывали съ неба звѣзды золотыя,
И дерзко рвали свѣтлыя завѣсы
Шатра Господня; съ ревомъ внизъ свергали
Съ небесъ толпы архангеловъ прекрасныхъ...
Сидитъ на свѣтломъ тронѣ блѣдный Богъ,
Снимаетъ въ ужасѣ съ главы своей корону —
И близко, близко дикія толпы!
Хохочутъ, факелы кидаютъ исполины
На небо дальнее. Бичами изъ огня
Бьютъ карлы черные архангеловъ бѣгущихъ,
Что пригибаются и мечутся отъ боли,
И падаютъ въ пространство безъ дыханья...

И своего я ангела увидѣлъ —
Съ кудрями свѣтлыми, въ прозрачномъ одѣяньи,
И съ кроткими лазурными глазами,
Сіяющими вѣчною любовью.
И видѣлъ я, какъ злобный, черный карло
Схватилъ тебя, мой милый блѣдный ангелъ,
И благородные твои, святые члены
Обнялъ, смѣясь, трепещущимъ объятьемъ —
Раздался крикъ одинъ по всей вселенной
Земля и небо рухнули въ пространство
Съ ужаснымъ трескомъ, вдругъ..... и воцарилась
Пустая тьма ветхозавѣтной Ночи.....

Г. Гейне.

Изъ „Спора“.

.....Братъ Іосифъ, францисканецъ,
Вышелъ въ яромъ благочестьи,
И крикливый и писклявый
Голосокъ его раздался:
Именемъ отца и сына
И его святаго духа
Вызываетъ онъ раввина,
Сѣмя Іакова клятое!
Ибо на такихъ турнирахъ
Часто чортики бываютъ
Въ Іудеяхъ, и тихонько
Остротамъ ихъ научаютъ.
Только чортика спугнувши
Мощной силой заклинанья,
Могъ монахъ символы вѣры
Излагать безъ содраганья.

Разсказалъ, какъ Богъ вселенной
Три лица въ себѣ сливаетъ,
Какъ онъ ихъ, когда потребно,
Всѣ въ одно соединяетъ.
Это таинство святое
Будетъ тѣмъ однимъ понятно,
Кто разсудка тьму и цѣпи
Оставляетъ невозвратно!
Какъ дѣвица въ Виѳлеемѣ
Сына Божія зачала,
Но черезъ то свою святую
Непорочность не теряла.
Какъ царь свѣта на соломѣ
Въ ясли скромныя ложился,
Какъ оселъ ревѣлъ, теленокъ
Сзади яслей помѣстился.....
Какъ Христа отъ полицейскихъ
Царя Ирода спасая,
Убѣгала во Египетъ
Со Христомъ чета святая.
Какъ былъ мучимъ при Пилатѣ,
Отданъ имъ неугомоннымъ
Іудеямъ, Фарисеямъ,
Въ приговорѣ непреклоннымъ.
Какъ живымъ возсталъ изъ гроба
Въ третій день людей спаситель,
Но тотчасъ домой на небо
Отправлялся искупитель!
Но что, впрочемъ, будетъ время —
Онъ на землю возвратится,
И предъ нимъ живой и мертвый
По дѣламъ начнутъ судиться.....
„Трепещите Іудеи
Бога, мученнаго вами,
Пригвожденнаго ко древу,
Поносимаго толпами!
„Іудеи! Вы убійцы,
Васъ постинетъ месть святая

За того, кто сшелъ на землю
Ветхій міръ освобождая!
„Говоритъ Ѳома Аквинскій,
Мужъ великій, церкви радость
(Названъ онъ отцами церкви:
Православья Свѣтъ и Сладость)
„Іудеи! вы гіены,
Вы шакалы, что взрываютъ
Ночью трупы на кладбищахъ,
Трупы мертвыхъ пожираютъ!...
„О, къ источнику святому
Милосердья припадите
И у господа прощенья
Всѣмъ грѣхамъ своимъ просите!
„Какъ Адамъ, нашъ прародитель,
Въ немъ свершите омовенье
И обрящете внезапу
Отъ грѣховъ своихъ цѣленье!
„Вы слыхали? Гласомъ кроткимъ
Іисусъ васъ призываетъ,
Васъ иными именами
Возрожденья называетъ!
„Богъ нашъ — Богъ любви священной!.....
Онъ, какъ агнецъ на закланьи,
За грѣхи людей сносившій
Крестной смерти поруганье!
„Іисусъ Христосъ любовный,
Полный кротости, смиренья!
Подражать ему мы ищемъ
Въ силѣ мощнаго терпѣнья!
„Оттого мы такъ смиренны,
Кротки, ласковы бываемъ,
Оттого всегда безъ ссоры
Мы такъ мирно поступаемъ.
„Въ небесахъ за то мы будемъ
Какъ святые просвѣтлѣнны,
Жить мы будемъ тамъ безбѣдно
Съ лиліей въ рукахъ священной.

„Вмѣсто грубыхъ капишоновъ
Свѣтлой ризой облекаться
Изъ парчи, муслину, шелку,
Въ золотыхъ кистяхъ являться.....
„Тамъ плѣшивыхъ не бываетъ
Всѣ съ кудрями золотыми!
Херувимы умащаютъ
Ихъ вонями дорогими.....
„Будутъ винные бокалы
Много больше чѣмъ земные,
У мужчинъ къ такимъ бокаламъ
Будутъ рты весьма большіе.
„А у дѣвушекъ напротивъ —
Много меньше, чѣмъ земные!
Какъ засядутъ за пирушку,
Запируютъ всѣ святые!
„Пить, кричать, смѣяться будемъ,
Вѣчность громко провожая,
Распѣвая: Аллилуйя!
Слава вышнихъ распѣвая!!!
„Такъ окончилъ онъ. Монахи,
Съ сердцемъ, полнымъ умиленья,
Собрались надъ Іудеемъ
Совершить обрядъ крещенья.
„Затряслись въ водобоязни
Іудеи. Все готово!
Но Іуда изъ Новарры
Всталъ держа такое слово.....

Г. Гейне.

Изъ Талмуда.

Гдѣ сверкаетъ мечъ,
Не цвѣсти искусству;
Гдѣ цвѣтетъ искусство,
Не сверкать мечу.

„Что̀ мое — мое,
Что̀ твое — твое!“
Общій гласъ людской.

„И мое — мое,
И твое — мое!“
Такъ вѣщаетъ злой.

„И твое — твое,
И мое — твое!“
Говоритъ благой.

М. Л. Михайловъ.

Русскій Императоръ.

Когда онъ въ вѣчность преселился
Нашъ незабвенный Николай —
Къ Петру апостолу явился,
Чтобъ дверь ему онъ отперъ въ рай.
„Ты кто? — спросилъ его ключарь.
— „Какъ кто? Извѣстный русскій царь.“ —
„Ты царь, такъ подожди немного,
Ты знаешь въ рай трудна дорога,
Къ тому же райскія врата
Узеньки, видишь тѣснота.“

— „Да что же это все за сбродъ?
Цари, или простой народъ?“ —
„Ты не узналъ своихъ! Вѣдь это Россіяне,
Твои бездушные дворяне,
А это вольные крестьяне,
Они всѣ по міру пошли,
А нищіе къ намъ въ рай пришли.“
Тогда подумалъ Николай:
Такъ вотъ какъ достигаютъ въ рай!
И пишетъ къ сыну: „Милый Саша!
Плоха на небѣ доля наша,
Коль подданныхъ своихъ ты любишь —
Богатствомъ только ихъ погубишь,
А если хочешь въ рай ввести —
Такъ всѣхъ ихъ по міру пусти!“

Имянинникуу.

Что могу тебѣ Лазовской
Подарить для имянинъ:
Я по милости бѣсовской
Очень бѣдный господинъ!...
Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ
Я живу безъ серебра
И въ шатрѣ моемъ убогомъ
Нѣтъ богатства и добра,
Кромѣ сабли и пера!...
Жалко споря съ гнѣвной службой

Я ни геній, ни солдатъ,
И одной твоею дружбой
Въ долѣ пагубной богатъ!
Дружба, неба даръ священный
Рай земнаго бытія!...
Чѣмъ же, другъ неоцѣненный,
Заплачу за дружбу я?
Дружбой чистой, неизмѣнной,
Дружбой сердца на обмѣнъ:
Плѣнъ торжественный за плѣнъ!
Посмотри, невольникъ страждетъ
Въ непріятельскихъ цѣпяхъ
И напрасно воли жаждетъ,
Какъ источника въ степяхъ!...
Такъ и я могучей силой
Предназначенный тебѣ,
Не могу уже, мой милый,
Перекорствовать судьбѣ,
Не могу сказать я вольно;
Ты чужой мнѣ, я не твой!
Было время и довольно!...

Полежаевъ.

И . . . р у.

О! еслибъ ты подумать только могъ,
Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
Но свидясь вновь мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся, ребяческой надеждѣ.

Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право.
Но все-жъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ
И — какъ святыня глупая — одно
Для насъ останется — безвыходное горе!

Н. Огаревъ.

Н. Д. Киселеву.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ мірское наслажденье,
Гдѣ улыбается мнѣ нѣжно пѣснопѣнье,
Гдѣ нѣмецъ поселилъ свой просвѣщенный вкусъ,
Гдѣ попъ и государь не оковали музъ,
Гдѣ вовсе не видать позора чести русской,
Гдѣ докторъ и студентъ обѣдаютъ закуской,
Желудокъ пріучивъ за книгами говѣть,
Гдѣ часто, не любя всегда благоговѣть
Передъ законами желѣза и державы,
Младой воспитанникъ науки и забавы,
Бродя въ ночной тиши, торжественно поетъ
И вольность и покой — которыми живетъ —
Ты первый подалъ мнѣ пріятельскую руку,
Внималъ моихъ стиховъ студенческому звуку,
Дѣлилъ со мной мечты надежды золотой
И въ просвѣщеніи мнѣ былъ примѣръ живой.
Ты удивилъ меня: ты и богатъ и знатенъ,
А вовсе не дуракъ, не подлъ и не развратенъ!
Порода — первый чинъ въ отечествѣ твоемъ
Тебѣ позволила-бъ остаться и глупцомъ:
Она дала тебѣ вельможеское право
По царски вѣкъ прожить, не занимаясь славой,

На лонѣ роскоши для одного себя;
Или, занятія державныхъ полюбя,
Стѣснивши юный станъ ливреею тирана,
Ходить и дѣйствовать по звуку барабана,
И мыслить, какъ велитъ — разсудка не спросясь —
Иль не великій царь или великій князь,
Которымъ у людей отеческаго края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты могъ бы, съ двадцать лѣтъ помучивши солдатъ
Блистать и мишурой воинственныхъ наградъ,
И даже азбуки не зная просвѣщенья,
Потомъ принять бразды верховнаго правленья,
Которыхъ на Руси, какъ почтовыхъ коней,
Скорѣе тѣмъ дають, кто чаще бьетъ людей.
Но ты, не вѣруя неправедному праву
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что однѣ-бъ достоинства должны
Давать не только скиптръ, но самые чины,
Что нѣкогда наукъ животворящій геній —
Отецъ народныхъ благъ и царскихъ огорченій —
Поставитъ, разумомъ обезоруживъ тронъ,
Подъ наши небеса свой истинный законъ...
Мы вмѣстѣ, милый мой, о родинѣ судили
Царя и русское правительство бранили —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вотъ — тебя судьба зоветъ на путь иной
И скоро будутъ мнѣ, въ тиши уединенья,
Отрадою однѣ былыя наслажденья.
Дай руку! Да тебѣ на поприщѣ суетъ
Не встрѣтится ударъ обыкновенныхъ бѣдъ;
А я — останусь здѣсь — и въ тишинѣ свободной,
Научится летать мой геній благородной,
Научится Боговъ высокимъ языкомъ
Ирезрительно шутить надъ знатью и царемъ,
Неуважающій дурачествъ и въ коронѣ —
Онъ вѣрно ихъ найдетъ близъ трона и на тронѣ!
Пускай пугливаго тиранства приговоръ
Готовитъ мнѣ въ удѣлъ изгнанія позоръ

За смѣлые стихи, внушенные поэту
Дѣлами низкими и вредными полсвѣту;
Я не унижуся не рабскою душой
Передъ могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умѣетъ презирать неправыя гоненья —
И всѣ усилія цензуры и поповъ
Не сильны истребить возвышенныхъ стиховъ.
Прошли тѣ времена — какъ вѣрила Россія,
Что головы царей не могутъ быть пустыя
И будто создала благая длань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У насъ свободный умъ, у насъ другіе нравы.
Поэзія не льститъ правительству безъ славы,
Для насъ законъ царя — не есть законъ судьбы;
Прошли тѣ времена — и мы ужъ не рабы!

2 Октября 1823.

Языковъ.

„Когда нашъ Новгородъ Великій.“

Когда нашъ Новгородъ Великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобы просить у нихъ владыки
Для буйныхъ вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:
„Нашъ край богатый и пространный
Да не дался порядокъ намъ!“
Съ тѣхъ поръ родъ Рюриковъ владѣетъ
А все порядка не видать.
О, Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать —
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ?

Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей
Никто ея не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край обильный и пространный,
И нѣмцевъ — эка благодать!
А все порядка не видать.

Вѣчевой колоколъ.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ-ли снова посадника?
Не волнуется-лъ Чудь непокорная?
Не вломились-лъ Шведы иль рыцари?
Да не время-ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей иль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли-ли товары ганзейскіе,
Или снова послы сановитые
Отъ великаго князя московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ? Уныло гудитъ-поетъ колоколъ.....
Поетъ тризну свободѣ печальную;
Поетъ пѣсню съ отчизной прощальную: —
„Ты прости, родимый Новгородъ!
Не созвать тебя на Вѣче мнѣ,
Не будѣть ужъ мнѣ по прежнему —
Кто на Бога? Кто на Новгородъ?
Вы простите храмы божіи,
Терема мои дубовые!

Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края имъ мѣдные,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустную
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.

„Ты прости, мой братъ названый, буйный Волховъ мой
[прости!
Безъ меня ты праздную радость, безъ меня ты и грусти.
Пролетѣло это время... не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радость, да и горе мы дѣлили пополамъ,
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой
[плясалъ!
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,
Какъ напутную молитву я воинамъ твоимъ гудѣлъ!
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ грѣмили мы съ тобою: смерть вамъ Суздальцы илъ
[плѣнъ!
Помню я, ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.

„Я гремѣлъ бывало звучный — собирались молодцы.
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣднѣли, и заслышавши меня
Погонялъ Литовецъ дикій быстроногаго коня.

„А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на Нѣмцевъ, то на Шведовъ, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бѣдъ!
Если-бъ могъ — я-бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ;
[да нѣтъ —

Я не ты, мой буйный Волховъ! я не плачу — я пою!
Промѣняетъ-ли кто слезы и на пѣсню — на мою?
Слушай: нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву;
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ волуны, всѣ струи —
Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія латьи,
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой
И звони въ меня почаще серебристою волной:
Можетъ быть изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность и за Вѣче встанетъ городъ нашъ родной."

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Волховъ плещетъ и бьется и пѣнится
О ладьи Москвитянъ острогрудыя,
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся. —

„Кому достанется она"?

Кому достанется она,
Нерукотворная Марія?
Она для нѣги рождена:
Глаза, какъ небо, голубые,
И мягкость розовыхъ ланитъ,
И все — готовое для счастья —
Въ ней соблазнительно манитъ
Живую жажду сладострастья!
Блаженъ, кто первый обойметъ
Ея красы на ложѣ ночи,
Её прижметъ, еще прижметъ,
И задрожавъ закроетъ очи.

Языковъ.

Конь.

(Басня.)

У одного наѣздника лихаго
Былъ конь, какого
И въ табунахъ степныхъ на рѣдкость поискать.
Какая стать,
И ростъ и быстрота и сила,
Какъ щедро всѣмъ его природа надѣлила!
Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ бояхъ,
И смѣло въ пропасть шелъ и выносилъ въ горахъ!
Но съ смертью сѣдока, достался онъ другому
Наѣзднику, да на бѣду, плохому.
Тотъ приказалъ его въ конюшню свесть
И тамъ на привязи, и спать, и пить, и ѣсть;
А за отличіе, за службу удалую,
Вѣкъ не снимать уздечку золотую.
Вотъ годы цѣлые, безъ дѣла конь стоитъ,
Хозяинъ на него любуется, глядитъ,
А сѣсть боится,
Чтобъ не свалиться.
Межъ тѣмъ конь старится; потухъ огонь въ глазахъ,
И спалъ онъ съ тѣла.
Да какъ, вскормленному въ бояхъ,
Не похудѣть безъ дѣла!...
Коня всѣмъ жалъ — и конюхи простые
И сѣдоки лихіе
Между собою говорятъ:
„Ну кто-бъ коню такому не былъ радъ,
Когда-бъ другому онъ достался“?
Да, конь хорошъ — въ томъ и хозяинъ сознавался,
Да для него вотъ то бѣда,
Что конь въ возу не ходитъ никогда.

И въ правду, есть ужъ кони отъ природы
Такой породы:
Скорѣй его убьешь,
Чѣмъ запряжешь.

И. Крыловъ.

Король Ричардъ.

(Баллада Г. Гейне.)

Всадникъ несется на борзомъ конѣ
Свѣжею пущей лѣсной;
То запоетъ онъ, то въ рогъ затрубитъ,
Веселъ и воленъ душой.

Крѣпки литые доспѣхи его,
Духъ не сломился отъ бѣдъ.
Онъ это — Львиное Сердце Ричардъ,
Божьяго воинства цвѣтъ.

„Здравствуй на родинѣ!“ слышенъ ему
Радостный лепетъ вѣтвей:
„Слава, король нашъ, что вырвался ты
Цѣлъ изъ австрійскихъ когтей!“

Полною грудью онъ пьетъ благодать
Вольнаго божьяго дня;
Вспомнилъ о смрадѣ австрійской тюрьмы —
Гонитъ и шпоритъ коня!

Къ аристократамъ.

(Помѣщикамъ по случаю крестьянскаго вопроса.)

Для жизни новой Русскаго народа,
По голосу могучаго Царя,
Взошла полночная заря,
И засіяла радужно свобода.

Въ Москвѣ — Его родимой колыбели,
Гдѣ къ Отроку святые Ангелы слетѣли
И принесли изъ вышняго чертога
Благословленіе и милость Бога,
Тамъ Онъ, какъ избранный пророкъ,
Впервые мысль свою изрёкъ:

„Вы помните, тому назадъ два года,
„Я высказалъ желаніе о томъ,
„Чтобы людямъ дарована была свобода
„И измѣненъ законъ въ уставѣ крѣпостномъ.
„Вамъ признаюсь, я ожидалъ, что долгъ святой
„Вы первые окажете странѣ родной.
„Къ прискорбію мой гласъ былъ какъ въ пустынѣ,
„И вы не поняли меня донынѣ.
„Въ Москвѣ родился я, люблю родную,
„Какъ прежде я всегда её любилъ,
„И мысль святую и благую
„Москвѣ впервые я открылъ.
„Вы понимаете-ли смыслъ ея,
„Что блага и добра народу жажду я....“

Такъ говорилъ восторженный Монархъ —
Гармоніею рѣчь звучала на устахъ,
И сердце чистое въ порывѣ благородномъ
Въ нёмъ билося живѣй о счастіи народномъ.

Внимаете-ли голосу Его
О преслаутые отечества сыны?
Уже-ль для счастія родной страны
Не принесёте въ жертву ничего?
Для Азіатскаго разврата,
Подобно праотцамъ своимъ,
Уже-ль желаете держать въ цѣпяхъ собрата,
Гордясь наслѣдствомъ родовымъ?
Подъ ледяной таилася корой
Жизнь предковъ вашихъ, славная лишь барствомъ,
И чѣмъ прославились сыны земли родной? —
Однимъ невѣжествомъ, да низкимъ рабствомъ!
И гнули головы вожди народа,
И униженные челомъ Татарамъ били,
И раболѣпствомъ только жили,
И тяжка имъ была народная свобода.
Какъ Божія гроза явился Петръ,
Чтобъ разорвать ума оцѣпенье,
И пробудить усыпленный народъ
Подъ бременемъ жестокаго мученья.
Но что-жъ они? — гордились спѣсью барской,
Съ надменностью и гордостью Татарской,
Подъ блескомъ Европейскаго убранства,
Скрывали низкое коварство!...

Давно-ли Вы мѣняли слугъ несчастныхъ,
Послушно-ревностныхъ своихъ рабовъ,
Для наслажденій сладострастныхъ —
На карты, на пиры, на псовъ?
Какъ только началась могучая борьба
Межъ мыслію живой и варварствомъ Татарства,
Вамъ стало жалко предковъ барства,
Васъ горькая не тронула судьба
Подъ игомъ тягостнымъ народа.
Вотъ отъ чего страшна теперь его свобода,
Вотъ отъ чего отъ незапамятныхъ временъ
Пріятенъ Вамъ его могильный сонъ.

Подумайте, помыслите, поразсудите!
О чемъ мечтаете? Чего хотите?
Боярства мертваго?.. Какое заблужденье?..
Хотите вѣчнаго народу Вы ярма?
Боитесь пробудить бездѣйствіе ума?
Но страшно будетъ Вамъ народа пробужденье!
Въ главѣ его полночный богатырь,
Которому дивится міръ —
Прислушайтесь къ Его словамъ,
Какъ вдохновенный мыслію святой
Желаетъ просвѣтить народъ любимый Свой.
Послѣдуйте Вы Царственнымъ рѣчамъ,
Когда съ величія блистательнаго Трона,
Самъ нисходя подъ сѣнь закона,
Какъ первый сынъ земли родной,
Приноситъ Онъ долгъ Царскій свой.

* * *

Для блага родины зоветъ Васъ Государь,
Несите-жъ жертву на Олтарь
Отчизнѣ доблестной, святой,
И подвигъ вашъ — вашъ долгъ прямой,
Достоинъ будетъ Славянина,
И взглянетъ съ гордостью отецъ на сына
Великаго свободнаго народа.
Подъ сѣнію полночнаго богатыря —
Всесильнаго, полсвѣтнаго Царя,
Да здравствуетъ разумная свобода!

П. П...

Къ В... Д...

Ты ловкостью своихъ манеръ,
Услугой ревностной и вѣрной
И службою нелицемѣрной
Открылъ по службѣ свой карьеръ,
Но о любви вдругъ замечталъ
И весь карьеръ свой потерялъ.
Но кто-жъ причиною страданья,
Какой изъ смертныхъ идеалъ
Убилъ все то, о чемъ мечталъ —
Всѣ пограничныя желанья?
И что-жъ, о Боже, мой Творецъ,
Разрушилъ тайныя стремленья,
Къ поимкамъ бурныя влеченья? —
Любви-ль мечтательной вѣнецъ?
Б....чь месть къ тебѣ таилъ,
Сначала въ узы заключилъ.
Какъ Государственный преступникъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ мой бѣдный узникъ,
О томъ не думавъ никогда,
Что тѣмъ не кончится бѣда.
Б....чь гнѣвомъ воспылалъ
И въ ссылку узника сослалъ,
Въ страну мятелей и снѣговъ,
И вѣчныхъ вьюгъ, и вѣчныхъ льдовъ,
Тоску, разлуку, холодъ, горе
Испытывать на бѣломъ морѣ.

П. П...

Къ временщику.

(Побраніе Персіевой Сатирѣ: къ Рубеллію).

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ проньрствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ;
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу?
Что̀ сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что̀ власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ, и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ — одни достоинства почтенны;
Сеянъ! и самые цари безъ нихъ — презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной — не Консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ! достойный мужъ! почто не можешь снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ! вострепещи! родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ Царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!

Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи!
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь.
Твои дѣла тебя изобличатъ народу —
Познаетъ онъ — что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все-жъ трепещи, тиранъ! за зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Къ * * *.

Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ для движенья,
Нашли вы мѣсто наконецъ,
И пріютились какъ мудрецъ —
Межъ дѣвственныхъ старухъ избѣгнувъ искушенья,
И взвизгнулъ роковой свистокъ
И въ дальній путь васъ паръ увлекъ;
Смущенъ, какъ человѣкъ предъ дикимъ приговоромъ,
За быстрымъ поѣздомъ слѣдилъ я долгимъ взоромъ,
Пока онъ скрылся — и за нимъ,
Помедливъ, разлетѣлся дымъ;
Пустынно двѣ бразды желѣзныя лежали,
И я пошелъ домой, исполненный печали...

* * *

Такъ вы уѣхали!... А длинный разговоръ
Еще звучитъ въ ушахъ какъ дружелюбный споръ;
Но обоюдные запросы и сомнѣнья
Уныло на душѣ остались безъ рѣшенья.
Что эти сумерки — пророчатъ-ли разсвѣтъ?
Иль это вечеръ нашъ и ночь идетъ во слѣдъ?
Что міру — жизнь иль смерть готова?
Возникнетъ-ли живое слово?
Нѣмое множество откликнется-ль на зовъ?
Иль вѣру сохранитъ въ ношеніе оковъ?
Какъ это знать!... Такъ сѣятель усталый
Надъ пашнею, окончивъ трудъ не малый,
Безмолвствуя въ раздумьи стоитъ,
И на небо и на землю глядитъ:
Прольется-ль свѣжій дождь надъ почвой оживленной,
Или погибнетъ сѣвъ, засухою спаленный?...

* * *

Я знаю съ родины попутный вѣтръ повелъ,
Заря проснулася надъ тишиною селъ;
Какъ древній Ной — корабль причалилъ къ Арарату,
И въ море тихое мы пролагаемъ путь,
Какъ мирный мостъ, какъ связь востоку и закату,
И плавно хочетъ Русь всѣ силы развернуть.
Я знаю — съ берега Британіи туманной
Живою жилою подъ моремъ нить прошла
До міра новаго... И вотъ союзъ желанный!
И такъ и кажется, что разступилась мгла —
И наши племена, съ побѣдной властью пара,
Дорогу проведутъ вокругъ земнаго шара.
Оно торжественно! И воздухъ свѣжихъ силъ
Такъ дышетъ вѣрою въ громадность человѣка...
А тутъ сомнѣніе и вѣянье могилъ
Невольно чуется при замираньи вѣка.

* * *

И вижу я иныя племена —
Тутъ — за моремъ... Ихъ жажда кровь, война,
И хвастая знаменами свободы,
Хоть завтра же они скуютъ народы.
Во имя равенства все станетъ подъ одно,
Во имя братства всѣмъ они наложатъ цѣпи,
Въ замѣнъ лѣсовъ и нивъ все выжженныя степи,
И просвѣщеніе штыками рѣшено —
И будетъ управлять съ разбойничьей отвагой
Нахальный генералъ безсмысленною шпагой.

* * *

Чѣмъ это кончится? Возметъ-ли верхъ палачь
И рабства уровень по насъ промчится вскачь?
Иль міръ поднимется изъ хаоса и муки
При свѣтѣ разума, при ясности науки?
Какъ это знать? Надъ пашнею стою
Какъ сѣятель, и голову мою
Готовъ сложить безъ сожалѣнья;
Но что-же мой послѣдній мигъ —
Онъ будетъ-ли тяжелый крикъ,
Иль миръ спокойнаго прозрѣнья?...

* * *

Васъ проводя, такъ думалъ я, другъ мой,
Въ безмолвіи, когда я шелъ домой —
Но обоюдные запросы и сомнѣнья
Уныло на душѣ остались безъ рѣшенья.

Н. Огаревъ.

Къ * * *.

Уже давно въ душѣ кипитъ
Негодованье и презрѣнье
Къ тебѣ, коварный Езуитъ!
Уже не стало мнѣ терпѣнья —
Тебя мой стихъ не пощадитъ;
Онъ ѳиміамовъ не куритъ,
И хитрость адская плута
Его не купитъ никогда.
Уже давно настало время
Завѣсу тайны разорвать —
Твоихъ затѣй плоды и семя
Предъ свѣтомъ явно показать.
По виду тихій, благодушный,
Ты службой занятъ завсегда,
Въ тебѣ нѣтъ совѣсти слѣда...
Ты подлый рабъ — слуга послушный,
Законъ и совѣсть ты продалъ
И тѣмъ въ чиновники попалъ.
Продалъ начальника, друзей,
Товарищей своихъ по службѣ,
Увѣривъ ихъ въ своей къ нимъ дружбѣ;
И честнымъ слылъ ты межъ людей,
Дородный, лысый и высокій,
И близорукій, сѣроокій!
Ты помнишь-ли, когда въ тиши
Предъ всѣми выю преклонялъ,
И низости своей души
Съ уловкой хитрою скрывалъ,
И слылъ смиреннымъ добрякомъ,
Когда былъ мелочнымъ писцемъ,
Какъ предъ начальникомъ своимъ
На заднихъ лапкахъ ты ходилъ
И москою ему служилъ,
Коварностью любовь снискалъ,
Игралъ какъ куклою ты имъ

И за сребро жидамъ продалъ?...
Ты помнишь-ли твой адскій планъ,
Когда надѣвъ жида кафтанъ —
Приличнѣйшій тебѣ нарядъ —
Спѣшилъ, какъ будто въ маскарадъ,
Ты въ К.., ночью и прибылъ
И пломбы тайныя открылъ,
Чтобъ чинъ скорѣе получить,
И управляющимъ въ В.....,
И красную въ петлицу ленту
За службу подлую схватить?
И жертва варварской интриги —
Подлѣйшій плодъ мерзѣйшей лиги,
Подъ уголовный судъ отданъ,
Лишенный правъ въ Сибирь сосланъ.
Но Всесвятое Провидѣнье
Ниспосылаетъ свое мщенье,
И первый Е.. жертвой палъ —
Онъ какъ животное пропалъ.
Тебя-жъ орудіе ждетъ, кота —
Судьбы жестокій приговоръ,
Ты не подкупишь звономъ злата
Всевышняго Судьи укоръ.

П. П...

Къ халату.

Какъ я люблю тебя, халатъ!
Одѣжда праздности и лѣни,
Товарищъ тайныхъ наслажденій
И поэтическихъ отрадъ!
Пускай служителямъ Арея
Мила ихъ тѣсная ливрея,

Я воленъ тѣломъ, какъ душой;
Отъ вѣка нашего заразы,
Отъ жизни бранной и пустой
Я изцѣленъ и миръ со мной!
Царя приказы и проказы
Не портятъ юности моей
И дни мои, какъ я въ халатѣ,
Стократъ плѣнительнѣе дней
Царя живущаго не кстати.
Ночнаго неба президентъ
Луна сіяетъ золотая,
Уснула суетность мірская,
Не дремлетъ мыслящій студентъ:
Окутанъ авторскимъ халатомъ,
Презрѣвъ слѣпаго свѣта шумъ,
Смѣется онъ въ восторгѣ думъ
Надъ современнымъ Геростратомъ.
Ему невидятся въ мечтахъ
Кинжалы Занда и Лувеля
И наша слава — пустомеля —
Душѣ возвышенной не страхъ;
Простой чубукъ въ его устахъ
Предъ нимъ, уныло догорая
Стоитъ свѣча не восковая;
Небрежно, гордо онъ сидитъ
Съ мечтами Генія живаго,
И терпѣливаго портнаго
За свой халатъ благодаритъ.

2 Декабря 1823 года.

Н. Языковъ.

Марина.

(Подражаніе Ломоносову. Писано въ царствованіе Павла I.)

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!
Шумишь и сердишься всечасно,
Что ты давно не кавалеръ!
Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ,
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ —
Смотри! каковъ въ штиблетахъ онъ! —

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ прямо, какъ солдатъ,
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтъ-парадъ? —
Когда маршировать заставилъ?
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою?
Ты не видалъ такихъ чудесъ.
Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной;
Ты тутъ вкушалъ одинъ покой.

Кто съ деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять?
Къ спинѣ бѣленьими ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?

Мундиры съ битью золотою
Не я-ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

Главы острижены солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить?
И ихъ одѣвши по дурацки
Въ казармы кучами набить?
И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобно звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать
И двухъ въ солдаты написать.

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда, и гдѣ ты увязалъ?
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ?
И взялъ ли приступомъ ты Бибъ.*)

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не смогутъ говорить,
Надѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ поправить?
И подъ арестъ за то отправить?
За вздоръ изъ службы исключить
Пль на вѣкъ въ крѣпость засадить?

Твоей ли хитростью Кутайцевъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ?

*) Укрѣпленіе въ Гатчинѣ.

Въ моихъ палатахъ обитая,
Россіянъ бѣдныхъ раззоряя,
Въ немъ видѣнъ точный Бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

Не ясна-ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ, что головы рубить?*)
Пришлась тебѣ когда охота
Кадиломъ въ церквѣ покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служа обѣдню за попа?**)
Уже ли мысль сія глупа?

Ко удивленію же свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ мнѣ совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ я иной всему видъ далъ?

Ума твоего предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна***) греческа, по Русски
Святую значитъ: благодать?

---

*) На Дону былъ казненъ казачій полковникъ за вину, стоющую только ареста.

**) Въ Гатчинѣ, въ придворной церкви Павелъ во всемъ церковномъ облаченіи служилъ обѣдню.

***) Въ честь своей любовницы Анны А. Лопухиной Павелъ приказалъ на знаменахъ и штандартахъ вѣшать благодать.

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именемъ моей?

Скажи ты мнѣ, въ странахъ россійскихъ
Кто славный акціонъ завелъ,
Что-бъ кто хотѣлъ крестовъ мальтійскихъ,
За деньги, въ ономъ бы нашелъ!*)
Съ Французами два года дрался,
Что-бъ островъ Мальта намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей!
Дѣла то мудрости моей! —

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить?
Велѣть Россіянамъ, что-бъ каждый
Престалъ бы круглыя носить?
Пучки и сапоги съ ушами
Указомъ истребить межъ вами,
Изгнатъ потомъ съ заносомъ фракъ?
А всѣ кричатъ, что я дуракъ!

Сіе служивый разсуждая,
Познай мою ты сильну власть,
И прусскій твой мундиръ таская
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Я все на пользу вашу строю:
Казню кого или покою,
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія терпи.

*) Кресты мальтійскаго ордена продавались.

Марія Магдалина.

Въ дни печали, дни гоненій —
За святыню убѣжденій,
Новой вѣры правоту —
Умиралъ спаситель свѣта,
Плотникъ, житель Назарета,
Пригвождённый ко кресту.
И сказалъ онъ: „Совершилось!“
И чело его склонилось,
И остался мёртвый ликъ,
Какъ при жизни, тихъ и ясенъ,
Также благостью прекрасенъ,
Также помысломъ великъ.

* * *

Солнце мирно, предъ закатомъ,
Надъ зелено-мягкимъ скатомъ
И гранитами хребта —
Шло въ пути златоподобномъ,
И блестя на мѣстѣ лобномъ,
Озаряло три креста,
Двухъ воровъ съ Христомъ распятыхъ,
Палача въ желѣзныхъ латахъ,
Грозномъ шлемѣ и съ копьёмъ,
И людей на казнь взиравшихъ,
И трехъ женщинъ, близь стоявшихъ
Въ безутѣшіи своёмъ.

* * *

Двѣ старухи: мать рыдала,
И сестра ея шептала —
Что вотъ распятъ нашъ Христосъ.....
Третья съ ними, молодая,
Стала, взоръ на крестъ вперяя,

Неподвижно и безъ слёзъ,
Съ опущёнными руками,
Распущёнными власами,
Блёднымъ ужасомъ лица,
Вся — безмолвное рыданье,
Иль нѣмое изваянье
Скорби, скорби безъ конца.

* * *

Къ ночи площадь опустѣла
И два друга сняли тѣло;
Мать съ сестрой была при нихъ
И прощалась съ трупомъ сына;
И Марія Магдалина,
Для лобзанья устъ святыхъ,
Наклонилась и припала,
Сердце мягче биться стало
И заплакала она,
И лились, и орошали
Слёзы тихія печали
Мёртвый ликъ и рамена.

* * *

Трупъ покрыли пеленою;
Двое медленной стопою
На носилкахъ понесли,
Безъ напѣвовъ погребальныхъ —
И три женщины печальныхъ
За покойникомъ пошли.
Шла она и вспоминала,
Что подобныхъ не бывало
Въ этомъ мірѣ никогда.....
Вспоминала все былое,
Быстро ей пережитое
Въ эти краткіе года.

* * *

Какъ по торжищамъ Магдалы,
Выставляя, въ дни бывалы,
Свѣжесть персей молодыхъ,
Знала, въ вихрѣ шутокъ сальныхъ,
Только юношей нахальныхъ,
Да безстыдниковъ сѣдыхъ;
И вотъ встрѣтила случайно
Взглядъ, смирившій силой тайной
Бредъ желаній, пылъ въ крови,
И ей слышать было ново
Человѣческое слово
Всепрощенья и любви.

* * *

Какъ ему омыла ноги,
Запылённыя съ дороги,
Умягчила жёсткій зной
Масломъ мирры благовонной,
Осушила распущённой
Свѣтлорусою косой.....
Какъ у ногъ его садилась,
И внимала, и молилась,
Не сводя съ него зѣницъ,
Очищалась покаяньемъ,
Выростала пониманьемъ
И любила безъ границъ...

* * *

Близь оливъ, въ саду тѣнистомъ,
Подъ утесомъ каменистымъ,
Съ фонарёмъ во тьмѣ ночной,
Тѣло въ гробъ они сложили,
Къ гробу камень привалили
И скорбя пошли домой.
Но чуть ранняя прохлада
Пронеслась по листьямъ сада

Передъ брежжащей зарёй,
А Марія шла изъ дому —
Хоть бы къ камню гробовому
Приклониться головой.

* * *

Видить — гробъ отверстый снова,
Голосъ, точно у живова,
Звалъ по имени её.....
Оглянулась..... Сонъ блаженный!
Это самъ онъ, вождѣленный,
Навѣстилъ дитя своё.
И она его узнала,
Передъ нимъ она стояла
Въ обожаніи нѣмомъ;
И онъ рекъ, благословляя:
„Имъ скажи, душа родная,
О видѣніи твоёмъ!“ —

* * *

Свѣтлый образъ, духъ привѣта,
Потонулъ въ лучахъ разсвѣта,
И она на сходъ друзей
Въ путь пошла, благоговѣя,
И едва повѣрить смѣя,
Что онъ ей явился — ей,
Шедшей грѣшною дорогой.....
Но любить умѣвшей много,
Но чья мысль была чиста,
Почва сердца благодатна,
Чьей простой душѣ понятна
Правды ширь и простота.

Н. Огаревъ.

Михайлову.

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь —
Грядущихъ подвиговъ предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь ихъ немощную кровь.
Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ —
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!...
И гнѣва трепетъ боевой
Объемлетъ вдохновенный строй.
Впередъ, впередъ! разрушенъ страхъ —
И гордый врагъ падётъ во прахъ.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнётся грозно юный строй.
Не побоится палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропалъ —
Онъ чары страха разорвалъ;
Иди-жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ — не жалѣй!

Царь не посмѣлъ тебя казнить...
Вѣдь ты изъ фрачныхъ... Можетъ быть
Въ средѣ господъ себѣ отпоръ
Нашелъ бы смертный приговоръ...
Вотъ еслибы тебя нашли
Въ поддёвкѣ, въ трудовой пыли —
Тебя велѣлъ бы онъ схватить
И, какъ собаку, пристрѣлить.
Онъ слово: казнь — не произнёсъ,
Но до пощады не дорось,

Мозгъ узокъ и душа мелка —
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрезъ тѣ мѣста,
Гдѣ безъ могилы и креста
Недавно брошенъ свѣжій трупъ
Бойца, носившаго тулупъ.
Нашъ старшій братъ изъ мужиковъ,
Онъ первый всталъ противъ враговъ
И волей царскою былъ онъ
За волю русскую казнёнъ.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣръ неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будитъ въ безмолвьи ночей,
Пророчитъ о племени сильномъ и новомъ,
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуётъ,
Онъ камень отъ входа темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призовётъ.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.
Н. Огаревъ.

Молитва.

„Не дай намъ духа празднословья!“
И такъ — отъ нынѣшняго дня
Ты, въ силу нашего условья,
Молитвъ не требуй отъ меня.

Гражданское мужество.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитной скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,

О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И, въ наши дни, всегда была
Надежною опорой троновъ?

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край роднои,
Сіяя славой, Аристиды.
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала, въ ихъ сердцахъ,
. . . . . .
Любовь къ согражданамъ своимъ;
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славни на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой.
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;

Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи;
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ,
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы,
Подъ ихъ убійственнымъ мечёмъ
Вездѣ лилася кровь ручьёмъ.
Аттилъ и Цесарей и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой.....
Но много-ль было Цицероновъ?.....

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ!

И такъ сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье
Благодаренье небесамъ,
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка, онъ Россію,
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ,
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей,
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и въ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ,
Подпора власти и народу.

Такъ, въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ, воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревѣтъ рѣка,
Но тщетны дерзкіе порывы!
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Наполеонъ.

У моря, на скалѣ угрюмой,
Главу на грудь уныло преклоня,
Державный плѣнникъ, съ тяжкой думой,
Одинъ сидѣлъ. Свѣтило дня
На западѣ сіяло
И пурпурной порфирой покрывало
Бездонную пучину синихъ водъ.
„Торжественъ твой и западъ и восходъ,
Ты не померкнешь въ тучѣ грозной;
Ты не погаснешь моря въ глубинѣ;
Твой ликъ — нетлѣнный, животворный
Паритъ, какъ богъ, въ небесной вышинѣ!
Не твой удѣлъ на жребій выпалъ мнѣ.
Какъ ты, моя звѣзда привѣтливо сіяла,
Въ пучинѣ звѣздъ соперницы не знала,
И грозная носилась надъ землей,
Пророча смерть и разрушенье,
Но все похитило единое мгновенье.
О Ватерло! Теперь судьбы моей
Едва примѣтенъ лучь надъ современной бездной;
Безъ славы и безъ битвъ въ душѣ осиротѣвъ,
Подъ сворой дружныхъ псовъ — я усмиренъ какъ левъ,
И лицемѣрнымъ сномъ дремлю въ тюрьмѣ желѣзной.
Кричатъ: онъ побѣжденъ! Такъ чтожъ? Я Аннибалъ!
Исторія! Твои завѣтныя скрижали,
Несчастіемъ его не упрекали;
Ты врѣзала на нихъ: отъ Римлянъ побѣжденъ!
Моя соперница — Россія,
Но побѣдитель мой — судьба.
Я шелъ не по слѣдамъ Батыя,
И не безсмысленна была моя борьба:
Всѣ царства я-бъ сложилъ въ итогъ одной державы.
Я видѣлъ пепелъ Москвы,
Но я не Геростратъ.

Я правъ передъ людьми — предъ Богомъ виноватъ.
Я не постигъ его предназначенья,
Но ослѣпленъ успѣхомъ чудныхъ дѣлъ,
Хотѣлъ переступить въ пылу самозабвенья,
Божественнымъ перстомъ начертанный предѣлъ;
Хотѣлъ десницею желѣзной
Внезапно завладѣть вѣковъ грядущихъ бездной,
И тѣ вѣка до срока-бъ призвалъ я,
Чтобъ предразсудковъ цѣпь заржавленную скинуть,
И къ цѣли высшей бытія
Лѣнивую громаду передвинуть."

Напутствіе.

(Научите немудрыхъ.
Евангеліе.)

Забудь уныніе языкъ!
Хочу — по мимо произвола
Что-бъ ты благоговѣть привыкъ
Передъ святынею глагола.

Мнѣ надо, чтобы съ устъ твоихъ,
Непразднословныхъ и не лживыхъ,
Звучалъ потокъ рѣчей живыхъ,
Какъ разумъ ясныхъ и правдивыхъ.

Отбрось рабовъ обычныхъ школъ —
И книжника и фарисея:
Предъ ними истины глаголъ
Проходитъ, власти не имѣя.

Учи того, кто не успѣлъ
Съ ума сойти въ ихъ жизни дикой,
Кто жаждетъ искрененъ и смѣлъ
Разсудка простоты великой.

Глаголъ — орудіе свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вѣчно движутся, народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готовъ ли?... Ну! теперь смотри —
Ступай по городамъ и сёламъ
И о грядущемъ говори
Животрепещущимъ глаголомъ.

Н. Огаревъ.

На 50. лѣтній юбилей Е. Пр. Н. Н. Греча.

Вниманьемъ высшаго начальства
Заслуги ваши почтены:
Достигли вы до генеральства....
Васъ всѣ россійскіе сыны —

Достойно чтутъ какъ патріота,
И какъ творца учебныхъ книгъ.
Въ своихъ грамматикахъ безъ счета
Терзали вы родной языкъ.

Вы въ географіи мѣшали
Востокъ и западъ межъ собой;
Баддѣя съ Гоголемъ равняли,
Уча словесности родной.

Вы и исторію намъ дали —
Чужой издавши переводъ —
Гдѣ много мѣстъ вы пропускали
Чтобы не знали ихъ нашъ народъ.

И на позорищѣ журнальномъ
Вы подвизались много лѣтъ:
Кто чище васъ, вы звали сальнымъ,
Ложь — правдой звали, мракомъ — свѣтъ.

Заслугъ такихъ не могъ, конечно,
Вашъ добрый баринъ позабыть
И вотъ онъ далъ чистосердечно
Свое согласье — васъ почтить:

Формально, громкимъ юбилеемъ,
Какъ генерала подлецовъ —
И мы, дескать, цѣнить умѣемъ
Заслуги преданные рабовъ.

И радъ нашъ Гречь. Одушевились
Его бездушныя черты,
Вѣ душонкѣ мелкой зароились
Честолюбивыя мечты.

Мечтаетъ онъ, какъ сонмъ ученыхъ
Прійдетъ труды его почтить,
И на сѣдинахъ посрамленныхъ
Вѣнецъ безсмертья возложить.

Мечтаетъ съ радостнымъ волненьемъ
О близкомъ часѣ торжества,
О томъ какъ позднимъ поколѣньямъ
О Гречѣ перейдетъ молва.

Онъ мыслитъ: не противорѣча
Русь пріиметъ торжество мое,
И не поймет, что праздникъ Греча
Есть униженье для нее.

И радъ нашъ Гречь... Но рано, рано
Ты поднялъ знамя торжества.
Не всѣмъ довольно словъ обмана,
Чтобы признать твои права.

Ты хочешь въ славѣ и почотѣ
Къ потомству перейдти на судъ;
Не ошибись, мой другъ, въ расчотѣ;
Тебя поняли и поймутъ.

Скажи намъ, нѣмецъ обрусѣлый,
Что для Россіи ты свершилъ?
Когда, и въ чомъ, ты въ вѣкъ свой цѣлый
Любовь свою къ ней проявилъ?

Въ тѣ дни, какъ Русскіе спасали
Святую Русь отъ чуждыхъ силъ —
Въ патріотическомъ журналѣ
Ты и-ль ругался или льстилъ.

Ни разу голосъ благородный
Изъ устъ твоихъ не прозвучалъ;
Святой любви къ странѣ природной
Ты, какъ пришлецъ, не понималъ.

И въ слѣдъ за тѣмъ, когда Россія
Вдругъ пробуждаться начала;
Когда понятія живыя
Европа намъ передала —

Когда къ намъ святлый лучъ познаній
Сквозь мракъ невѣжества проникъ,
То сколько пошлой, грубой брани
Извергъ поганный твой языкъ.

Все, въ чемъ дышала жизнь живая
Любовь, свобода, правда, честь —
Чиновный духъ твой возмущая,
Въ тебѣ нашло вражду и месть.

За тѣмъ, что чести былъ пріятнѣй
Тебѣ державный произволъ,
И, льстя ему, ты благодатно
Всю жизнь позорную провелъ.

Съ другимъ мошенникомъ связавшись
Составилъ шайку подлецовъ,
Судьей въ словесности назвавшись,
Металъ ты громы глупыхъ словъ —

На геніяльныя созданія;
Въ нихъ видѣлъ ложь и пустоту;
Ѳаддѣя-жъ пошлому маранью
Придалъ и умъ и красоту.

Полякъ и Нѣмецъ — вы судили
О русскомъ словѣ вкривь и вкось,
И патріотами прослыли,
Хваля Россію на авось.

Весь бракъ литературы нашей,
Все, что въ ней пошло и подло,
Все къ вамъ сошлось, въ газетѣ вашей
Все дичь свободно понесло.

Князь Вяземскій, поэтъ продажный,
Брантъ — не писатель — аферистъ,
И Зотовъ, романистъ отважный,
Масальскій — поздній фабулистъ.

И Розенъ тотъ, кому до нынѣ
На ладъ языкъ нашъ не дался;
Сушковъ, взывающій въ пустынѣ,
И А-А-А, и Я-Я-Я — —.

Но съ этой братіей убогой
Успѣха не могло вамъ быть.
Явился Пушкинъ... судъ вашъ строгій
Его не могъ ужъ сокрушить.

Явился Гоголь... за живое
Онъ васъ, Тряпичкиныхъ, задѣлъ;
Ругались вы, но, бранью злою,
Ужъ не могли приравить дѣлъ.

И знаетъ васъ теперь Россія,
Извѣстны ваши всѣ дѣла,
И ваши личности сѣдыя
Судьба презрѣнью предала.

Твой другъ, безграмотный писака,
Легко презрѣніе сносилъ;
Но ты, поборникъ лжи и мрака,
Ты путь другой себѣ открылъ.

Какъ рабъ, какъ червь ты пресмыкался,
Позорно ближнихъ продавалъ,
И все за честью ты гонялся,
Хоть честь давно ты потерялъ.

И вотъ добился... По прошенью
Твоихъ протекторовъ, друзей,
Заслугъ твоихъ въ вознагражденье,
Тебѣ назначенъ юбилей?

Твоя почотная извѣстность
Рѣшеньемъ тѣхъ утверждена,
Кому вся русская словесность
Есть незнакомая страна.

И вотъ, по общему рѣшенью,
Взялись, чиновные друзья,
Собрать на праздникъ приношенье
Отъ почитающихъ тебя.

Но тотъ кто съ Пушкинымъ, Крыловымъ,
И съ Гоголемъ — вѣкъ другомъ былъ,
Онъ, прежде всѣхъ, презрѣнья словомъ
Твой пошлый праздникъ заклеймилъ.

За нимъ всѣ тѣ, кто уважаетъ
Науку, правду и себя,
Не слышатъ зова, презираютъ
И этотъ праздникъ и тебя.

И ты остался лишь съ толпою
Писакъ, да нѣсколькихъ людей
Давно задобренныхъ тобою...
Скажи, прекрасный юбилей!

А чтобъ онъ былъ еще прекраснѣй,
Пріими привѣтствіе мое...
И прокляни, мой Гречь несчастный,
Высокомудріе свое.

Мой стихъ жестокій, за тобою,
Пусть будетъ бѣгать, будто тѣнь,
Пусть онъ не дастъ тебѣ покою,
Тебя тревожитъ каждый день.

Пусть будешь ты кричать, бѣситься,
Начнешь безсмысленную рѣчь;
Но даже мщеньемъ насладиться
Не можешь ты, бѣдняжка Гречь.

Презрѣніе другихъ, безмолвныхъ
Легко отсюда ты поймешь,
И у друзей своихъ чиновныхъ
Ты утѣшенья не найдешь.

И даже твой державный баринъ,
Отвергнетъ твой молящій стонъ...
Лишь твой достойный другъ Булгаринъ
Напишетъ громкій фельетонъ.

Декабрь 1854 г.

На смерть помѣщика Оленина.

(Убитаго крестьянами за жестокое обращеніе съ ними.)

Передъ гробницею позорной
Стою я съ радостнымъ челомъ,
Предвидя новый, благотворный
Въ судьбѣ Россій переломъ.

О славномъ будущемъ мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшемъ вспоминаю
Съ негодованьемъ и тоской.

На муки рабства и презрѣнья
Весь родъ славянскій осужденъ,
Лежитъ печать порабощенья
На всей судьбѣ его племенъ.

И Русь давно ужъ подчинилась
Иноплеменному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

Въ цари къ намъ сѣли скандинавы,
Тѣснили нѣмцы насъ. Царьградъ
Вносилъ къ намъ греческіе нравы
И все вертѣлъ на новый ладъ.

Потомъ при этомъ рабствѣ старомъ,
Доставшись новымъ господамъ,
Русь въ поясъ кланялась татарамъ
И въ землю греческимъ попамъ.

Сперва подъ игомъ Русь стонала
Кипѣло мщеніе въ сердцахъ,
Но рабство и тогда сыскало
Себѣ защитниковъ въ попахъ.

„Покорны будьте и терпите,“
Попъ въ церкви съ каѳедры гласилъ,
„Молиться Богу приходите,
„Давайте намъ по мѣрѣ силъ.“

Вѣка промчались. Поколѣнья
Смѣнялись быстрой чередой,
Въ повиновеньи и терпѣньи
Нашли обманчивый покой.

Природными рабами были
Рабы, рождаясь отъ рабовъ,
И какъ велѣнья Бога чтили
Ударъ кнута и звукъ оковъ.

И предъ баскаками смиренно
Князья ихъ падали во прахъ...
Но гибнетъ мощь татаръ мгновенно
Въ домашнихъ распряхъ и войнахъ.

Орда разбилась, Русь свободна...
Но съ рабствомъ русскіе сжились;
Они не умствуя безплодно
Отъ воли сами отреклись.

За то князья, увидѣвъ ясно,
Что не рабы они теперь,
Принялись править самовластно
Съ господъ ордынскихъ взявъ примѣръ.

Какъ изъ лакеевъ управитель,
Какъ дворянинъ изъ мужиковъ,
Таковъ-же вышелъ повелитель —
Царь самодержецъ изъ рабовъ.

И деспотизмомъ беззаконнымъ
Довольно Русь угнетена
И до сихъ поръ въ забытьи сонномъ
Молчитъ и терпитъ все она.

Царь сталъ для русскихъ полубогомъ,
Какъ папа средневѣковой;
Но не спокойствія залогомъ
Былъ онъ, а гибельной грозой.

Но пусть бы такъ!... Еще Россіи
Полезны дядьки и лоза,
Пусть предразсудки вѣковые
Разсѣетъ царская гроза —

Пусть сказки нянекъ царь прогонитъ
Пусть умъ питомца развернетъ,
Сомнѣнья искру въ немъ заронитъ,
Къ любви, къ свободѣ приведетъ.

Тогда пусть правитъ. Но невѣдомъ
Ему языкъ высокихъ думъ;
Но чуждъ онъ нравственнымъ побѣдамъ,
Но грубъ и мелоченъ въ немъ умъ.

Но шесть девятковъ милліоновъ
Онъ держитъ въ узахъ, какъ рабовъ,
Не слыша ихъ тяжелыхъ стоновъ,
Не ослабляя ихъ оковъ.

О Русь! Русь! Долго-ль въ тихомолку
Ты будешь плакать и стонать,
И хищнаго въ овчарнѣ волка
„Отцемъ-надеждой“ называть?

Когда, о Русь, ты перестанешь
Машиной фокусника быть?
Когда проснешься ты и встанешь,
Чтобы мучителямъ отмстить?

Проснись, о Русь! Возстань родная!
Взгляни, что дѣлаютъ съ тобой!
Твой царь себя лишь охраняя,
Самъ нарушаетъ твой покой.

И самъ въ костяхъ своихъ сжимая
Простыхъ и знатныхъ весь народъ;
Рабовъ чиновныхъ награждая
Такое-жъ право имъ даетъ.

И рабъ разумно разсуждаетъ:
„Я самъ покорствую царю,
Коль онъ велитъ, то умолкаетъ
Честь, разумъ; совѣсть — я творю.

И рабъ мой, ползая во прахѣ,
Пусть, что велю ему, творитъ;
Пусть въ угнетеніи и страхѣ
И умъ и совѣсть заглушитъ.

Онъ мой. Онъ долженъ отступиться
Отъ правъ, отъ чести, отъ всего....
Онъ для меня живетъ, трудится;
Мои плоды трудовъ его!“

И въ силу мудраго рѣшенья
Онъ мучитъ бѣдныхъ мужиковъ,
Свои безумныя велѣнья
Закономъ ставя для рабовъ.

Какой нибудь крючекъ приказный
За подлость „Статскаго“ схвативъ;
Солдатъ безсмысленный и грязный,
Дворянство силою добывъ — —

Князь, промотавшій милліоны,
Взявъ за купеческой женой;
Безвѣстный нѣмецъ, жидъ крещеный,
Нажившись на Руси святой —

Всѣ ощущаютъ вдругъ стремленье
Душами ближнихъ обладать,
Свое отъ высшихъ униженье
Чтобъ на подвластныхъ вымѣщать.

И хладнокровно приступаютъ
Къ позорной куплѣ: старый плутъ.
И люди братьевъ покупаютъ!...
И люди братьевъ продаютъ!...

Ужасный торгъ. Онъ поношенье
Покупщикамъ и продавцамъ,
Царю и власти униженье,
Всему народу стыдъ и срамъ.

Какой законъ, какое право
Торгъ этотъ могутъ оправдать?
Какіе дикіе уставы
Дозволятъ ближнихъ продавать?

Не ты-ль нашъ царь съ негодованьемъ
Продажу негровъ порицалъ?
Филантропическимъ возваньемъ
Не ты-ль Европу удивлялъ?

А между тѣмъ въ твоей Россіи
Не негры — плѣнники войны,
Свои славяне коренные
На гнусный торгъ обречены!

Скажите, русскіе дворяне,
Какой же Богъ законъ изрекъ,
Что къ рабству созданы крестьяне
И что мужикъ не человѣкъ?...

Весь организмъ простолюдина
Устроенъ также, какъ у васъ,
Грубѣй онъ, правда, дворянина
За то и крѣпче во сто разъ.

Какъ вы и душу онъ имѣетъ,
Въ немъ умъ, желанья, чувства есть.—
Онъ ложь высказывать не смѣетъ;
Но и за это — вамъ же честь!

Свободы, мысли и желанья
Его лишили; этотъ даръ
Всѣхъ человѣковъ достоянье —
Ему невѣдомъ: онъ товаръ.

О немъ спокойно утверждаютъ,
Что рабство у него въ крови —
И тѣ же люди прославляютъ
Ученье братства и любви.

Сыны любимые христовы,
Они Евангеліе чтутъ
И однокровнаго роднаго
Позорно въ рабство продаютъ.

И что за рабство! Цѣпь мученій,
Лишеній, горя и заботъ;
Не много свѣтлыхъ исключеній
Представитъ горькій нашъ народъ.

Все въ угнетѣньи, все страдаетъ,
Но все трепещетъ и молчитъ,
Лишь въ тайнѣ слезы проливаетъ,
Да тихо жалобы твердитъ.

Но ни любви, ни состраданья
Нѣтъ въ нашихъ барахъ-палачахъ,
Какъ нѣтъ природнаго сознанья
О человѣческихъ правахъ —

На грусть, на плачь простолюдина
Они съ презрѣніемъ глядятъ;
Рабы въ рукахъ ихъ все машина,
Они вертятъ ей, какъ хотятъ.

Помѣщикъ въ карты проиграетъ —
Завелъ машину: „дай оброкъ!“
И рабъ послѣднее сбираетъ,
Скрывъ въ сердцѣ горестный упрекъ.

Но если бѣдный, раззоренный
Неурожаемъ мужичекъ,
Большой семьей обремененный
Не въ силахъ выплатить оброкъ?

Такъ что-жъ! пусть мерзнетъ, голодаетъ,
Пусть ходитъ по міру съ семьей;
Свои права помѣщикъ знаетъ
Надъ крѣпостной своей душой:

Онъ у раба возметъ корову,
Отниметъ лошадь, хлѣбъ продастъ
И въ назиданіе сурово
Ему припарку въ спину дастъ.

И рабъ покоренъ, какъ машина,
Не хочетъ онъ и ѣсть и пить
И не во власти господина
Въ немъ чувства тѣла истребить.

Межъ тѣмъ и хлѣбъ дневной не можетъ
Онъ, какъ хотѣлось бы имѣть:
Гнилую корку часто гложетъ,
Пустыя щи — его обѣдъ.

Изба соломою покрыта
Въ ней тараканы, душь и смрадъ —
И вотъ все доброе забыто,
Мужикъ пускается въ развратъ.

Пустѣетъ хата, плачутъ дѣти,
Мужъ съ горя пьетъ, да бьетъ ихъ мать;
Не силенъ страхъ господской плети —
У нихъ ужъ нечего отнять.

И наконецъ мужикъ несчастный,
Уже не годный для господъ,
Для муки новой и ужасной
Къ царю въ солдаты попадетъ.

Еще счастливъ, когда онъ можетъ
Мгновенно въ битвѣ умереть —
Но чаще въ гробъ его уложитъ
Трудъ, горе, бѣдность, розги, плеть!

Да еще крѣпкое сложенье
Да мысль, что такъ велитъ судьба,
Съ привычкой давнею къ терпѣнью,
Спасаютъ русскаго раба.

Лишь русскій столько истязаній
Съ терпѣньемъ можетъ выносить,
Лишь онъ среди такихъ страданій
Спокойно можетъ еще жить:

Но есть ужасныя мученья,
Не въ мочь и русскому они
И большей части населенья
Они въ Россіи суждены.

Проступокъ легкій и ничтожный
И даже мнимая вина,
Въ чемъ мысль и правду видѣть можно,
Всегда жестоко казнена.

Не можетъ барину свободно
Всей правды высказать мужикъ;
Не можетъ мыслить благородно,
Боясь безсовѣстныхъ владыкъ.

Не можетъ баринъ отвѣтить
На вздоръ и грубости его;
Не смѣетъ даже онъ примѣтить
Уничиженья своего.

Владѣть имуществомъ не смѣетъ,
Не воленъ даже самъ въ себѣ,
За тѣмъ что баринъ имъ владѣетъ,
Онъ господинъ въ его судьбѣ.

И даже брачныхъ наслажденій
Рабъ часто бариномъ лишенъ:
Тиранъ для скотскихъ наслажденій
Беретъ дѣтей, беретъ ихъ женъ.

Считая барина священнымъ,
Какимъ-то высшимъ существомъ,
Мужикъ предъ деспотомъ презрѣннымъ
Поникнетъ тѣломъ и умомъ.

А тотъ собаками для шутки
Начнетъ несчастнаго травить;
Велитъ въ мѣшокъ на трое сутки
Позорно вплоть его зашить.

Иль на дворѣ въ крещенской холодъ
Водой холодной обольетъ,
Или на жажду и на голодъ
Дни три-четыре предаетъ.

Заставитъ голыми руками
Изъ печки угли выгребать,
Иль раскаленными щипцами
На тѣлѣ кожу припекать.

Льетъ кипятокъ ему на руки,
Сѣчетъ плетьми по животу...
Но всѣ ихъ казни, всѣ ихъ муки
Я никогда не перечту.

Одну ужасную картину
Запомнилъ я до этихъ поръ,
Какъ разъ, къ вельможѣ-господину,
Рабы являлись на позоръ.

Съ тупымъ, но злобнымъ выраженьемъ,
Съ самодовольствіемъ въ лицѣ,
Къ рабамъ проникнутый презрѣньемъ,
Сидѣлъ онъ гордо на крыльцѣ.

И вотъ идутъ къ нему въ ворота,
Безъ шапокъ, кучка мужиковъ;
Грызетъ ихъ бѣдность и забота,
Довольства нѣтъ въ нихъ и слѣдовъ.

Печально, робкими шагами,
Они къ тирану ихъ идутъ,
Стараясь угадать глазами,
Что, гнѣвъ иль милость, въ нихъ найдутъ?

„Скоты! всѣ станьте на колѣна!“
Вдругъ крикнулъ баринъ. Мужики
Со страхомъ падаютъ; ихъ члены
Дрожатъ — и чувства ихъ горьки.

Они пришли сюда съ прошеньемъ,
Чтобъ ихъ палачъ повременилъ
Оброкъ съ нихъ драть съ ожесточеньемъ —
Но съ разу онъ ихъ поразилъ.

Всѣ въ землю стукаются лбами
И на колѣняхъ всѣ ползутъ;
Зачѣмъ? Они не знаютъ сами,
Имъ на языкъ слова нейдутъ.

А онъ, смотря на нихъ спѣсиво,
Даетъ имъ ближе подползать,
И точно папа, горделиво
Велитъ сапогъ свой лобызать.

Всѣ исполняютъ. Лишь несчастный
Одинъ остался средь двора,
И сталъ, безсмысленный, безстрастный,
Теперь пришла его пора.

„Сюда," прикрикнулъ баринъ гнѣвно;
Земной поклонъ ему мужикъ,
И говоритъ ему плачевно:
„Отсохни, баринъ, мой языкъ!

„Ей богу, ноженьки разбило
Тронуться съ мѣста не могу!
Я чуть дошелся. Кабы сила,
Тогда я первый прибѣгу."

Съ лицемъ больнымъ, изнеможеннымъ,
Дрожащій, блѣдный и худой,
Со взоромъ тусклымъ, помраченнымъ,
Былъ жалокъ онъ своей тоской.

Но баринъ крикнулъ: „притащите
Его ко мнѣ." И вотъ мужикъ
Притащенъ. — „Баринъ, пощадите."
Но онъ щадить ихъ не привыкъ.

Вскочивъ, онъ началъ кулаками,
Бить въ грудь и въ щеки мужика,
И сбивши съ ногъ, топталъ ногами,
Толкалъ пинъками подъ бока.

Потомъ за чубъ поднялъ и снова
Его хлестать сталъ по щекамъ
И въ кровь избивши, чуть живаго,
На руки бросилъ мужикамъ.

И приказалъ, чтобъ двѣсти палокъ
Ему прикащикъ завтра далъ;
Но завтра, рабъ былъ меньше жалокъ:
Несчастный завтра не видалъ.

Запомнилъ я, въ душѣ смятенной,
Его страдальческую тѣнь...
Зоветъ она борьбы священной,
Суда и мщенья грозный день.

И можетъ, дружнымъ, громкимъ крикомъ
Отвѣтитъ Русь на этотъ зовъ
И во дворянствѣ полудикомъ,
Взволнуетъ онъ гнилую кровь.

И рабъ, тиранствомъ угнетенный,
Вдругъ отъ апатіи тупой
Освободясь, прервётъ свой сонный,
Свой летаргическій покой.

И встанетъ онъ въ сознаньи права,
Свободной мыслью вдохновёнъ,
И гордыхъ деспотовъ уставы
Быть можетъ въ прахъ низвергнетъ онъ.

Отмститъ онъ имъ порабощенье
Свободы равныхъ имъ людей,
Свои бѣды, и поношенье
Крестьянскихъ женъ и дочерей.

Возстанетъ онъ, разить готовый
Враговъ свободы и добра,
И для Россіи, жизни новой,
Придетъ желанная пора.

Уже въ ней сѣмя мысли зрѣетъ,
Сталъ чуткъ прежній мертвый сонъ,
Зарей свободы пламенѣетъ
Столь прежде мрачный небосклонъ.

И другъ за другомъ, грёзы ночи,
При свѣтѣ мысли, прочь летятъ,
И все блѣднѣй, и все короче,
Видѣній сонныхъ пестрый рядъ.

Безъ малодушія, боязни,
Ужъ рабъ на барина возсталъ,
И не страшась позорной казни,
Топоръ на деспота поднялъ.

Вооружившись на тиранство
Онъ вышелъ съ нимъ на смертный бой.
И беззаконному дворянству
Далъ вызовъ гордый и прямой.

За право собственности личной,
За душу наконецъ онъ всталъ:
„Я не товаръ для васъ обычный,
Душа моя,“ онъ имъ сказалъ.

Протекъ для русскаго народа
Тьмы и тиранства долгій вѣкъ
Я жить хочу! хочу свободы!...
Я равенъ вамъ, я человѣкъ.“

И пусть во всѣхъ концахъ отчизны
То слово мощно прозвучитъ,
Пусть всѣхъ возбудитъ къ новой жизни
И гибель рабству возвѣститъ!

И пусть злодѣи затрепещутъ
И въ прахѣ сгибнутъ навсегда
И яркимъ свѣтомъ пусть заблещетъ
Величья русскаго звѣзда.

Вставай же Русь на подвигъ славы —
Борьба велика и свята!...
Возьми свое святое право
У подлыхъ рыцарей кнута...

Она пойдетъ!... Она возстанетъ,
Святымъ сознаніемъ полна,
И цѣлый міръ тревожно взглянетъ
На вольной славы знамена.

Съ какимъ восторгомъ и волненьемъ
Твои полки увижу я!
О Русь! съ какимъ благоговѣньемъ
Народы взглянутъ на тебя!

Когда, сорвавъ свои оковы,
Ужъ не ребенкомъ иль рабомъ,
А вольнымъ мужемъ жизни новой
Предстанешь ты предъ ихъ судомъ.

Тогда республикою стройной
Въ величьи благородныхъ чувствъ,
Могучій, славный и спокойный,
Въ красѣ познаній и искуствъ —

Глазамъ Европы изумленной
Предстанетъ русскій исполинъ,
И на Руси освобожденной
Явится русскій гражданинъ.

И въ царствѣ знаній и свободы
Любовь и правда процвѣтутъ
И просвѣщенные народы
Намъ братски руку подадутъ.

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ!...
Что-жъ? — Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточъ дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ.*)
Пустое сердце бьется ровно —
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ.
И что за диво! Издалека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь онъ дерзко презиралъ
Чужой земли языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На чтб онъ руку поднималъ!

*) Варіантъ: „Навелъ ударъ, надежды нѣтъ“.

И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой, *)
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
За чѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный —
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей;
За чѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него,
И иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ —
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.
А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ —
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона
Предъ вами судъ, и правда — все молчи!
Но есть и божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судъ — онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.

---

*) Варіантъ: „Воспѣтый имъ съ такою страстной силой.“

Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

М. Лермонтовъ.

Невольникъ въ болотѣ.

(Лонгфелло.)

Въ проклятомъ болотѣ, въ трущобѣ лѣсной
Бѣжавшій невольникъ лежалъ.
Онъ видѣлъ — костеръ зажигали ночной;
Онъ слышалъ собакъ, за нимъ рыскавшихъ, вой,
И топотъ коней различалъ.

Гдѣ свѣтятся искры блудящихъ огней
Въ болотной травѣ, по кустамъ,
Гдѣ лѣпится мохъ у древесныхъ корней,
И лозы — всѣ въ пятнахъ, какъ кожа у змѣй —
Ползутъ по кедровымъ стволамъ —

Куда человѣкъ заглянуть бы не смѣлъ,
Гдѣ въ зыбкой трясинѣ кругомъ
Увлаженный дернъ подъ ногами скрипѣлъ,
Въ колючей и вязкой травѣ онъ засѣлъ,
Какъ звѣрь въ логовищѣ своемъ.

Несчастный старикъ, истомленный, больной:
Лицо все въ глубокихъ рубцахъ,
Какъ въ клеймахъ позорныхъ. Одеждой худой
Не могъ онъ прикрыть и позоръ свой другой —
Слѣды отъ бича на плечахъ.

Свѣтло и прекрасно на свѣтѣ всему,
Свобода и радость есть всѣмъ!
Вотъ векша скакнула, вотъ въ сонную тьму
Пѣснь вольная птицъ донеслася къ нему.
А онъ неподвиженъ и нѣмъ!

Разсвѣта не видѣлъ онъ въ жизненной мглѣ,
Въ неволѣ, въ цѣпяхъ, подъ бичомъ...
Какъ Каинъ, проклятье онъ несъ на челѣ,
Безвыходнымъ рабствомъ придавленъ къ землѣ,
Какъ колосъ тяжелымъ цѣпомъ!

М. Л. Михайловъ.

Одичалый.

(А. Бестужеву.)

Я прежде говорилъ: прости!
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вилися на пути
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь прости... Всему конецъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Уже-ль еще я человѣкъ?
Нѣтъ!... Да — для чувства лишь мученій,
Во мнѣ ли оттискъ божества?
Творецъ всѣхъ благъ! уже-ль ихъ два?...
Могу-ль его назваться сыномъ?...
Вотъ тамъ туманъ густой вдали
И буря тучами играетъ —
Вода одна и нѣтъ земли;
Маякъ пустынный угасаетъ!

Борьба стихій, тамъ вѣчный ледъ,
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ!
И тамъ уму въ тюрьмѣ тюрьму
Придумалось устроить!
Тамъ пушекъ рядъ, тамъ ихъ снарядъ,
При каждомъ входѣ часовые;
Кругомъ шумитъ, кругомъ крутитъ
Борей власы свои сѣдые.
Куда пойти? Къ кому придти
Безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и проходящихъ!
Все это тамъ, друзья, для васъ
На небывалый сонъ походитъ;
Все это здѣсь, друзья, для насъ!
И взоръ потухнувшій находитъ:
Одни желѣза на дверяхъ,
Слѣды страданій на стѣнахъ,
Пространство нѣсколькихъ шаговъ.
Живой въ гробу, кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья!
Вотъ тамъ волной земли густой
Кусокъ вода струей отмыла;
Тамъ глушь, полынь; тамъ лѣсъ густой,
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится!
Кто любитъ — не придетъ туда!
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда,
Его могильщикъ позабудетъ...
Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели,
Крылами нетопырь шумитъ:
Вотъ пѣснь кругомъ сырой могилы.

Отвѣтъ Аксакову.

(На стихотвореніе: „Петръ Великій“.)

Священной памяти владыки
Да не касается укоръ!
Съ своей отчизны снялъ Великій
Застоя вѣчнаго позоръ.

Но освѣтя ее наукой,
Ея онъ жизни не давилъ;
Ему князь Яковъ Долгорукій
Безъ страха правду говорилъ.

Пусть, ненавидя зло былое,
Себѣ избралъ онъ путь иной;
Но отвергая отжилое,
Странѣ своей онъ былъ родной.

Но въ разрушеньи созидал,
Онъ велъ насъ къ благу одному
И завѣщалъ онъ, умирая,
Свой подвигъ дому своему.

Его-ль вина, что завѣщанье
Не въ силу мудраго сынамъ
И тяжела, какъ наказанье,
Ихъ власть покорнымъ племенамъ.

Что своротя съ дороги правой,
И отрѣкаясь отъ добра,
Они прикрылися лукаво
Великимъ именемъ Петра.

И сталъ имъ чуждъ народъ имъ данный,
Они ему закрыли слухъ,
Ни русскій въ нихъ, ни чужестранный,
Ни новый, ни старинный духъ.

О нѣтъ! упадшая глубоко,
Родная наша сторона
Духъ раболѣпнаго Востока
Безмолвно зрѣть осуждена.

Но пустъ дней нашихъ Вальтасары
Кончаютъ грѣшный пиръ, пока
Слова, исполненныя кары,
Напишетъ грозная рука.

Дмитріевъ.

Отвѣтъ.

(На стихи „Михайлову“ и „Узнику“.)

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать,
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ.

М. Л. Михайловъ.

Отрывокъ изъ посланія
къ Н... Н...

Не тамъ гдѣ громко, многолюдно,
Гдѣ блещетъ блескъ и шумъ шумитъ,
Гдѣ такъ великолѣпно-чудно,
Гдѣ все незыблемымъ глядитъ,
Гдѣ горделиво тяготѣетъ
Полутора-столѣтній плѣнъ,
Не тамъ и не оттуда вѣетъ
Духъ новыхъ, будущихъ временъ!
То ночь горящая огнями,
При звукѣ непристойныхъ лиръ,

И солнца первыми лучами
Сей пышный постыдится пиръ.
Но тамъ гдѣ тихо слышно слово,
Гдѣ нѣтъ ни коней, ни мечей,
Тамъ возрастаетъ сѣмя ново,
Залогъ иныхъ грядущихъ дней;
Но тамъ, гдѣ ветхая лачуга,
Гдѣ честный обитаетъ трудъ,
Гдѣ сталь косы, серпа и плуга,
Гдѣ пѣсни старыя поютъ,
Куда не вкралася измѣна
И не вошли ея дары;
Гдѣ только цѣпь чужаго плѣна,
А не богатство и пиры.
Оттуда духъ грядущей жизни
Возникнетъ, полный силъ младыхъ,
Подастъ свободу вновь отчизны,
И разорветъ оковы ихъ.
Среди насмѣшки и сомнѣнья
Благое дѣло возстаетъ,
И поколѣнье поколѣнью
Свой славный трудъ передаетъ.
И чувство въ насъ проснулось снова,
И древній голосъ слышенъ вновь,
Произнеслось живое слово;
Измѣну побѣдитъ любовь.
Спадаетъ съ каждымъ часомъ болѣ
Съ очей густая пелена,
И богатырь выходитъ въ поле,
Отъ долгаго очнувшись сна.
И жизнь и трудъ и умъ народа
Стрясаютъ цѣпь и долгій плѣнъ
И улыбается свобода
Былыхъ, но памятныхъ временъ.
Быть можетъ время не далече,
Когда принявъ свой мощный видъ,
Какъ море заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ.

И ты-ль предъ добрымъ начинаньемъ,
Боясь насмѣшки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьямъ,
Теряя юные года?
Не бойся полюбить сверхъ мѣры;
Ты молодъ, надо не робѣть,
Принять и трудъ, и силу вѣры
И въ добромъ дѣлѣ не слабѣть!
. . . . . .
. . . . . .

К. Аксаковъ.

Отрывки изъ эпико-сатирической поэмы Л . . . .

Въ минувшіе былые годы,
Въ часы досуга и свободы,
Бывало муза посѣщала
Студентскій скромный уголокъ.
И вдохновенье прилетало,
И лился чувствъ моихъ потокъ.
Уже давно покинулъ я,
Мои любезные друзья,
Дары поэзіи святой,
„Разнообразной и живой.“
Но вспоминанье прежнихъ дней,
Безпечной жизни и затѣй,
Надеждъ несбыточныхъ, нѣмыхъ,
Таинственной моей мечты,
И звукъ пѣсней удалыхъ,
И образъ дивной красоты
Волнуютъ душу и порой
Сжимаютъ грудь мою тоской.

Но вотъ святое вдохновенье
Опять привѣтствуетъ меня,
И лира грѣшная моя
Поётъ любовь и упоенье.
Но не воскреснутъ уже вновь —
И жизнь надеждою полна,
И такъ какъ Днѣпровская волна
Мятежно-бурная любовь!

Пѣснь I.

Насъ займутъ сперва дѣвицы,
Всѣ красавицы сестрицы.

Ю.. старшая сестрица....
Что за рѣдкая дѣвица!
Скромна, тиха и молчалива,
Меланхолична, не злослива,
Всегда задумавшись сидитъ
И холодно на свѣтъ глядитъ;
Ее ничто не занимаетъ,
Она ни терпитъ, ни страдаетъ,
И чувствамъ дѣвы молодой
Любви высокія мечтанья
Невѣдомы. Ея желанья —
Послушной быть себѣ самой.
Когда-жъ душа ея проснется,
Взволнуютъ молодую кровь,
Тогда нисходитъ вдохновенье
На душу Ю.. порой,
И музыки волшебной пѣнье —
Голосъ поэзій святой —
Наполнятъ чувства молодыя,
И звуки нѣжные, живые,
Какъ будто райскіе напѣвы,
Исходятъ изъ подъ перстовъ дѣвы.

Ея средняя сестрица
Раскрасавица дѣвица;
Словно Грековъ Мельпомена
Моя дивная Е...а.
Лѣтъ четырнадцать не болѣ
Была Леночка въ неволѣ;
Но съ пятнадцати ужъ лѣтъ,
На лицѣ прелестный цвѣтъ
Сталъ прелестнѣе и болѣ;
На шестнадцатомъ году
Въ платьѣ пышно нарядилась
Въ модный свѣтъ она пустилась
И теперь въ большомъ ходу.

Адвокаты и артисты,
И педанты, моралисты,
Всѣ танцоры записные,
Старики и молодые,
Повергаются передъ ней,
Раскрасавицей моей.
Генеральшихъ адъютанты
И паркетные всѣ франты,
Судья, прокуроръ, ассесоръ,
Ея давнишній профессоръ,
Пограничные чины,
Капитаны и маіоры —
Ею всѣ восхищены —
Какъ сіяніемъ авроры.
Въ самомъ дѣлѣ, что за диво,
Что за чудо красоты!...
Она будитъ молчаливо
Восторженныя мечты:
Глаза томно-голубыя,
Брови черны какъ смола,
Кудры дивно завитыя
Вѣютъ пламенемъ съ чела,
Голосъ звученъ, словно лира,
Граціозенъ гибкій станъ....

Житель райскаго ты міра!
Ты волшебный талисманъ!
Жгучій взглядъ волнуетъ кровь,
Всѣхъ восторженныхъ сердецъ.....
Но кому-жъ сплететъ вѣнецъ
Твоя нѣжная любовь?

С.. третьяя сестрица,
Также милая дѣвица;
Хоть шестнадцать ей ужъ лѣтъ,
Носитъ дѣтскій туалетъ;
Всѣ ея заботы въ этомъ,
Чтобы съ дѣтскимъ туалетомъ
Поскорѣе ей проститься,
Въ платьѣ модно нарядиться
И на балъ предстать потомъ
„Въ блескѣ новомъ и живомъ.“
А четвертая сестрица
Будетъ также фатъ-дѣвица,
И теперь уже кокетство
Занимаетъ малолѣтство.
А что-жъ будетъ, когда свѣтъ
Скажетъ: „ей шестнадцать лѣтъ.“

Все тихо въ Н..., вечеръ ясный,
Вотъ растворяется балконъ,
И лиры голосъ сладострастный,
Рояля сладкозвучный звонъ
По рынку громко раздается,
То трелью громкой разольется,
То тихимъ тономъ замираетъ
И въ сводахъ зданій исчезаетъ.
Лишь только смолкнетъ дивный тонъ,
Выходятъ Нимфы на балконъ,
Сначала все обозрѣваютъ,
Порой смѣются и вздыхаютъ,
И бьются юныя сердца.....
На зовъ суроваго отца

Балконъ Сильфиды затворяютъ,
Прощальный взоръ вокругъ бросаютъ
И къ ужину за столъ спѣшатъ
И чинно рядомъ тамъ сидятъ.
Потомъ съ отцемъ своимъ простясь,
Смиренно Богу помолясь,
Въ объятія спѣшатъ къ Морфею
И предлагаютъ чародѣю
Свои невинныя мечты
И прелесть дивной красоты.

Мѣшая съ былью небылицы,
Мои прекрасныя дѣвицы,
Позвольте, попрошу я васъ,
Летѣть мнѣ съ вами на Парнассъ,
Въ мои студенческіе годы.....
Въ часы карманной непогоды
Любилъ я страстно милыхъ дѣвъ,
Ихъ гармоническій напѣвъ,
Ихъ взглядъ и быстрый, и живой —
И грудь роскошную порой
Любилъ я страстно цѣловать
И къ груди нѣжно прижимать!
И модной дамы разговоръ
Любилъ на балѣ слушать я,
Но пламенный нерѣдко взоръ
Сжигалъ безжалостно меня....
Но голосъ лиры былъ звучнѣй,
Когда въ тиши деревъ прохладныхъ,
Въ тиши безоблачныхъ ночей,
Среди восторговъ сладострастныхъ
Свисталъ и щелкалъ соловей.
Онъ пѣлъ любовь и упоенье,
И нѣжной страсти наслажденье.
Теперь не то, мои друзья!
Любовью пылкою своей
Ужъ погубилъ здоровье я,
И долженъ съ юностью моей

На цѣлый вѣкъ уже проститься
И въ кельи мирной поселиться,
Да юношей иныхъ учить,
Какъ имъ здоровье сохранить.

Пѣснь II.

Съ боязнью тайною моей
Хочу взглянуть я на звѣрей:
Здѣсь Левъ и Тигръ и Мишка мой,
И страшный ревъ и дикій вой.

Вотъ онъ и левъ и Адонисъ,
Поклонникъ ревностный актрисъ
И настоящій джентельменъ,
Любитель страстный Мельпоменъ.
В.. Донъ-Кихотъ и франтъ,
Паркетный рыцарь и педантъ,
И денди модный, наконецъ
Гроза чувствительныхъ сердецъ.
Увѣренный что очень милъ,
Приходитъ въ залу денди мой;
Какъ Юлій Цезарь нашъ герой,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ....
Ему и это не бѣда,
Что на главѣ блеститъ звѣзда,
Чело героя украшаетъ
И свѣтлой лысиной сіяетъ.
Съ улыбкой дѣвы замѣчали,
Одна другой о томъ шептали,
Потомъ привыкли наконецъ
Смотрѣть на радужный вѣнецъ.

Теперь во слѣдъ за нашимъ Львомъ
Мы также Тигра воспоемъ....
Въ нашъ меркантильный жалкій вѣкъ
Чего не творитъ человѣкъ!
Законы міра открываетъ,

Изслѣдуетъ судьбы людей
И дикость ярую звѣрей
Наукой мудрой укрощаетъ.
Но Тигръ, котораго поемъ —
Ручной и тихій и смиренный,
И носитъ онъ мундиръ военный,
И мишура блеститъ на нёмъ.
Сначала Тигръ по вечерамъ
Не очень тѣшилъ нашихъ дамъ,
Въ скромномъ мѣстѣ засѣдалъ,
Ревнивый взоръ на дѣвъ бросалъ.
Однакожъ скроменъ, не болтливъ,
Краснорѣчиво-молчаливъ,
Онъ такъ себя искусно велъ,
Что уваженье пріобрѣлъ
На балѣ дамъ и всѣхъ дѣвицъ,
Чувствительныхъ и пѣжныхъ лицъ.
Но похвала ему и честь,
Что онъ сердца восхитить могъ
Искуствомъ длинныхъ своихъ ногъ,
Вѣнецъ паркетный пріобрѣсть
И общій дамскій приговоръ,
Что онъ единственный танцоръ.
Но нынче Тигръ нашъ уже левъ;
Лепечетъ громко на распѣвъ,
По ложамъ ходитъ здѣсь и тамъ
И очаровываетъ дамъ.....

Въ теперѣшней моей бесѣдѣ
Мы нѣчто скажемъ о медвѣдѣ,
Но прежде чѣмъ начнемъ тревогу,
Заглянемъ мы въ его берлогу.
Между людьми привыкъ онъ жить
И съ ними ѣсть, и съ ними пить.
Давно ручной онъ — не цѣпной,
И не женатый — холостой;
Цѣпь не нужна ему ужъ болѣ,
И ходитъ онъ себѣ по волѣ.

Вездѣ бываетъ по домамъ
И принятъ въ кругѣ милыхъ дамъ.
Медвѣдя нашего безъ мѣры
Терзали злые прежде звѣри,
И отъ того медвѣдь ручной
Безсильный, слабый и больной.
Къ тому-жъ медвѣдь родился человѣкомъ
И слѣдуя за свѣтомъ и за вѣкомъ,
По человѣчески онъ жизнью рисковалъ,
Пока и хилъ — и слабъ и немощенъ онъ сталъ.
И по медвѣжьему тогда онъ началъ жить,
И наставлять дѣтей, да юношей учить.
По утру лишь медвѣдь проснется,
Вдругъ колокольчикъ раздается,
Крехтитъ онъ, охаетъ, вздыхаетъ,
Медвѣжью шубу надѣваетъ,
Всегда суровымъ и угрюмымъ
Спѣшитъ къ своимъ питомцамъ юнымъ,
Чтобъ ихъ добру понаучить,
Какъ нужно добрымъ въ свѣтѣ жить.
Вотъ Мишенька нерѣдко мой,
Разочарованный герой,
Въ воспоминанье прежнихъ лѣтъ,
Идётъ во фракѣ на паркетъ,
А чтобы интереснымъ быть,
Велитъ и волосы завыть.
Медвѣдь танцуетъ контраданса
Пускается плясать и вальса,
Не поворотливъ и тяжелъ,
Въ мазуркѣ тащится, какъ волъ.
Бываетъ время, иногда
Играетъ въ обществѣ шута
И корчитъ записнаго франта,
Сюртукъ надѣвши адъютанта.
Съ искусствомъ опытнѣйшей няньки
Попалъ было разъ прямо въ няньки,
А если далѣй такъ пойдетъ,
То въ акушерки попадетъ.

Порою тянется во львы,
И въ тигры лѣзетъ, но увы!
Топорщится, пыхтитъ, потѣетъ,
А тамъ и стонетъ и болѣетъ —
И медленно домой тащится,
И охая въ постель ложится.
Къ тому же Мишка стихоплетъ,
Пѣвецъ свирѣпѣйшихъ звѣрей,
Сатиру пишетъ на людей
И какъ пѣтухъ притомъ поетъ.

Кому судьбой въ удѣлъ данъ
Медвѣжій складъ и нравъ и санъ,
За Львомъ и Тигромъ не гонись,
Въ берлогѣ мирно поселись,
Ложись на мягкую канапу,
Да высысай медвѣжью лапу,
И на лисицъ заманчивую кличь
Лишь по медвѣжьему мурлычь.

Пѣснь III. (К. Д.)

. . . . . .

Сидитъ семья вся за столомъ,
И гость знакомый входитъ въ домъ;
Княгиня разливаетъ чай;
На ухо матери своей
Ей дочка шепчетъ: „мама, дай
Мнѣ хлѣба съ масломъ поскорѣй!“
Княгиня дочь свою ласкаетъ,
Ее цѣлуетъ, обнимаетъ.
„Моя Сашурка!“ тихо скажетъ
И масломъ булку ей намажетъ,
Собачку малую любя,
Она за бороду щипнётъ,
Потомъ прогонитъ отъ себя
И съ гостемъ разговоръ начнётъ
О томъ, что видѣлъ и гдѣ былъ,

Что въ модномъ свѣтѣ говорятъ,
О комъ толкуютъ и твердятъ
И кто кому не милъ иль милъ.
У Князя вѣчныя заботы:
Фельдвебель входитъ и выходитъ,
Съ собою писаря приводитъ,
А съ нимъ и новыя хлопоты,
Толкуетъ Князь съ нимъ въ кабинетѣ —
Сердится, иногда кричитъ,
И забывая все на свѣтѣ,
О службѣ Царской говоритъ:
Что долженъ быть во всемъ порядокъ,
Во всемъ довольство и достатокъ
Для всей прислуги и больныхъ,
Чтобъ облегчить страданье ихъ.
Среди заботъ о госпиталѣ,
Княгиня думаетъ о балѣ,
Какой ей лучше туалетъ,
Какъ нужно затянуть корсетъ,
Какъ дологъ будетъ карнавалъ,
Когда начнется первый балъ —
И какъ теперь en société
По модѣ носятъ décolté?
А между тѣмъ, напившись чаю,
Княгиня вотъ идетъ къ роялю,
И голосъ нѣжный и живой
Звучитъ гармоніей родной,
И все пріятнѣй, все нѣжнѣй:
„Ты соловей мой, соловей!“

А тамъ не много посердясь,
Изъ кабинета входитъ Князь,
Садится важно на диванъ,
Беретъ онъ въ руки барабанъ,
Свиститъ, играетъ и поетъ
И въ барабанъ искусно бьетъ....
Давно бы Князю ужъ пора
Служить поближе у Двора,

Чтобъ тамъ талантъ свой показать —
Въ Оберъ-Штальмейстеры попасть.

Но вотъ вамъ Кяхтинскій красавицъ,
Пріятный, ловкій, какъ Китаецъ,
Какъ настоящій мандаринъ,
Хотя на немъ и Русскій чинъ.
Онъ одинокій, какъ монахъ,
Восточной жизни предавался
И при таинственныхъ дѣлахъ
Въ сѣть женскую, какъ звѣрь, попался.
Его связалъ ярмомъ цѣпей
Самъ богъ союза, Гименей.
Послушайте моихъ рѣчей:
Кто хочетъ звѣрика поймать,
Такъ долженъ сѣти разставлять.
Вотъ вамъ послѣдствія сѣтей:
Его любезная жена
Сначала мило съ нимъ шутила
И въ угодность она
Съ нимъ по Китайски говорила.
Родною рѣчью восторженъ,
Китаецъ былъ полувлюбленъ,
Она-жъ шутить не переставала
Съ нимъ Гоголя вдвоемъ читала,
Читала „горе отъ ума,“
Китайца чтеньемъ восхищала
И восхищалася сама.
То о Москвѣ рѣчь заводила,
То проклинала свою скуку,
То часто жала ему руку,
То жизнь столичную хвалила.
Влюбился старый мандаринъ,
И жить не могъ уже одинъ.
И вотъ Китаецъ въ модномъ свѣтѣ
Съ ней неразлучно на паркетѣ,
Твердитъ о прелести Китая,
О сортахъ Кяхтинскаго чая.....

Вотъ музыки раздался хоръ,
Жужжитъ красавицъ въ залѣ рой,
И между будущей четой
Чуть слышенъ нѣжный разговоръ:
„Слыхали, въ свѣтѣ говорятъ
„О насъ, о томъ лишь и твердятъ,
„Что есть ужъ что-то между нами,
„Что я танцую вѣчно съ вами,
„И что, мужчина холостой,
„Вы заняты лишь мной одной.“
Вспылилъ, какъ звѣрь, нашъ мандаринъ:
„Совѣтникъ Статскій хоть мой чинъ,
„Скажите кто, клянусь, я самъ
„Тому публично въ рожу дамъ.“
(Имѣй читатель снисхожденье,
Прости Китайцу выраженье)!
И крѣпко сжалъ онъ свой кулакъ,
И былъ смѣшенъ герой-чудакъ,
Но гнѣвъ свирѣпый отложилъ,
Онъ тутъ же руку предложилъ,
И приговоръ судьбы свершился:
Вотъ какъ Китаецъ нашъ женился.

Пѣснь IV.

Я пѣснь, друзья, спою
Про прежнюю любовь мою.
Блестящая моя комета,
Уже давно сошедшая съ паркета,
Заѣхала въ моё чувствительное сердце,
Пустивъ стрѣлу, надушенную перцемъ,
Съ кокетствомъ настоящей львицы,
Разочарованной уже дѣвицы,
Заѣхала, какъ въ постоялый домъ,
Гдѣ былъ Гомора и Содомъ.
И что-жъ тамъ милая нашла?
Покой безъ оконъ, безъ дверей, совсѣмъ холодный,
Обѣда вовсе не было, а ужинъ былъ голодный.

Озлилася красавица моя:
Холодная, голодная съ квартиры вдругъ сошла.
Но въ чемъ же тутъ виновенъ я?
Что крови теплой капли во мнѣ нѣтъ,
Что не ношу мишурныхъ эполетъ,
Что нѣтъ на мнѣ военнаго мундира,
Что я жилецъ не люднаго ужъ міра,
Что я, какъ настоящая матрена,
Теперь уже ни пава, ни ворона,
Что наконецъ ни черный фракъ мой, ни жилетъ,
Давно стариннаго покрою,
Плѣнить не могутъ модный свѣтъ,
Съ его волшебною красою —
Что не родился я отъявленнымъ танцоромъ
И франтомъ записнымъ и модникомъ волтижеромъ.
Спокойный совѣстью, я все ей предлагалъ,
Но пламенной любви ни алкалъ, ни желалъ.
Но вотъ прекрасная волшебница моя,
Не внемля голосу любви гнилой натуры,
Рѣшилась наказать жестокостью меня,
И приняла въ совѣтъ къ себѣ двѣ дуры,

И говоритъ одна:
„Послушй, кумушка, ты отомстить должи ,
„Возьми ты крѣпче его въ руки,
„И пусть онъ испытаетъ муки.“
. . . . . .
Въ глазахъ моихъ все потемнѣло,
И шуба съ плечъ тотъ часъ слетѣла.
Но я скорѣй, схвативши палку,
Оставивъ шубу тамъ и шапку,
Какъ Фока отъ ухи безъ памяти домой,
И съ той поры къ любезной ни ногой.
О бойтеся, друзья, отцвѣтшихъ дѣвъ;
Ихъ страшна месть, ужасенъ гнѣвъ.
Съ меня примѣръ вы не берите,
И поздно вечеромъ зимой

Вы къ старой дѣвѣ не ходите:
Безъ шубы отъ нея воротитесь домой.

* * *

Вотъ вамъ, прекрасный мой читатель
И первый другъ мой и пріятель,
Маіоръ въ отставкѣ и вдовецъ
И юныхъ дѣвъ великій жрецъ,
Лихимъ корнетомъ онъ служилъ,
Игралъ и какъ гусаръ кутилъ.
Потомъ онъ выгодно женился,
Въ стражъ пограничную вступилъ,
Здѣсь онъ жены своей лишился
И такъ, какъ прежде, закутилъ.
Но вотъ раздался громъ войны,
И всѣ отечества сыны
Летятъ орломъ въ кровавый бой;
Но пограничный нашъ герой,
Забывъ гусарскую отвагу,
Вложилъ въ рожны свою онъ шпагу.
„Теперь я мирной уже житель,
„Да пола нѣжнаго любитель!“
При этомъ закрутилъ онъ усъ
И молвилъ тихо про себя:
„Хоть и теперь еще не трусъ,
„Но обойдутся безъ меня.“
И вотъ въ отставку вышелъ онъ,
Нашъ распрекрасный Н.....
И въ свѣтѣ Л..... большемъ
Слынетъ онъ модынымъ женихомъ.
Его изящный туалетъ
На нёмъ изысканно сидитъ —
Всегда онъ веселъ, какъ корнетъ;
Хоть сорокъ съ слишкомъ ему лѣтъ,
Но онъ на дѣвушекъ глядитъ
Невиннымъ юношей порой,
И мыслитъ часто объ одной.....

. . . . . .
. . . . . .

По модѣ щеголемъ одѣтъ
Гусарскій бывшій нашъ корнетъ,
Идетъ въ столовую къ обѣду
И начинаетъ тамъ бесѣду
Съ любимой братневой женой,
О скукѣ жизни холостой.
Нерѣдко оставной маіоръ
Заводитъ и серьезный споръ:
Сердится, мечется, кричитъ
И въ комнату свою бѣжитъ,
Но вскорѣ гнѣвъ свой укрощаетъ,
Лишь о Сильфидѣ возмечтаетъ.
Тогда маіоръ нашъ отставной,
Съ отвагой пылкой и живой,
Летитъ на вечеръ танцовальный.
Вотъ входитъ въ залъ нашъ рыцарь бальный,
Свой поправляя туалетъ.
Онъ видитъ здѣсь весь модный свѣтъ —
Къ знакомымъ дамамъ онъ подходитъ,
Держа въ рукѣ букетъ цвѣтовъ,
И нѣжный разговоръ заводитъ,
Одинъ изъ модныхъ жениховъ.....
Но звукъ оркестра раздается,
И витязь въ вальсѣ ужъ несется;
Летитъ онъ съ легкостью Амура
И сдѣлавши одинъ, два тура,
Сильфиду нѣжно онъ сажаетъ
И потъ платкомъ съ чела стираетъ.
Потомъ нашъ нѣжный Купидонъ
Красой Психеи пораженъ,
Легокъ, воздушенъ, какъ зефиръ,
Опять летитъ въ волшебный міръ,
„Благодарю Васъ“ говоритъ,
И въ преферансъ за столъ спѣшитъ.

П. П...

Отступникъ.

(Посвящено гр. Р . . . . . й.)

Теперь идетъ существованье
Съ однообразіемъ волны...
Но мигъ случайный, намеканье —
И будитъ вновь воспоминанье
Давно утраченные сны.
Такъ звукъ внезапный воскрешаетъ
Всю пѣснь забытую — и вотъ
Знакомый голосъ оживаетъ,
Знакомый образъ возстаетъ;
Изъ за тумановъ ночи мрачной
Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
Облечена въ полу-прозрачный,
Полу-задумчивый разсвѣтъ.
Все это только родъ вступленья,
Чтобы сказать, что какъ то разъ,
Тревожа тѣни изъ забвенья,
Случайно вспомнилъ я о васъ.
Воскресло въ памяти унылой
То время свѣтлое, когда
Вы жили барышнею милой
Въ Москвѣ, у чистаго пруда.
Мы были въ той порѣ счастливой,
Гдѣ юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вѣра въ будущность жива.
Дворомъ широкимъ проѣзжая,
Къ крыльцу невольно торопясь,
Скакалъ, бывало, я — мечтая
Увижу-ль васъ, увижу-ль васъ!
Я помню... (годы миновали!)...
Вы были чудно хороши,
Черты лица у васъ дышали
Всей юной прелестью души.

Въ тѣ дни, когда неугомонно
Искало сердце жаркихъ словъ,
Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ.
Не помню — слогъ стихотвореній
Хорошъ-ли, не хорошъ-ли былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ наитьемъ освятилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Ихъ прахъ казненный, но святой.
Листы тетради той завѣтной
Я перечитывалъ не разъ,
И снился мнѣ вашъ ликъ привѣтный,
И блескъ, и живость черныхъ глазъ.
Промчалась, полная невзгоды,
Отъ васъ далеко жизнь моя;
Вашъ милый образъ въ эти годы
Какъ бы въ туманѣ помнилъ я.
И какъ то случай свелъ насъ снова
Въ порѣ печальной зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ;
Но вы какому то французу
Свободу поносили вслухъ,
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали,
И я былъ радъ: я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали
И васъ глубоко презиралъ.
Скажите — въ этотъ вечеръ скучной,
Когда вернулись вы домой,
Уже-ль могли вы равнодушно
На ложѣ сна найти покой?
Въ тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужасъ навѣвая,

Вамъ не шептала ли укоръ,
Что вы отступница святыни,
Что вы съ корыстью рабыни
Свой голосъ продали за вздоръ!
Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я разквитался-бъ эпиграммой;
Но передъ вами смѣхъ молчитъ
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
Въ измѣнѣ вѣтреной своей —
У молодаго поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей.
Давно разстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь — вамъ быть можетъ міру
Сказать удастся стихъ иной —
Не тотъ напыщенный, жеманный,
Гдѣ дышетъ холодъ, вѣетъ тьма,
Гдѣ все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тотъ, который, слухъ лаская,
Звучалъ вамъ въ трепетной тиши
Въ тѣ дни — когда вы, разцвѣтая,
Такъ были чудно хороши.
Не бойтесь снять съ себя личину
И обвинить себя самихъ:
Христосъ Марію Магдалину
Поставилъ выше всѣхъ святыхъ!
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать —
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
Я-бъ и Клейнмихелю простилъ,

Когда-бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

Н. Огаревъ.

„Отъ слезъ и крови мутны."

(Красинскій.)

Отъ слезъ и крови мутны и черны,
Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
И скрежетомъ зубовъ оглашены.
Въ туманѣ похоронномъ
Безплодный берегъ прошлаго исчезъ;
А впереди далекій край небесъ
Кровавымъ заревомъ пылаетъ.
Вокругъ плывущихъ мракъ сырой,
Знобитъ ихъ стужа — и съ тоской
И воплемъ каждый повторяетъ,
Плывя во тьмѣ: „Проклятье надо мной!"

М. А. Михайловъ.

Памяти Добролюбова.

Вѣчный врагъ всего живаго,
Тупоуменъ дикъ и золъ,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволъ.

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба;
Раздвигайся ты кладбище —
Принимай гроба!

Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ... А мы стоимъ
Средь могилъ и ... „власть господня“
Какъ рабы твердимъ.

Вотъ и твой смолкъ голосъ честный
И смежился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолкъ, но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ —
Что-жъ молчитъ въ васъ, братья злоба?
Что любовь молчитъ?

Иль въ любви у васъ лишь слезы
Есть для вашихъ кровныхъ бѣдъ?
Или силъ и для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?

Братья, пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!

Мы стоимъ, не слыша зова —
И ликуя, звѣрски золъ,
Тризну мысли, тризну слова
Иравитъ произволъ.

Пародія.

По снѣжнымъ сугробамъ Петровки,
Чуть свѣтъ заблеститъ въ фонаряхъ,
Плетеныя санки несутся,
Несутся на полныхъ рысяхъ.

Скрестивши замерзшія руки,
Подъ краденой шубой, на грудь,
Въ тѣхъ санкахъ сидитъ полицмейстеръ,
Главу опустивши на грудь.

И онъ, у подъѣзда театра,
Изъ санокъ является вдругъ,
На немъ треугольная шляпа
И форменный старый сюртукъ.

Скрестивши замерзшія руки,
Онъ ходитъ и взадъ и впередъ,
И квартусовъ громко онъ кличетъ,
И бутарей громко зовётъ.

Но квартусы зова не слышатъ,
Одни ужъ съ прохожимъ въ бою,
Другіе забыли въ трактирѣ,
И шляпу и шпагу свою.

Пародія.

(Воронъ къ ворону летитъ.)

Норовъ къ Борову летитъ,
Боровъ Норову кричитъ:
„Норовъ, какъ бы намъ уладить,
Просвѣщеніе спровадить.“
Норовъ Борову въ отвѣтъ:
— „Дѣла тутъ большаго нѣтъ:
Стоитъ лекціи оставить
И студентовъ въ строй поставить.“ —
Книги всѣ лежатъ въ пыли,
Книги мохомъ поросли,
Нѣтъ науки, свѣта нѣтъ,
Умеръ университетъ.
Кѣмъ убитъ и отъ чего,
Знаетъ Фицтумъ лишь про то,
Знаетъ Пушкинъ, знаетъ Норовъ,
Да Россія, да самъ Боровъ.
Норовъ каску ушъ надѣлъ,
Боровъ міромъ завладѣлъ;
А Россія ждетъ инаго,
Свѣта яснаго, живаго — —

Переложеніе 81-го псалма.

Возстанетъ Богъ и гласъ громовъ
Безстрашныхъ трепетать принудитъ,
Онъ снидетъ въ сонмъ земныхъ Боговъ
И каждаго дѣла разсудитъ!
Могучіе! сей близокъ часъ!
Ужъ пламенникъ любви погасъ,

Померкли міра дни златые,
Готовъ Архангелъ вострубить.
Страшитесь время пробудить
Глаголомъ правды души злыя.

Богъ ввѣрилъ вамъ судить людей,
Стеречь ихъ собственность, свободу —
А вы подъ лаврами царей
Врагами стали смертныхъ роду;
Закономъ сдѣлавши обманъ,
Употребивши средствомъ санъ,
Поставивъ цѣлью самовластье,
Осмѣлившись присвоить громъ,
Назвавшись міра Божествомъ —
И рушили вы смертныхъ счастье.

Пріявши власть добро творить,
Возможность защищать гонимыхъ,
Безъ страха правду говорить,
Не зрѣть на лицы подсудимыхъ —
Вы все творите напротивъ!
И совѣсть лестью усыпивъ,
Среди утѣхъ, пировъ блестящихъ,
Не слышите стенящихъ вдовъ,
Поющихъ истину пѣвцовъ
И нищихъ, подъ окномъ просящихъ! —

Вы боги — а несчастныхъ стонъ
Царю царей на васъ доноситъ;
Корыстью скованный законъ
Отмщенья вамъ всечасно проситъ.
Вы судіи — а правду ложь,
Какъ жертвенный двуострый ножъ,
Нещадно рѣжетъ днемъ и ночью.
Вы стражи — и богатыхъ власть,
Презрѣвъ чужой семьи напасть,
Безсильныхъ давитъ тяжкой мощью.

Еще ли Бога не боясь
Хотите правду гнать напрасно;
Народнымъ жалобамъ смѣясь,
Судить подобныхъ самовластно,
Законовъ разумъ превращать,
Суму у бѣдныхъ похищать,
Тѣснить защиты неимущихъ,
Невинность безъ вины винить,
Лицепріятіе хранить,
Щадить разбойниковъ могущихъ?

Еще ли отъ насильныхъ рукъ
Гонимаго не защитите,
Вдовамъ не облегчите мукъ,
Заслугамъ крова не дадите —
Еще ли обольстясь мечтой,
Для выгоды своей одной
Въ чужихъ слезахъ не взявъ участья,
Дерзнете рабство продолжить,
Рѣшитесь жертвовать, служить,
Какъ Богу, идоламъ пристрастья?

Судьи! услышьте правды гласъ!
Любимцы счастья — пробудитесь!
Вспомяньте грозный, смертный часъ
И властью срочной не гордитесь!
Престаньте ближнихъ презирать,
Неправосудьемъ раздирать
Святую хартію Завѣта —
Исправьте злобныя сердца,
Покуда медлитъ гнѣвъ Творца,
И день не наступилъ отвѣта,

Судите такъ, какъ судитъ Богъ:
Преслѣдуйте однѣ дѣянья!
Богатъ ли кто, или убогъ —
Не различайте состоянья.

Подайте руку какъ друзьямъ
Рабамъ, священникамъ, князьямъ!
Любите всѣхъ, чтобъ васъ любили,
Чтобъ Богъ за зло не воздалъ зломъ,
Не осудилъ васъ тѣмъ судомъ,
Какимъ и вы другихъ судили.

Не внемлютъ и вотще пѣвецъ
Укорный голосъ посылаетъ —
Жестокость каменныхъ сердецъ
Не чувствуетъ, не понимаетъ.
Ходя во тьмѣ пороковъ злыхъ,
Всѣ алчутъ почестей земныхъ,
Богатствъ, коронъ, боготворенья
Все также бѣдныхъ презрѣнъ стонъ,
Оставленъ Богъ, забытъ законъ,
И нѣтъ злодѣйству исправленья!

Раздвиньтесь пропасти земли!
Чертоги сильныхъ потряситесь!
И всѣ, что злотворить могли,
Низринътесь въ бездну и пожритесь!
Зря власть судей, я мыслить могъ,
Что каждой судія есть Богъ,
Что всѣ они безсмертны чада,
А вы!... подъ блестками вѣнцовъ,
Какъ и послѣдній изъ рабовъ.
Вы дѣти смерти, жертвы ада!

Возстань Богъ силъ! гряди судить
Судей, неправедно судящихъ!
Пора за правду отомстить,
Развѣять сонмы злотворящихъ!
Прерви, прерви терпѣнья срокъ!
Довольно царствовалъ порокъ,

Корысть свободой торговала,
Богатство притѣсняло честь,
Превозмогала правду лесть
И совѣсть долгъ свой забывала! —

Подвигнись въ грозныхъ облакахъ,
Шумящимъ пламенемъ промчися,
Ревущей бури на крылахъ
Съ небесъ гремящихъ опустися!
И зло достойно наказавъ,
Возстанови любви уставъ,
Содѣлай всѣхъ людей друзьями,
Всѣ вѣры слей въ одинъ законъ,
Всѣмъ царствамъ дай единый тронъ,
И царствуй міра надъ царями.

Собачій пиръ.

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день насталъ,
Когда гудѣлъ набатъ, и крупный дождь свинцовый
По улицамъ хлесталъ,
Когда Парижъ взревѣлъ, когда народъ воспрянулъ,
И малый сталъ великъ,
Конечно, не было тамъ видно ловко сшитыхъ
Мундировъ нашихъ дней — —
Тамъ дѣйствовалъ напоръ лохмотьями прикрытыхъ,
Запачканыхъ людей,
Чернь, грязною рукой, тамъ ружья заряжала
И закопченнымъ ртомъ,

Въ пороховомъ дыму, тамъ сволочь восклицала:
Е.... м...! Умремъ!
А эти баловни въ натянутыхъ перчаткахъ,
Съ батистовымъ бѣльемъ,
Женоподобные, въ корсетахъ, на подкладкахъ,
Тамъ были-ль подъ ружьемъ?
Нѣтъ! ихъ тамъ не было, когда все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та святая
Къ безсмертію неслась.
А тѣ господчики, боясь громовъ и блеску,
И слыша грозный ревъ,
Дрожали гдѣ нибудь вдали, за занавѣску,
На корточки присѣвъ.
Ихъ не было въ виду, ихъ не было въ поминѣ
Средь общей свалки тамъ,
Затѣмъ, что — видите-ль — свобода не графиня
И не изъ модныхъ дамъ,
Которыя, нося на истощенномъ ликѣ,
Румянъ карминныхъ слой,
Готовы въ обморокъ упасть при первомъ крикѣ,
Подъ первою пальбой.
Свобода — женщина съ упругой, мощной грудью,
Съ загаромъ на щекѣ,
Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудью,
Въ дымящейся рукѣ —
Свобода — женщина съ широкимъ, твердымъ шагомъ,
Со взоромъ огневымъ,
Подъ гордо вѣющимъ, по вѣтру краснымъ флагомъ,
Подъ дымомъ боевымъ;
И голосъ у нея, не женственный сопрано!
Ни жерлъ чугунныхъ рядъ,
Ни мѣдь колоколовъ, ни шкура барабана,
Его не заглушатъ.
Свобода — женщина; но въ сладострастьи щедромъ,
Избранникамъ вѣрна,
Могучихъ лишь однихъ, къ своимъ пріемлетъ нѣдрамъ,
Могучая жена.

Ей нравится плебей, окрѣпнувшій въ проклятьяхъ,
А не гнилая знать,
И въ свѣжей кровію дымящихся объятьяхъ
Ей любо трепетать.
Когда-то ярая, какъ бѣшеная дѣва,
Явилась вдругъ она,
Готовая дать плодъ отъ дѣвственнаго чрева,
Грядущая жена!
И гордо вдаль она, при кликахъ изступленья,
Свой простирала ходъ,
И цѣлыя пять лѣтъ, горячкой вождѣленья,
Сжигала весь народъ.
А послѣ кинулась вдругъ къ палкамъ, къ барабану,
И маркитанткой въ станъ
Къ двадцатилѣтнему явилась капитану:
„Здорово капитанъ!“
Да, это все она! она, съ отрадной рѣчью,
Являлась намъ въ стѣнахъ,
Избитыхъ ядрами, испятнаныхъ картечью,
Съ улыбкой на устахъ;
Она — огонь въ зрачкахъ, въ ланитахъ жизни краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нагота, трехцвѣтная повязка
Чрезъ голое плечо.
Она — въ трехдневный срокъ, французовъ жребій вынутъ!
Она — вѣнецъ долой!
Измята армія, тронъ скомканъ, опрокинутъ
Кремнемъ изъ мостовой!
И что-же? о позоръ! Парижъ, столь благородный
Въ кипѣньи гнѣвныхъ силъ,
Парижъ, гдѣ нѣкогда великій вихрь народный
Власть львиную сломилъ,
Парижъ, который весь гробницами уставленъ
Величій всѣхъ временъ,
Парижъ, гдѣ камень стѣнъ пальбою продырявленъ,
Какъ рубище знамёнъ —
Парижъ отъявленный сынъ хартій, прокламацій,
Отъ головы до ногъ

Обвитый лаврами, апостолъ въ дѣлѣ націй,
Народовъ полу-богъ,
Парижъ, что нѣкогда какъ свѣтлый куполъ храма
Всемирнаго блисталъ,
Сталъ нынѣ скопищемъ нечистоты и срама!
Помойной ямой сталъ,
Вертепомъ подлыхъ душъ, мѣстъ ищущихъ въ лакеи,
Паркетныхъ шаркуновъ,
Просящихъ нищенски для рабской ихъ ливреи
Мишурныхъ галуновъ,
Бродягъ, которые рвутъ Францію на части,
И сквозь щелчки, толчки,
Визжа, зубами рвутъ издохшей тронной власти
Кровавые клочки.
Такъ вепрь израненный, сраженный смертнымъ босмъ
Чуть дышетъ въ злой тоскѣ,
Покрытый язвами, палимый солнца зноемъ,
Простертый на пескѣ;
Кровавые глаза померкли; обезсиленъ —
Свирѣпый звѣрь поникъ,
Раскрытый зѣвъ его шипучей пѣной взмыленъ
И высунутъ языкъ;
Вдругъ рогъ охотничій пустыннаго простора
Всю площадь огласилъ
И спущенныхъ собакъ неистовая свора
Со всѣхъ рванулась силъ,
Завыли жадные, послѣдній песъ дворовый
Оскалилъ острый зубъ
И съ лаемъ ринулся на пиръ ему готовый,
На неподвижный трупъ.
Борзые, гончіе, лягавые, бульдоги:
Пойдемъ! — и всѣ пошли;
Нѣтъ вепря-короля! возвеселитесь боги!
Собаки-короли
Пойдемъ! свободны мы — насъ не удержатъ сѣтью,
Веревкой не скрутятъ,
Суровый старецъ насъ не пріударитъ плетью,
Не крикнетъ: „песъ! назадъ!“

За тѣ щелчки, толчки, хоть мертвому отплатимъ;
Коль не въ кровавый сокъ
Запустимъ морду мы, такъ падали ухватимъ,
Хоть нищенскій кусокъ!
Пойдемъ! и начали, изъ всей собачьей злости,
Трудиться, что есть силъ:
Тотъ песъ — щетины клокъ, другой обглодокъ кости
Клыками захватилъ,
И радъ бѣжать домой, вертя хвостомъ мохнатымъ.
Чадолюбивый песъ,
Ревнивой сукѣ въ даръ, и въ кормъ своимъ щенятамъ,
Хоть что нибудь принесъ,
И бросивъ, изъ своей окровавленной пасти,
Добычу, говоритъ:
„Вотъ, ѣшьте: эта кость — урывокъ царской власти.
Пируйте — вепрь убитъ.

Барьбе.

Подражаніе Беранже.

Однажды богъ, возставъ отъ сна,
Курилъ сигару у окна
И чтобъ заняться чѣмъ отъ скуки,
Трубу взялъ въ творческія руки;
Глядитъ и видитъ вдалекѣ
Земля вертится въ уголкѣ.
„Чтобъ для нея я двинулъ ногу,
Чортъ побери меня, ей богу!“

* * *

„О человѣки всѣхъ цвѣтовъ!“
Сказалъ, зѣвая, Саваоѳъ:
„Мнѣ самому смотрѣть забавно,
Какъ вами управляю славно.

Но бѣситъ лишь меня одно,
Я далъ вамъ дѣвокъ и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите другъ друга въ шеи
И славите потомъ меня
Подъ громъ картечнаго огня.
Я не люблю войны тревогу,
Чортъ побери меня, ей богу!
Межъ вами карлики-цари
Себѣ воздвигли алтари
И думаютъ они, буффоны,
Что я надѣлъ на нихъ короны
И право далъ душить людей.
Я въ томъ не виноватъ, ей, ей!
Но я уйму ихъ понемногу,
Чортъ побери меня, ей богу!

* * *

Попы мнѣ честь воздать хотятъ,
Мнѣ ладанъ подъ носомъ курятъ,
Стращатъ васъ свѣто-преставленьемъ
И ада грознаго мученьемъ.
Не слушайте вы ихъ вранья,
Отецъ всѣмъ добрымъ дѣтямъ я,
По смерти муки не стращитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но съ вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкаго*) боюсь!
Коль въ рай ему я дамъ дорогу,
Чортъ побери меня, ей богу."

Баронъ Дельвигъ.

---

*) С. Петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

Подражаніе Гете.

Ты знаешь ли страну, гдѣ ловятъ соболей,
Гдѣ вѣчный царствуетъ туманъ среди степей,
Гдѣ солнце блѣдное не грѣетъ, не печетъ,
Гдѣ только мохъ одинъ надъ тундрами ростетъ,
Ты знаешь ли ее? Пошёлъ, пошёлъ!
Богъ проклялъ ту страну изгнанія*) и золъ.

Ты знаешь ли страну бездонныхъ рудниковъ,
Гдѣ жизнь свою влачатъ ужъ нѣсколько вѣковъ
Подъ тяжестью кнута свободныя созданья,
Кляня мучителей въ послѣднемъ издыханьи,
Ты знаешь ли ее?... Пошёлъ, пошёлъ!
Богъ проклялъ ту страну изгнанія и золъ!...

Ты знаешь ли царя? Угрюмо онъ царитъ,
Кровавымъ золотомъ рабовъ своихъ даритъ
И, царственный палачъ угрюмый и суровый,
Онъ шлетъ своихъ рабовъ въ тотъ край завѣтный, новый—
Ты знаешь ли его?.. Пошёлъ, пошёлъ!
Въ страну изгнанья, слезъ и золъ!...

Ты знаешь ли свой путь въ обѣтованный край?
Въ кибиткѣ мчишься ты, но ты не унывай:
Вокругъ тебя толпы казацкихъ пикъ, нагаекъ,
Ихъ**) больше вкругъ тебя, чѣмъ въ Донѣ утромъ чаекъ...
Ты знаешь ли куда?... Пошёлъ, пошёлъ
Въ страну мученья, слезъ и золъ!...

---

*) Варіантъ: мученія.

**) Варіантъ: И грустно мчишся ты среди казачьихъ шаекъ.

Бѣлое покрывало.

(М. Гартманъ.)

1.

Позорной казни обреченной,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межь рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ —
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать какъ листъ придется мнѣ.“

Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая;
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ...
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай — неизбѣжна смерть твоя...
Не правда-ль, сынъ мой! шагомъ смѣлымъ
Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!“

И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать...
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

2.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ...
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его глазами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ.
Тамъ на балконѣ мать стоитъ —
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.

И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачомъ...
И ясенъ къ петлѣ поднимался...
И въ самой петлѣ — улыбался?...

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была!
О ложь святая!.. Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!
М. Л. Михайловъ.

Гастингское поле.

(Г. Гейне.)

Глубоко вздыхаетъ вальтамскій аббатъ;
Дошли къ нему горькія вѣсти:
Проигранъ при Гастингсѣ бой — и король,
Убитый, остался на мѣстѣ.

Зоветъ онъ монаховъ, и имъ говоритъ:
„Ты, Асгодъ, ты, Эльрикъ — вы двое —
Идите, сыщите вы трупъ короля
Гарольда межъ жертвами боя!“

Въ печали монахи на поискъ пошли;
Вернулись къ аббату въ печали.
„Нерадостна, отче, Господня земля:
Ей дни испытаній настали!

„О, горе намъ! палъ благороднѣйшій мужъ,
И воля ничтожныхъ надъ нами:
Грабители дѣлятъ родную страну —
И дѣлаютъ вольныхъ рабами.

„Паршивый норманскій оборвышъ — увы!
Британскимъ становится лордомъ;
Вездѣ щеголяютъ въ шитьѣ золотомъ,
Кого колотили по мордамъ!

„Несчастье тому, кто Саксонцемъ рожденъ!
Нѣтъ участи горше и гаже.
Враги наши будутъ безбожно хулить
Саксонскихъ святителей даже!

„Узнали мы, что намъ большая звѣзда
Кровавымъ огнемъ предвѣщала,
Когда на горящей метлѣ въ небесахъ
Средь темной полночи скакала.

„Сбылося предвѣстье, грозившее намъ
И нашей отчизнѣ бѣдами!
Мы были на Гастингскомъ полѣ, отецъ:
Завалено поле тѣлами.

„Бродили мы долго, искали вездѣ,
Надеждой и страхомъ томимы...
Увы! королевскаго тѣла нигдѣ
Межъ трупами тамъ не нашли мы!“

Такъ молвили Асгодъ и Эльрикъ. Аббатъ,
Сраженный ихъ вѣстью жестокой,
Поникъ головою — и молвилъ потомъ
Монахамъ съ тоскою глубокой:

„Живетъ въ Гриндельфильдскомъ дремучемъ лѣсу,
Сношеній съ людьми не имѣя,
Одна, въ беззащитной избушкѣ своей,
Эдиѳь Лебединая-Шея.

„Была, какъ у лебедя, шея у ней
Была и стройна, и прекрасна,
И въ Бозѣ почившій король нашъ Гарольдъ
Когда-то любилъ ее страстно.

„Любилъ онъ ее, цаловалъ и ласкалъ;
Потомъ разлюбилъ и покинулъ.
За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый годъ тому минулъ.

„Идите вы, братіе, въ хижину къ ней...
Туда вы поспѣете къ ночи...
Возьмите съ собою на поискъ Эдиѳь:
У женщины зоркія очи.

„Вы трупъ короля принесете сюда;
Надъ нашимъ почившимъ героемъ
По чину мы долгъ христіанскій свершимъ,
И съ почестью тѣло зароемъ.“

Ужь въ полночь монахи къ избушкѣ лѣсной
Пришли — и стучатся. „Скорѣе
Съ постели вставай и за нами иди,
Эдиѳь Лебединая-Шея!

„Насъ герцогъ норманскій въ бою побѣдилъ
И много легло насъ со славой;
Но палъ подъ мечемъ и король нашъ Гарольдъ
На Гастингской нивѣ кровавой!

„Пришли тебя звать мы — искать, гдѣ лежитъ
Межъ мертвыми нашъ повелитель:
Найдя, понесемъ мы его хоронить
Въ священную нашу обитель.“

Ни слова не молвя, вскочила Эдиѳь,
И вышла къ монахамъ босая.
Ей вѣтеръ полночный трепалъ волоса,
Сѣдыя ихъ космы вздувая.

Пошли. По оврагамъ, по топямъ и пнямъ
Вела ихъ лѣсная жилица...
И вотъ показался утесъ мѣловой,
Какъ въ небѣ зажглася денница.

Бѣлѣя, какъ саванъ, взвивался туманъ
Надъ полемъ сраженья; взлетали
Съ кровавыми клювами отаи воронъ —
И дико и мерзко кричали.

Ограблены, голы, безъ членовъ, черны,
Валялися трупы повсюду:
Тамъ люди лежали, тутъ лошадь гнила,
Давя безобразную груду.

Бродила Эдиѳь по равнинѣ, гдѣ мечъ
Разилъ и губилъ безъ пощады;
Изъ глазъ неподвижныхъ метала она,
Какъ стрѣлы, пытливые взгляды.

Въ крови по колѣни ходила Эдиѳь;
Порой рукавами рубахи
Отъ мертвыхъ гнала она стаи воронъ.
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закатъ былъ, какъ зарево, красенъ...
Вдругъ бѣдная съ крикомъ поникла къ землѣ.
Пронзительный крикъ былъ ужасенъ!

Нашла Лебединая-Шея, нашла,
Кого такъ усердно искала!
Не молвила слова и слезъ не лила,
И къ блѣдному лику припала...

Лобзала его и въ чело, и въ уста,
И жалась лицомъ къ его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потомъ увидала на правомъ плечѣ —
И къ нимъ приложилась устами —
Три рубчика: въ чудно-блаженную ночь
Она нанестла ихъ зубами.

Монахи двѣ жерди межъ тѣмъ принесли,
И доску къ жердямъ привязали,
И на доску подняли трупъ короля
Въ глубокой, безмолвной печали.

Въ обитель святую его понесли —
Отпѣть и предать погребенью;
За трупомъ любви своей тихо Эдиѳь
Пошла похоронною тѣнью.

И пѣла надгробныя пѣсни она —
Такъ жалобно-дѣтски!... Звучали
Напѣвы ихъ скорбно въ ночной тишинѣ...
Монахи молитву шептали.

М. Л. Михайловъ.

Порядокъ.

Когда нашъ Новгородъ великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобъ испросить себѣ владыку
Для буйной вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:
Нашъ край богатый и пространный,
Но не дался порядокъ намъ.
Съ тѣхъ поръ родъ Рюрика владѣетъ,
А все порядка не видать.
О Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать,
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ;
Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей,
Никто тебя не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край богатый и пространный,
И Нѣмцевъ эка благодать,
А все порядка не видать!

Посланіе къ друзьямъ.

Завѣса пала! въ узахъ я!
Дойдутъ ли звуки изъ темницы
Отъ струнъ разстроенной цѣвницы,
До слуха вашего, друзья?
Быть можетъ вы, въ свободной долѣ,
Въ восторгахъ жизни молодой,

Забыли узника въ неволѣ,
Забыли тяжкій жребій мой!
Въ союзѣ съ вѣтреной надеждой,
Съ мечтой поэзіи живой,
Еще за чашей круговой,
Вы ждете жизни боевой,
И полны думою мятежной —
Еще на розовыхъ устахъ,
Въ объятьяхъ дѣвъ, какъ май прекрасныхъ,
И на роскошнѣйшихъ грудяхъ
Волшебницъ милыхъ, сладострастныхъ,
Вы рвете свѣжіе цвѣты
Цвѣтущей дѣвства красоты.
Еще средь пышнаго обѣда,
Гдѣ Вакхъ чрезъ край, вино вамъ льетъ,
Сей взоръ привѣтный Ганимеда
Вамъ чувства сладкой нѣги шлетъ.
Еще разцвѣтъ душистой розы
И сводъ лазуревыхъ небесъ
Для вашихъ взоровъ не исчезъ!
Вамъ чужды темныя угрозы,
Какъ мраморъ, хладнаго суда,
И не коснулась клевета
До вашихъ дѣлъ и жизни тайной,
И не дерзалъ еще порокъ
Съ усмѣшкой сдѣлать вамъ упрекъ
И потревожить духъ печальный.
Еще небесный воздухъ тамъ
Вамъ вѣетъ легкими крылами
И не гнететъ дыханья вамъ,
Какъ въ гробѣ смрадными парами;
Не будитъ васъ въ ночи глухой
Угрюмый окликъ часоваго,
Иль рѣзкій темпъ ружья стальнаго
При смѣнѣ стражи за стѣной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь безсовѣстнымъ челомъ,
Еще убійственнымъ перомъ

Не пишетъ вамъ опредѣленья
Безвѣстной смерти подъ ножомъ,
Иль въ мрачныхъ сводахъ заточенья.
О, пусть благое провидѣнье
Отъ васъ отклонитъ бури громъ!
Онъ грянулъ грозно надо мною,
Но я отъ язвы лютыхъ стрѣлъ
Еще, друзья, не поблѣднѣлъ,
И предъ свирѣпою судьбою
Не преклонилъ раменъ съ главою.
Наёмной лжи, передъ судомъ,
Я слышалъ голосъ двуязычный —
Я презрѣлъ видъ ея двуличный.
Съ какимъ-то адскимъ торжествомъ,
Въ преступныхъ чувствахъ закоснѣлый,
Злодѣй, съ продажною душой,
Врагъ чести, съ совѣстью нѣмой,
Мнѣ дѣлалъ укоризны смѣло;
Съ улыбкой судъ ему внималъ,
Улыбкой наглость ободрялъ
И внесъ въ ужасныя страницы,
Слова наёмнаго убійцы.
Напрасно голосъ громовой
Мнѣ вѣрной чести боевой
Въ мою защиту отозвался —
Онъ съ вѣтромъ, въ воздухѣ терялся!
Напрасно небо я молилъ:
Казалось рокъ не истощилъ
Руки карающей удары...
И судъ, со вздохомъ алчной кары,
На жертву радостно взиралъ;
Чуждаясь правды обнаженной,
Онъ двухъ свидѣтелей искалъ —
Онъ ихъ нашелъ въ толпѣ презрѣнной!
Но я сослался на законъ,
Какъ на гранитъ народныхъ зданій:
„Въ устахъ царя — сказали — онъ,
Въ его самодержавной длани,

И слово буйное: „законъ“
Въ устахъ опредѣленной жертвы,
Естъ дерзновенный звукъ и мертвый.“
И такъ, исчезъ прелестный сонъ
И я открылъ со страхомъ вѣжды,
Еще искалъ моей надежды —
Её ужъ не было со мной
И я во мракъ упалъ душой.
Пловецъ, твой конченъ путь надъ бездной!
Мужайся — близокъ грозный часъ,
Онъ загремитъ въ дверяхъ цѣпями
И можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще окинешь ты глазами
Луга, и горы, и лѣса
Надъ свѣтлою Невы струею
И Феба, золотой стезею,
Полётъ по яснымъ небесамъ
Надъ сердцу памятной страною,
Гдѣ ты свободою дышалъ
И къ жизни лучшей устремлялъ
Взоръ свѣтлый съ чистою душою.
Исчезнетъ всё, какъ въ вѣчность день!
Изъ милой родины изгнанный,
Средь черни дикой, своенравной,
Я буду жизнь влачить, какъ тѣнь,
Вдали отъ васъ, друзья, отъ свѣта,
Въ жильѣ тунгуса, иль бурята,
Гдѣ вѣчно царствуетъ зима,
И гдѣ природа какъ тюрьма;
Гдѣ много жертвъ страстей и власти,
Какъ я, свои влачили дни —
Гдѣ я погибну, какъ они,
Подъ ношей скорби и напасти —
Быть можетъ... о, молю душой
И силъ, и мужества отъ неба!
Уже судъ мрачнаго Эреба
Мнѣ жизнь, лютѣе смерти злой,
Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки

Подземныхъ стоновъ и цѣпей
И вздохи безпрерывной муки;
Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей
Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
Полунагіе, полумертвы,
Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
Подъ адской ржавчиной оковъ
Сіи живущіе клевреты
Въ гнилой соломѣ тлѣютъ тамъ!
И не различны ихъ очамъ
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполона,
Страстей высокихъ пылкій жрецъ,
Сей новый берегъ Ахерона,
Тѣней жилище, воспоетъ.
Сковала грудь мою, какъ лёдъ,
Уже темничная зараза;
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ, сей лавръ, пѣвецъ Кавказа!
Грянь по струнамъ — и Аполлонъ,
Оставя берегъ Албіона,
Тебя, о юный Амфіонъ,
Украситъ лаврами Байрона!
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь —
Любовь ли пѣть, гдѣ брызжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое, съ улыбкой,
Терзаетъ насъ кровавой пыткой,
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ,
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху
И гдѣ народъ, подвластный страху,
Не смѣетъ шопотомъ роптать?
Пора друзья, пора возвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше вѣче

И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена.
Когда-жъ дойдетъ до васъ, о други,
Сей голосъ потаенной муки,
Сей звукъ восторженной мечты?
Противъ враговъ и клеветы,
Я не прошу у васъ защиты:
Враги, презрѣніемъ убиты,
Изсохнутъ сами, какъ трава.
Скажите отъ меня Орлову,
Что я, судьбу свою сурову,
Съ терпеньемъ мраморнымъ сносилъ,
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ
И въ дни убійственные жизни,
Не мраченъ былъ, какъ и весной,
И даже мыслью и душой,
Отвергнулъ право укоризны.
Прощайте! Тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ
И отразилася заря
Въ шумящимъ кровію потокѣ.
Подъ сѣнь священную знаменъ,
На поле славы боевое,
Зоветъ васъ долгъ, добро святое.
Спѣшите! — тамъ вакхальный звонъ
Поколебалъ подземны своды
И пробудилъ народный стонъ
И гидру дремлющей свободы —!

Праведники.

I.

За обожаніе Христа,
За невредимость церкви новой —
Бывало шли съ душой готовой
На смерть, къ мученіямъ креста.
Терпѣли бодро пытки, казни,
Мужались вѣрою святой,
И ожидали безъ боязни
Предстать предъ Бога въ міръ иной.
И вотъ пріемники ученья
Христова помнятъ подвигъ ихъ,
Ихъ смерть и славныя мученья,
И чтятъ ихъ именемъ „Святыхъ“;
У нихъ заступничества просятъ,
Къ святымъ склоняясь образамъ,
Моленья теплыя возносятъ,
И курятъ вѣры ѳміамъ.....
Но вы прошли вѣка чудесъ,
Вѣка нероновскихъ гоненій —
И слѣдъ кровавый вашъ исчезъ!
Нѣтъ больше пытокъ и мученій,
Нѣтъ больше славнаго конца —
Среди терзаній страшныхъ тѣла
Не ждемъ мы райскаго вѣнца.....
И говорятъ, что охладѣло
Въ насъ упованье, что убилъ
Нашъ вѣкъ разсудкомъ вѣру сердца;
Отцевъ преданіе разбилъ —
Живетъ съ безпечностью безвѣрца;
И говорятъ, что никогда
Слѣпое наше поколѣнье
Ни свѣтлой мысли, ни плода
Не дастъ вѣкамъ въ нравоученье.....

Нѣтъ, недозрѣлые пророки!
Къ намъ справедливѣе судьба:
Она и намъ даетъ уроки,
И намъ данъ крестъ, дана борьба.
Къ чему намъ старыя преданья,
Зачѣмъ намъ трогать пыль вѣковъ?
Есть и у насъ свои страданья,
Хоть нѣтъ ни пытокъ, ни костровъ.....
Хоть не должны мы лицемѣрить —
Но можемъ мыслить какъ хотимъ;
И можемъ безъ боязни вѣрить
По убѣжденіямъ своимъ;
Но легіоны мелкихъ пытокъ
Насъ окружаютъ каждый часъ —
И мы невольно пьемъ напитокъ
Всеразрушительный для насъ.....

II.

И твердо вѣрю я, что много
У насъ есть „Праведныхъ“ своихъ;
Но насъ житейская тревога
Кружитъ — и мы не видимъ ихъ...
Какъ часто я благоговѣю
Предъ нашей женщиной-рабой!
Какъ горько плачу и жалѣю
Тебя, отверженный судьбой —
Тебя, осмѣянный толпою
Чиновникъ, бѣдный рабъ труда...
Я преклоняюсь иногда
Предъ твердостью твоей простою.
Художникъ, рабъ, жена, поэтъ,
Вы всѣ — зачѣмъ вы крестъ несете?
И за мученья долгихъ лѣтъ
Какихъ наградъ отъ неба ждете?
Васъ не зачислятъ въ ликъ святой,
Не расточатъ вамъ поклоненій,
Вы всѣ смѣшаетесь съ толпой.....

Нашъ вѣкъ не тотъ, что полонъ вѣры,
Съ надеждой въ небо умиралъ —
Намъ вѣка этого примѣры
Смѣшны и страненъ идеалъ.....
Зачѣмъ же вы, съ какою цѣлью
Страданье благамъ предпочли,
И чужды счастью и веселью
Дѣтей неправедныхъ земли?
Зачѣмъ живете вы страдая!
Васъ не поймутъ, не оцѣнятъ.....
За тѣмъ что истина святая
Для васъ дороже всѣхъ наградъ;
За тѣмъ, что вѣра въ воздаянье
Вамъ для терпѣнья не нужна,
Не утѣшаетъ Васъ она
Въ часы глубокаго страданья.
Среди житейскихъ мукъ вашъ взоръ
Не видитъ вратъ отверзтыхъ рая,
И пытки жизни, смерть, позоръ
Несете вы — не ожидая
Утѣхъ заоблачнаго края....
„Стремленье къ истинѣ святой,
Да вѣра въ голосъ благородный
Своей души, да духъ свободный.“
Вотъ Катехизисъ вашъ простой!

С. Петербургъ 18 Января 1847 года.

Преданіе.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ;
То древній гласъ, то свыше гласъ:
„Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ.....

„Свершится онъ — и грянетъ часъ..!“
И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.....
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ Всеславянскій царь.

Хомяковъ.

Прометей.

Прочь, коршунъ! больно! Подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда-бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ —
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ
И море дальнее о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ —
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! Онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну чтоже, богъ неумолимый —
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ —
А всежъ людей я создалъ! — Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердце рану —
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный — укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ —
Къ Тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою.

Н. Огаревъ.

Пророчество.

(Январъ 1852.)

Пусть преклоняются предъ палкою народы!
Пусть попранъ и презрѣнъ законъ!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считаютъ за нелѣпый сонъ!
Безсмертная истина! не поколеблютъ люди
Ея несокрушимый храмъ;
Ея огонь зажжетъ опять ихъ груди
И поселится тамъ.....
Кто передъ истиной колѣна преклоняетъ,
Кто вѣритъ въ Бога своего,
Тотъ безъ завѣсъ грядущее читаетъ
И людямъ возвѣститъ его.....

Какъ злые коршуны надъ пищею кровавой
Сидѣли надъ своей добычею цари.
Ихъ власть была свята; развратъ былъ ихъ забавой;
Народъ страдалъ, молчалъ, и ждалъ своей зари.
И вотъ она взошла: и бури взволновали
Дремавшій издавна народовъ океанъ;
Престолы рухнули, и кровью искупляли
Тогда цари земли свой вѣковой обманъ.
Но утомился народы отъ волненій:
Напитокъ равенства хмѣленъ былъ для дѣтей.
Міръ задремалъ: надъ нимъ вознесся деспотъ-геній;
Онъ палъ, и сонный Міръ сталъ вновь рабомъ царей.
И много лѣтъ прошло. И снова кличъ свободы
Отъ Сены береговъ пронесся черезъ свѣтъ,
И встали мощные предъ тронами народы,
Грозя царямъ бѣдой и требуя отчетъ.
Монархи, трепеща на ненадежномъ тронѣ,
Для усмиренія разгнѣванныхъ судей
Бросали имъ права, министровъ и короны,
Клялись во вѣкъ законъ клялись душой своей.

Но деспотъ сѣвера склонился къ ихъ моленью;
Тяжелый бросилъ мечь онъ на вѣчы судьбы.
„Оставьте,“ онъ сказалъ, „мечту освобожденья:
Царямъ — отъ Бога власть; народы — ихъ рабы!“
Возстали всѣ цари по слову властелина:
Толпа слугъ-воиновъ ихъ охружила тронъ,
Забывши для наградъ призванье гражданина,
И повторили всѣ: „свобода — это сонъ!“
Какъ хитрый жидъ-торгашъ, какъ ябедникъ-подьячій
Цари нарушили священный договоръ.
Отъ слова отреклись, надъ клятвой горячей
Смѣялись, и права вонъ вымели какъ соръ.....
И самый тотъ народъ, свободы проповѣдникъ,
Забылъ свои права, призванью измѣнилъ;
Безславный — имени великаго наслѣдникъ,
Постыдное ярмо на гражданъ наложилъ.
Страхъ подлый обуялъ, оцепенилъ народы
И безпрепятственно нарушенъ былъ законъ.....
„Изгнаніе и смерть защитникамъ свободы!“
И повторили всѣ: „свобода — это сонъ!“

Нѣтъ! отгоните прочь коварное сомнѣнье,
Не вѣрьте слугамъ зла, невѣжества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколѣнья,
Къ чему стремился великіе умы.....
Ударитъ часъ: придетъ неправды наказанье;
Придетъ для всей земли желанная пора;
Стократною цѣной искупятся страданья;
Настанетъ торжество свободы и добра.....
А вы, цари земли! вы, пастыри народа!
Падучею здѣздой промчится ваша власть,
И вамъ проклятіе прейдетъ изъ рода въ роды!
Спѣшите выситься, чтобы страшнѣй упасть!
Готовьтесь! скоро васъ настигнетъ наказанье —
Придутъ къ вамъ мстители потребовать отвѣтъ,
И не могутъ вамъ пустыя обѣщанья:
Клятвопреступникамъ ужъ не повѣритъ свѣтъ.....
Да грянетъ вѣчное, тяжелое проклятье

Свободы хищникамъ ужъ, Европы королямъ!
Забыли вы свой долгъ, и то что люди братья:
Вы беззаконные цари — проклятье вамъ!
И ты, сынъ случая, избранникъ милліоновъ,
Воздвигшій власть свою на трусости людей,
Измѣнникъ Франціи, присягѣ, врагъ законовъ!
Потомство изрѣчетъ стыдъ памяти твоей!
И вѣчный стыдъ всѣмъ тѣмъ, которые кручину
Отчизны въ страшный часъ, смѣясь, пренебрегли,
Присягу воина — присягѣ гражданина,
Приказъ начальника — закону предпочли!
Стыдъ вѣчный воинамъ — опорамъ самовластья!
Стыдъ вѣчный знамени отечества бичей!
Убійцамъ братій стыдъ, безъ мысли и безъ страти
Провозгласившимъ власть свободы палачей!.....

И ты, одинъ изъ всѣхъ не дрогнувшій понынѣ,
Полміра властелинъ, самодержавный царь!
Для подданныхъ твоихъ, твои слова — святыня,
Желаніе — законъ, и твой престолъ — алтарь.
Внѣ правъ твоихъ — нѣтъ правъ; ты выше всѣхъ законовъ;
Безпрекословною, безсмысленной толпой
Разноплеменные десятки милліоновъ
Во прахѣ ногъ твоихъ лежатъ передъ тобой.
Монархамъ Запада ты подаешь совѣты;
На сонмѣ королей Европы ты глава;
Стоокою толпой стоятъ твои клевреты,
Въ народѣ сторожа и мысли и слова.....
И вѣришь ты въ свое божественное право:
Ты вѣришь что престолъ твой непоколебимъ,
Что какъ утесъ средь бурь стоитъ твоя держава,
Что ввѣкъ твои слова законъ рабамъ твоимъ,
Но и для нихъ придетъ пора освобожденья
Когда лучь истины проникнетъ ихъ умы —
Не вѣченъ будетъ сонъ; настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И выростетъ тогда общественное мнѣнье —

Признаетъ русскій царь народныя права,
Къ гражданской доблести воскреснутъ поколѣнья,
Свободно потекутъ и мысли и слова.
Молись, чтобъ тогда не выстрадали внуки
За все величіе, за всѣ твои дѣла!
Молись, чтобы безъ слезъ, безъ крови и безъ муки
Освобожденія минута перешла!
Молись, чтобъ лучь одинъ теперешней святыни
Въ печальный часъ твоихъ потомковъ осѣнилъ!
Чтобы грѣхи отца не наказались въ сынѣ;
Молись, чтобы тебя народъ твой позабылъ!

Когда надъ обществомъ господствуетъ порокъ
Въ годину злую испытанья,
Встаетъ среди людей восторженный иророкъ;
Чтобъ братьямъ облегчить страданья,
Спокойно будущность указываетъ онъ:
Пусть мчатся годы за годами,
Пусть торжествуетъ зло — божественный законъ
Вновь воцарится надъ умами.
Не сомнѣвайтеся, отчаяніе грѣхъ!
Постигнутъ кары святотатство —
И будетъ лишь одинъ тогда законъ для всѣхъ:
Свобода, равенство и братерство!

„Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ."

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ Русскіе вельможи —
Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ —
На русскихъ вовсе не похожи;

Пускай наслѣдіе Петра —
Страшилище враговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ;
Вся наша гвардія осталася вѣрна
Названью прежнему потѣшныхъ.

А слава древняя дружинъ,
Сословіе дѣтей боярскихъ,
На мѣсто теплое иль заряся на чинъ
Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,

И саблю замѣнивъ перомъ,
Кольчугу бранную позорнымъ вицъ-мундиромъ,
Ярыжкамъ сдѣлалось подобное во всемъ
И стало мерзостнымъ вампиромъ —

Который день и ночь сосетъ
Всѣ соки дучшіе изъ русскаго народа,
И даже ухомъ не ведетъ,
Что есть ужъ два изданья Свода.

Пускай и самый нашъ народъ,
Врагъ ненавистный иноземцевъ
По праздникамъ мертвецки пьётъ,
А буднями работаетъ на нѣмцевъ.

Пускай казна истощена,
И намъ по прежнему пристала
Пусть фраза та, что „Русь обильна и сильна,
Да только въ ней порядка мало..!“

„Пусть гибнетъ все!“

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ направленъ былъ,
Терзалась мысль, трудилось слово,
Въ запасѣ много было силъ.
Слабѣйте-жъ силы, вы не нужны,
Усни ты духъ — давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.
Безплодны всѣ труды и рвенье,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безуменъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой —
Безумна честная отвага
Правдивой юности, и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней.
Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неровной ты падешь!
Сплошнѣе льда стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь;
Она сильнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ напрасныхъ
Въ безбрежной пошлости людской.
О веселись, и насъ безумцевъ
Ученьемъ горкимъ испытуй,
Клейми прозваньемъ вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жъ силы вы не нужны,
Смирись о духъ — давно пора,
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.

К. Аксаковъ.

Пѣнье невольника въ полночь.

(Лонгфелло.)

Гимнъ Давида вдохновенный —
Рабъ и негръ — онъ громко пѣлъ;
Пѣлъ Сіонъ освобожденный,
Громъ побѣдъ и славныхъ дѣлъ.

Ночь была тиха, спокойна,
Все объято было сномъ,
И звучалъ полно и стройно
Голосъ въ воздухѣ ночномъ.

Не такой ли гимнъ свободной
Слышалъ черный Фараонъ,
Какъ грозой пучины водной
Былъ съ войсками окруженъ.

Въ глубь души мнѣ мощно, страстно
Голосъ негра проникалъ;
То торжественно и ясно,
То стенаньемъ онъ звучалъ.

Павелъ съ Силой въ заточеньѣ
Пѣснью славили Христа,
И въ ту ночь — землетрясеньемъ
Дверь была имъ отперта.

Ангелъ вѣстникомъ спасенья
Къ негру явится-ль въ тюрьму?
Дверь тюрьмы землетрясенье
Распахнетъ ли и ему?

М. Л. Михайловъ.

Пѣсня о рубашкѣ.

(Томасъ Гудъ.)

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ —
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку — ластовку — вбротъ —
Воротъ — ластовку — строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите — нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.

Шей! шей! шей!...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того-жь полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее.
Похожа отъ голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай —
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ — голый полъ
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

„Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — вóротъ —
Вóротъ — строчка — рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

„Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло и тепло —

И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О! только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!... чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои! не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!“

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

М. Л. Михайловъ.

Разговоръ въ 1849 году.

Николай.

А, Вронченко, ты здѣсь! Насилу! очень радъ!
Хочу я войска часть отправить за Карпатъ.
Мнѣ вопли Австріи такъ добрались до сердца,
Что даже личный врагъ милѣе мнѣ Венгерца.
Маршрутъ составленъ мной, приказы отданы;
Развязывай кошель и не жалѣй казны.
Войску нашему маршрутъ:
Пусть ихъ лямку трутъ,
На Венгерца прутъ,
За Австрійца мрутъ,
Вмѣсто ихъ рекрутъ
Втрое наберутъ.

Вронченко.

Царь — отечества отецъ!
Гроши сгибли на дворецъ,
На желѣзныя дороги
И на невскій мостъ,
Прошлогодніе итоги
Намъ поджали хвостъ.

Николай.

Вотъ дѣло мнѣ нашелъ разсматривать итоги,
Ихъ не поставишь въ строй не вытянешь имъ ноги;
Мнѣ нужно, чтобъ ты былъ въ своихъ проэктахъ быстръ,
Иначе ты хохолъ, и вовсе не министръ.

Вронченко.

Вамъ извѣстно, что расходъ
Прибываетъ каждый годъ,
И не даромъ за ушами
Чешетъ бѣдный нашъ народъ.

Всѣ финансы по рукамъ
Такъ и льются здѣсь и тамъ;
А ужъ главный надъ путями
Безъ пути берётъ.

Николай.

Терпѣть я не могу нелѣпыхъ отговорокъ,
Что деньги? прахъ и тлѣнъ, мнѣ мигъ желанья дорогъ!
Ты можешь про себя хохлацкія пѣть пѣсни,
Со мной по русски пой! Дай денегъ мнѣ! — хоть тресни!

Волконскій.

(на голосъ: во саду-ли въ огородѣ:)

Да, какъ встрѣтится нужда,
А карманы узки,
То извѣстно что тогда
Надо пѣть по русски.
Русскій ладъ совсѣмъ иной,
Какъ-то заунывенъ;
И на немъ ужъ какъ ни пой
Будешь не противенъ.
Все по русски сущій вздоръ,
Чтобъ добраться цѣли
Жмемъ народъ до тѣхъ мы поръ
Сокъ — пока есть въ тѣлѣ!
Имъ же лучше — пусть сидятъ
Въ нищетѣ и мракѣ;
Вѣдь отъ жиру, говорятъ,
Бѣсятся собаки.

Николай.

Прекрасно и умно — для насъ все сущій вздоръ.
Ступай, пиши проэктъ.... А, вотъ и Прокуроръ!
Ну, что у васъ хлопочутъ-ли въ Синодѣ,
Чтобъ Православіе поддерживать въ народѣ?

Протасовъ.

Для роднаго края
Царя Николая
Господи помилуй
На вѣки-вѣковъ!
За его заслуги
Жизнь его супруги
Господи спаси
На вѣки-вѣковъ!
Даромъ чудодѣйства
Царское семейство
Господи помилуй
На вѣки вѣковъ!
Для счастья народа,
Главныхъ лицъ Синода
Господи помилуй
На вѣки вѣковъ!
Отъ лихой напасти,
Всѣ чины и власти
Господи спаси
На вѣки вѣковъ!
Для смотровъ, параду,
Воинства громаду
Господи спаси
На вѣки вѣковъ!
А отъ просвѣщенья
Всѣхъ безъ исключенья
Господи помилуй
Во вѣки-вѣковъ!

Николай.

Согласенъ я съ тобой, мысль очень хороша,
Въ ней видѣнъ русскій духъ и русская душа;
Но вотъ чего бы мнѣ хотѣлося добиться,
Какъ можетъ эта мысль на дѣлѣ проявиться?

Протасовъ.

(подъ тонъ мазурки.)

Пусть насъ дуютъ палкой
Вдоль и съ перевалкой,
Мы вѣдь христіане:
Нашъ удѣлъ — терпѣть.
Можно подъ мазурку,
Съ насъ содрать и шкурку —
Господи помилуй!
Мы все будемъ пѣть.
У насъ, у Синода
Ужъ такая мода,
Скакаше, играя
Самъ святый Давидъ.
Нынче тѣ же нравы;
Для твоей забавы
Мы скакать готовы,
Хоть спина болитъ.

Николай.

Вотъ средство вѣрное, чтобъ къ намъ не допустить,
На дряхломъ западѣ возникшую крамолу,
И въ сердцѣ подданныхъ съ успѣхомъ перелить —
Любовь къ отечеству и преданность къ престолу.

Разочарованіе.

Il y a dans les affections profondes du cœur quelque chose de pur et désintéressé, qui annonce l'excellence et la dignité de l'ame humaine.
Ancillon.

Среди бурливыхъ треволненій
Души страдальческой, больной,

Мятежныхъ чувствъ и наслажденій,
Разгара страсти огневой,
Борьбы могучей силъ душевныхъ,
Взбудившихъ въ сердцѣ моёмъ вновь
Безумную, прошедшую любовь,
Среди ничтожныхъ, суевѣрныхъ,
Холодныхъ и пустыхъ людей,
Средь грусти и тоски моей,
Прелестный взоръ твоихъ очей
Въ кругу наперстницъ и подругъ
Не рѣдко облегчалъ недугъ
И замѣнялъ участіе друзей.
Прошли блаженныя лѣта,
Какъ сладкій и волшебный сонъ,
Когда, прелестное дитя,
Ты услаждало сердца стонъ,
И голосъ твой, какъ лира звонкой,
Твердилъ урокъ заданный мной,
И восхищался я тобой —
Твоей кудрявою головкой,
И сердца тайно-бурный трепетъ,
Тяжелый стонъ и тихій лепетъ
Смирялися въ душѣ моей
При блескѣ пламенныхъ очей.
Но увлеченный сильной страстью,
Всё забывалъ на свѣтѣ я
И предавался сладострастью — —
Мятежная душа моя
Въ борьбѣ могучей изнывала;
Средь нѣжныхъ, тихихъ упоеній,
Безумныхъ, дикихъ наслажденій,
Восторги сердце испытало.
И жизнь любовію полна
Кипѣла, пѣнилась тогда,
Какъ шумно-бурная волна.
Казалось мнѣ, среди мученья
Взошла блестящая звѣзда
Земнаго счастья и веселья....

Но не замѣтно для меня
Проникнулъ въ грудь тлетворный ядъ —
То былъ мой рай, то былъ мой адъ,
И жертвою страстей палъ я.

Я умиралъ, я жаждалъ умереть,
Но только грустно было мнѣ
(Теперь я помню какъ во снѣ)
Что при послѣднемъ издыханьи
Мнѣ нѣкому было согрѣть
Души моей послѣднее признанье —
Послѣдній вздохъ мой усладить
Слезой сердечнаго участья,
Чтобы минутою земнаго счастья
Я могъ предъ смертью искупить
Мое страданіе и муку,
И вѣчную тоску, и вѣчную разлуку
Со всѣмъ, что мило было мнѣ
Въ родной далёкой сторонѣ.
Но долго длившаясь борьба
Мятежной жизни съ смертію холодной
Окончилась, и вотъ судьба
Оставила мнѣ жизнь съ душею безпокойной,
Болѣзненной, съ ужасною тоской,
Какъ ядовитою отравой,
Которая сжимаетъ разумъ мой
И, обливая сердце кровью,
То вспыхнетъ прежнею любовью,
Какъ бы угасшаго вулкана лавой,
То наполняетъ безпокойный умъ
Сомнѣніемъ тревожныхъ думъ.
Я долго былъ полуживой мертвецъ:
Среди пріятелей, знакомыхъ,
Какъ прежде, я не находилъ
Сочувствія безчувственныхъ сердецъ
И жизнь свою въ страданьяхъ проводилъ:
Умъ волновали страшныя сомнѣнья,
И къ жизни родилось прямое отвращенье.

Тогда-то голосъ неземной
Мнѣ зазвучалъ съ небесной высоты:
„Остановись, безумецъ мой,
„Еще не умерли твои мечты!“
Съ тѣхъ поръ я забывалъ безуміе порой,
Руководимый вдругъ невидимой звѣздой,
Какъ будто былъ конецъ страданью и терпѣнью,
Какъ будто часъ насталъ моему возрожденью.

Отъ жизни мрачной и суровой
Меня воззвалъ какой-то голосъ тайный
Для жизни свѣтлой, жизни новой.
Но былъ-ли голосъ тотъ случайный,
Или назначенный судьбой
Мнѣ неизвѣстный утѣшитель,
Слетѣлъ на землю небожитель,
Чтобъ усладить печальный жребій мой —
Чтобы страдальца вдохновить
Святою мыслію небесной
И трепетъ сердца укротить
Любовью тихою и нѣжной?
Страстей бурливыхъ примирѣньемъ,
Души мятежной жизни возрожденьемъ,
Къ разумной жизни возвратить?
Пленясь невидимой красой,
Я увлеченъ въ волшебный міръ
Высокой усладительной мечтой.
Смотрѣть на жизнь сталъ, какъ на пиръ,
Но не нашелъ въ ней свой кумиръ.
Ни бальный блескъ, ни бальный шумъ,
Меня ничуть не занималъ,
Я сталъ по прежнему угрюмъ,
По прежнему затосковалъ....
Средь бальнаго волненья
Мною забытое прелестное дитя
Мелькнуло, словно привидѣнье,
И взоромъ нѣжнымъ сожалѣнья
Впервые встрѣтило меня.

Глядя съ холодностью на пустоту,
Не могъ тогда её понять,
Души невинной доброту,
Мгновеннаго восторга разгадать
Моей страдальческой души —
И бурныхъ чувствъ нѣмой тиши.
Я всё не могъ понять никакъ,
Хоть было очень часто такъ,
Что въ глубинѣ души печальной
Звучалъ мнѣ счастья голосъ тайной,
И мысли чудныя летѣли высоко.....
Мнѣ стало сладко такъ и было такъ легко.

Мечтою новой упоенный
И любопытствомъ увлеченный,
Изъ любопытства я за ней слѣдилъ
И каждый взглядъ ея ловилъ.
Меня никто не замѣчалъ...
Полуживой, полумертвецъ,
Я двигался какъ привидѣнье —
Твердили всѣ, что близокъ мой конецъ,
Что нѣтъ моимъ страданіямъ спасенья.
Не помню я о чемъ мечталъ,
Но помню, что не испыталъ
Ни отъ кого и слова утѣшенья.
Мелькало все передо мной:
И модные уборы модныхъ дамъ,
И бальный шумъ и бальный гамъ,
И танцы шли обычной чередой!
Мелькали пышные наряды,
Не рѣдко на меня бросали взгляды;
Въ нихъ не было ни капли сожалѣнья,
Хоть не было ни капли и презрѣнья.
Холодные безъ мысли и безъ чувства,
Безъ искренней сердечной теплоты,
Въ нихъ было видно бальное искусство,
Да слѣдъ поддѣльной красоты.....
Я помню, какъ теперь тотъ уголокъ,

Передо мной какъ будто мотылекъ,
Какъ дивное небесное видѣнье,
Какъ метеоръ представилось она,
И юная душа была полна
Божественной небесной красоты.
Ее послало мнѣ святое Провидѣнье
Разсѣять грустныя мечты,
И взоромъ нѣжнымъ, и словами,
Улыбкой ангельскою на устахъ,
И скрытыми ея очами,
Блестящими, какъ звѣзды въ небесахъ.
Прекрасной наклоняясь головой,
Не рѣдко локонъ прелестный конвой
По бѣлоснѣжной шеи разсыпала,
То свѣтлою надеждой услаждала
Столь безнадежный жребій мой,
То грёзы дивныя на душу навѣвала
И Ангеломъ явилалась предо мной.
Тогда-то въ первый разъ мнѣ заблистала
Не выразимою душевной красотой,
Объ образѣ, о коемъ въ тишинѣ ночной
Всегда такъ сладко я мечталъ,
Какъ голосъ тайный мнѣ надеждой прозвучалъ.
. . . . . Былъ пышный балъ;
Шумѣлъ, пестрѣлъ блестящій залъ;
Тамъ съ нею говоря, я горе забывалъ:
Шумилъ, смѣялся и болталъ
Невинной бальный вздоръ,
И веселъ былъ нашъ разговоръ...
Проходитъ вдругъ одна дѣвица,
И я шутя объ ней сказалъ:
„Вотъ онъ мой вѣчный идеалъ —
„Моей души могучая царица!“
Но что-жъ увидѣлъ? — смутный взоръ,
Въ которомъ горькій былъ укоръ.
Вдругъ собесѣдница моя тихонько встала:
„Я думала, что лучшій вкусъ у васъ.“
Въ полголоса съ упрекомъ мнѣ сказала,

Взглянула грустно и ушла тотъ часъ.
Напрасно я узнать желалъ
Значенье тайныхъ ея словъ,
Просилъ, молилъ и заклиналъ,
Напрасно я старался вновь
Нашъ разговоръ возобновить,
И въ сердце юное вполть
Гласъ дружбы вѣчной и святой,
Чтобъ въ душу съ бурною грозой —
Въ мою страдальческую грудь
Могла добро она вдохнуть.
Но словъ моихъ не понимала
Она, иль не хотѣла ихъ понять,
Отвѣтъ уклончивый давала;
Мнѣ трудно было разгадать
Значенье тайное его.....
Не разгадалъ я ничего.
Но незамѣченная свѣтомъ
Всё также съ ласковымъ привѣтомъ,
Съ сердечной, нѣжной теплотой
Сокрытой, тихой, но живой,
Меня увидѣвши, ко мнѣ тайкомъ,
Случайно будто подходила,
И о страданіи моемъ
Рѣчь постоянно заводила:
„Всегда суровый и печальный,
„Съ какой-то мыслію угрюмой
„Взираете на блескъ нашъ бальный?
„Оставьте прежнія вы думы!
„Прошедшее забудьте время,
„И бредь души, и сердца бремя,
„Вамъ будетъ легче, увѣряю.
„Я отъ души добро желаю.“
Голосъ ея гармоніей звучалъ,
Дыша наивной простотою:
Съ улыбкою веселой и живою
Онъ глубоко мнѣ въ душу проникалъ.

Какъ горный мотылекъ —
Жилецъ надзвѣзднаго эѳира,
Занесенный дыханіемъ зефира,
Съ цвѣтка порхая на цвѣтокъ,
Душистый собираетъ токъ,
Чтобы его благоуханьемъ
Цвѣтокъ увядшій освѣжить
И къ жизни новой возвратить
Зефирнымъ, сладостнымъ дыханьемъ —
Такъ точно и она,
Поэзіи возвышенной полна,
Средь роскоши пустаго свѣта,
Въ разочарованной душѣ поэта,
Давно заглохшей и нѣмой,
Будитъ фантазіи дивный рай,
И тихую любовь, и грезы,
Восторгъ и грусть, мечты и слезы.
. . . . . Она такъ дивно разцвѣла;
Душа прекрасная ея напоена
Восторгомъ сладостнымъ — живымъ
И сердца трепетомъ нѣмымъ.
Окружена поклонниковъ толпой,
Она по прежнему дружна со мной;
Какъ прежде взоръ ея очей
Сіялъ неподдѣльной добротой
Въ кругу семейномъ и друзей.
Но средь блестящаго собранья
Такъ холодна и такъ бездушна,
И такъ преступно равнодушна,
Что искреннимъ вниманьемъ,
Какъ бы страшась сужденья свѣта,
Украдкою привѣтствуетъ поэта.
Привычка-ль это съ малолѣтства,
Иль доброты порывъ высокій,
Порывъ таинственный, глубокій
Иль невинное кокетство,
Иль сердца трепетнаго зовъ,
Иль неиспытанная первая любовь,

Не могъ никакъ я разгадать.
Души таинственной влеченье
И давнее ума сомнѣнье
Проникнуло въ мой духъ опять,
А съ нимъ исчезло всё что было
Пріятно, радостно и мило.

Благодарю тебя, мой другъ!
Тобою долго я дышалъ,
Съ тобою горе забывалъ
И сердца тайный мой недугъ!
Куда-бъ ни брошенъ былъ судьбой,
Вездѣ прелестный образъ твой
Въ душѣ я буду сохранять —
Объ нёмъ и думать, и мечтать.

На сѣверъ ли холодный
Гдѣ вѣчный ледъ, гдѣ вѣчный снѣгъ,
На югъ ли въ край безводный
Направлю поэтическій мой бѣгъ,
Или туда, гдѣ съ вихремъ ураганъ
Несётся мракомъ къ облакамъ,
Гдѣ безпредѣльный океанъ
Вздымаетъ волны къ небесамъ,
Гдѣ вѣчно пѣнистыя воды,
Среди борьбы стихій природы,
Вездѣ я дружбу сохраню,
За дружбу нѣжную твою.

Но нынѣ, хоть сказать и больно,
Благодарю, мой другъ — довольно
Жизнь утѣшать надеждой сладкой,
Взирать съ участіемъ, украдкой,
Украдкой иногда вздыхать
И вздохомъ сердце облегчать.
Ни жгучіе твои глаза,
Ни ангельскій небесный ликъ,
Къ которому я такъ привыкъ,
Ни дивная твоя краса,

Ни гибкій станъ, ни звонкій голосъ,
Ни шелковой душистый волосъ,
Ни даже нѣжная любовь
Ужъ не взволнуютъ мою кровь,
И не найдешь во мнѣ отвѣтъ
На тайный искренній привѣтъ.
Къ тебѣ одна моя мольба:
Когда жестокая судьба
На вѣкъ умчитъ меня отсюда
Въ обитель вѣчнаго пріюта,
Тогда ты вспомни кого нѣтъ,
О чемъ мечталъ душей поэтъ,
Что жизни мелкой суеты
Не вынесла душа его,
И что высокія мечты
Были страданьемъ для него.

П. П...

Разсказъ этапнаго офицера.

1.

Да! право бѣдность лишь одна
Заставитъ можетъ службу эту,
Кряхтя, вычерпывать до дна,
Не изведя себя со свѣту;
Не хуже каторги она.
А какъ тутъ быть? Чуть изъ пеленокъ,
Совсѣмъ дуракъ, совсѣмъ ребенокъ —
А мать кричитъ: „ступай служить!
Мы нищіе, намъ надо жить!“...
Ну! и пошелъ. Пять лѣтъ въ тревогѣ
Хожу все по одной дорогѣ.
Я малый добрый, господа!
Готовъ кутнуть... А иногда

У насъ дѣла такаго сорту,
Что все бы бросилъ, ну ихъ черту!
Вотъ хоть недавно: на ночлегъ
Пригналъ я партію. Ей богу
Усталъ. Прошелъ, хоть и не въ бѣгъ,
А все-жъ не малую дорогу.
Прилегъ. Вдругъ слышу — межъ собой,
Прикованныхъ рука съ рукой,
Бранятся двое хоть до драки.
Вскочилъ, кричу: ахъ вы собаки!
Молчать! Вотъ я васъ, дураки!
Чуть пикнете — скую васъ строже,
Въ такіе завинчу тиски... —
Эй! свѣчку! Дай взглянуть имъ въ рожи.
Пришелъ и сторожъ со свѣчей;
Смотрю — сидятъ передо мной,
Молчатъ. Одинъ — пожалуй молодъ,
Но рабъ и рыжъ; за то кулакъ
Здоровый — что желѣзный молотъ...
Другой по жиже — такъ — мозглякъ. —
Съ чего вы, чертово отродье?
А рыжій мнѣ: „Я — ничего,
Я смиренъ, ваше благородье;
Все это онъ — приструнь его.“ —
Ты что, пострѣлъ? Вишь прыть какая!
Кажись фигура не большая,
Силенки чай то ни на грошъ,
Туда же въ драку лѣзетъ тожъ!
Чего тебѣ? — Мозглякъ сварливой
Приподнялъ голову лѣниво,
И на меня онъ посмотрѣлъ
Такъ какъ то грустно, такъ уныло,
Что индо сердце защемило
И словно я оторопѣлъ.
Чего тебѣ?... его я снова
Хотѣлъ спросить весьма сурово,
Но чувствую, что голосъ мой
Сталъ будто мягче самъ собой.

А онъ въ отвѣтъ: „Къ кому хотите
Меня прикуйте, хоть къ двоимъ;
Но съ нимъ меня вы развяжите,
Мнѣ страшно — я не свыкнусь съ нимъ.“ —
Тутъ рыжій, ротъ скосивъ, нагнулся
И мелкимъ смѣхомъ усмѣхнулся.
А я стою — совсѣмъ дуракъ —
Гляжу и самъ не знаю какъ
Сказалъ: Эхъ, братецъ, жаль мнѣ право,
Но самъ я не имѣю права;
Пожди до города, скажу
Полковнику — и развяжу.
По утру, выспавшись обычно,
Подумалъ: это не спроста;
Кажись я человѣкъ привычной —
Съ чего-жъ напала доброта?
Достойно-ль это офицера?
Чего я имъ смотрѣлъ въ глаза
И не отвѣсилъ, для примѣра,
Имъ ни единаго туза?
Все это странно... Эй, ребята!
У кабака васъ угощу;
Но даромъ не бываетъ трата,
За это вотъ что съ васъ взыщу:
Разсказывай, смотри — какъ было,
Все безъ утайки, чертъ возьми!
За что въ Сибирь васъ угодило?
За что наказаны плетьми?

2.

Вотъ рыжій началъ: „Что же баринъ!
За водку буду благодаренъ,
Да и корысти нѣтъ скрывать:
Своей судьбы не миновать,
Стыдиться тоже мнѣ не сродно —
Такъ разскажу вамъ что угодно.
Я у отца былъ старшій сынъ·

Отецъ мой родомъ мѣщанинъ,
Торговлю велъ чѣмъ ни попало —
Веревки, деготь, мыло, сало —
Такъ въ городишкѣ небольшомъ
Лавченку содержалъ съ трудомъ.
Мы все бѣдняли съ каждымъ годомъ;
Не то чтобъ чай водился съ медомъ,
Спасибо скажешь, не взыщи,
За хлѣбъ да за пустыя щи.
Мы дѣти оставались босы;
Отецъ придетъ изъ кабака,
Да мать почнетъ таскать за косы
И намъ, не то чтобы слегка,
Дастъ мимоходомъ тумака.
Я росъ въ нуждѣ, въ тревогѣ дикой,
Завистливъ, золъ и плутъ великой,
И думалъ: скоро ты большой,
Такую жизнь себѣ устрой —
Чего ни спросишь — тутъ и было-бъ,
Всего бы вволю, ѣшь да пей!
Тебя тронуть никто не смѣй,
А самъ другихъ пожалуй бей,
Все ни почемъ, все съ рукъ сходило-бъ.
Вина захочешь — наливай!
Пей до упаду, дна не знай!
Закуску надо — не хлопочешь,
Идешь къ купцу, берешь что хочешь,
Звѣнишь тяжелою мошной —
Все золотой да золотой!
А у купца есть дочь-дѣвица,
Кровь съ молокомъ, и круглолица
И съ темнорусою косой...
Позвалъ — иди! и безъ запинки —
Повязку прочь, долой косынки,
Чтобъ были плечи на голо!
Гляди умильно и свѣтло,
Люби меня во чтобъ ни стало,
Съ утра и до другаго дня

Ласкай меня, цѣлуй меня —
Она-бъ меня и цѣловала
Такъ, что всего бы съ жаръ бросало.
Вотъ жизнь такъ жизнь! А это что?
Чепанъ дырявый да побои...
Добро! поплакалъ, но за то
Добьюсь же, понатѣшусь вдвое...

„Но какъ начать? Въ пятнадцать лѣтъ
Ни силы, ни умѣнья нѣтъ.
Эге! подумалъ — кладъ готовый!
Въ день улучу часокъ, другой
И шмыгъ — то къ станціи почтовой,
То къ церкви. Грязный да босой
Начну съ слезами и рыданьемъ
Копить деньжонку подаяньемъ.
Кто не знакомъ — тому какъ знать?...
Подастъ за тѣмъ, что видитъ — нищій;
А кто знакомъ — подастъ опять,
Знать у семьи молъ нѣту пищи,
Должно быть пакостный отецъ
Спился де скругу наконецъ. —
Разсчетъ не дуренъ, промышляю;
Когдажъ, случится, запоздаю —
Отцу и матери солгу;
Сестрѣ и братьямъ ни гу-гу!
Прахъ ихъ возьми! Въ судьбѣ убогой
Ползи они своей дорогой.
И сталъ я грошики на дворъ
Таскать и прятать подъ заборъ.
Недѣли шли, а толку мало,
Казны не много прибывало.
Путь длиненъ... Какъ бѣдѣ помочь?..
Вотъ и купецъ просваталъ дочь...
Что, думаю, ушла невѣста,
А съ горстью мѣди ты ни съ мѣста?
Нѣтъ! видно надобно, другъ мой,
Придумать промыселъ иной.

„У насъ въ то время, подъ горою,
Жилъ Сидоръ Карпычъ — старовѣръ,
Съ сѣдой и длинной бородою;
Крестился на иной манеръ.
Бывало лобъ наморщитъ лысый,
Очки натиснетъ и сидитъ,
Листами за полночь шурститъ
Въ старинныхъ книгахъ, словно крысы..
Чего отъ этихъ книгъ онъ ждалъ,
Какую правду въ нихъ сыскалъ?...
Богъ вѣсть! Ему оно ни мало —
Съ утра до ночи круглый годъ
Обмѣривать честныхъ господъ
И братъ съ нихъ втрое — не мѣшало.
Гдѣ можно взять — не проронитъ
Копейки даромъ, истый жидъ.
Подбился я къ нему искусно:
Я, Сидоръ Карпычъ, говорю,
И крестъ по вашему творю;
А мнѣ на бѣломъ свѣтѣ грустно,
Попамъ не вѣрю, а отецъ
Все бьетъ и раззорилъ въ конецъ.
Возьмите въ лавку! я вамъ буду
Служить какъ песъ, куда ни шло-бъ,
За кормъ да обувь — и по гробъ
Благодѣянья не забуду. —
Ну! и разжалобилъ. Купецъ
Въ сидѣльцы принялъ наконецъ.
Торгую славно на починѣ,
И тоже слушаю порой
Разсказъ — какъ чертъ кого въ пустынѣ
Смущаетъ бабой иль казной,
А тутъ же съ стороны другой
Спѣшитъ напутствовать святой.
Старикъ, въ чаду благоговѣнья,
Иной разъ плакалъ — и потомъ,
Крестяся, о земь бился лбомъ;
Я тоже — съ видомъ умиленья,

А самъ смотрю: у старика
Какъ ключь добыть отъ сундука?
Но какъ ни думалъ? — Нѣтъ, опасно!
Должно быть будетъ трудъ напрасной,
А надо съ ловкостью смекнуть —
Изъ лавки какъ бы что стянуть.
Вотъ я и началъ по немногу
(Конечно помолясь Богу)
Что день — съ продажи кое какъ
Утаивать хоть четвертакъ.
Подмѣтилъ лысый чертъ, да въ зубы:
И ты, молъ, лѣзишь въ душегубы!...
Да за воротъ, да въ часть привелъ:
Сѣчь, сѣчь тебя! А тамъ пошелъ —
Сиди хоть двадцать лѣтъ въ острогѣ. —
А я ему бултыхъ да въ ноги:
Эй, Сидоръ Карпычь, пощади!
Хоть пожалѣй лѣта младые,
Еще исправлюсь, погоди,
Авось помилуютъ святые! —
Старикъ молчитъ, но свиду золъ;
А тутъ исправникъ подошелъ,
Да такъ взглянулъ, что такъ вотъ въ душу
Насквозь и смотритъ, какъ въ стекло,
Иному-бъ просто духъ свело;
Но онъ смекнулъ, что я не трушу
И молвилъ: Карпычь, не замай!
Ты лучше мнѣ его отдай;
Исправлю, не шути со мною,
А парень выйдетъ съ головою. —
Старикъ махнулъ себѣ рукой
Да плюнулъ — и пошелъ домой.
Исправникъ далъ мнѣ въ поученье
Пинька — и принялъ въ услуженье.

„Живу и грамотѣ учусь,
Не устаю себѣ, тружусь
Какая ни была бы скука;

И скоро мнѣ далась наука:
Пишу — хоть тотчасъ въ писаря
Годился-бъ даже у царя.
Исправникъ началъ братъ въ разъѣзды;
Извѣстно — дѣло хоть куда:
У насъ огромные уѣзды
Такъ деньгу зашибешь всегда.
Идешь въ кабакъ — берешь все даромъ,
Исправнику приводишь бабъ;
По селамъ наша прыть могла-бъ
Сравниться развѣ что съ пожаромъ;
Исправникъ важный человѣкъ,
Пилъ, грабилъ, ѣлъ и сѣкъ.
А ты при немъ весь день хлопочешь,
Зо то и пользуйся чѣмъ хочешь.
Я-жъ былъ усерденъ да и лихъ,
И съ мужиковъ, и съ становыхъ —
Не брезгалъ — бралъ рубли и гривны...
Но дѣвки были мнѣ противны:
Такую дай — была-бъ точь въ точь
Какъ та купеческая дочь,
Что за мужъ отдали въ ту пору,
Какъ я былъ парень безъ призору.
Такъ вотъ она съ ума нейдетъ...
Терпи молъ, думаю — ты малый
Оно не то что безудалый,
Терпи — придетъ и твой чередъ.

„Ну! такъ годовъ прошло не мало.
Живу... всего бы доставало,
А скучно что то. Но самъ богъ
Распорядился и помогъ.
Изъ волости, у насъ съ уѣздомъ
Почти что смѣжной, къ намъ въ обѣдъ
Купецъ заѣхалъ мимоѣздомъ,
Пріятель съ самыхъ давнихъ лѣтъ.
Народъ скупой, дорогой бойкой
Самъ правитъ собственною тройкой,

Одинъ какъ шишъ, чтобъ какъ нибудь
Копейки лишней не смахнуть. —
Со стужи-ль думалъ подкрѣпиться,
Или хотѣлъ повеселиться —
Но онъ подвыпилъ . . . ну болтать;
Исправникъ началъ подливать,
Знай подавай за фляжкой фляжку;
Гляжу купецъ мой на распашку —
Разхвастался про то, про се,
Что онъ какъ баринъ, что другаго
Нѣтъ по губерніи такого,
И что плевать ему на все;
Что у него пятнадцать лавокъ
И денегъ куры не клюютъ,
Что онъ на ярмарку вдобавокъ
Съ собой теперь везетъ, вотъ тутъ,
(Рукой пощелкалъ по карману)
Запасъ не малый чистогану
И скупитъ все, на чемъ тотчасъ
Онъ рубль на рубль возметъ какъ разъ.

„Смекнулъ исправникъ. Тутъ де ближе
Дорога есть — и мнѣ сказалъ:
Ты хорошенько проводи-же,
Чтобъ онъ пути не потерялъ.
А самъ мигнулъ. Я понялъ четко.
По дѣлу, говорю, схожу,
А тамъ ихъ милость погожу
У рва за городской слободкой. —
Жду. Смерклось. Таяло слегка,
И мѣсяцъ чуть сквозь облака
Виднѣлся, и несло погодкой,
И какъ нарочно ночь была
Ни тьма, ни свѣтъ — а только мгла.
Вотъ и бубенчикъ звякнулъ въ полѣ,
Ползетъ кибитка наконецъ
И подъѣзжаетъ мой купецъ . . .
Постойте-жъ, захватите что-ли! . .

И я вскочилъ на облучекъ:
Давайте возжи, спите съ Богомъ;
Извѣстенъ здѣсь по всѣмъ дорогамъ
Мнѣ каждый пень, или сучекъ. —
Онъ тутъ же завалился съ пьяну
И по ухабамъ сталъ, сонной,
Бить о рогожу головой,
Какъ по какому барабану.
Въѣзжаемъ въ лѣсъ. Нѣтъ ни души;
Все только ельникъ длиннорукой
Кой гдѣ сучкомъ тряхнетъ въ глуши
И ссыплетъ снѣгъ... Опять ни звука.
Пустилъ я шагомъ. Тотъ все спитъ.
Я тише, тише... Тройка стала.
Онъ и не чуетъ, все храпитъ,
Не пошевельнется ни мало.
Я слѣзъ, и — кажется не трусъ —
А все чего то я боюсь.
Вотъ, шеей потною махая,
Вдругъ зазвѣнѣла пристяжная
И паръ кругомъ пошелъ какъ дымъ...
Я вздрогнулъ — и середь ухаба.
Стоялъ съ минуту недвижимъ...
Да чтоже, думаю, богъ съ нимъ —
Онъ мнѣ не сродникъ, я не баба,
Взялся — кончай! И вотъ я въ мигъ
Ему распуталъ и откинулъ
У шубы лисій воротникъ,
Свой ножъ изъ подъ рубахи вынулъ,
Да такъ по горлу имъ черкнулъ,
Что онъ не пикнулъ, не вздохнулъ.
Я опросталъ ему карманы,
Бумажникъ кожаный нашелъ,
Еще мѣшочекъ полотняный —
Онъ былъ и звонокъ и тяжелъ.
Отъ сапога и до косынки
Себя потомъ я осмотрѣлъ;
Все ладно, полушубокъ цѣлъ

И ни на чемъ нѣтъ ни кровинки;
Ножъ вымылъ на чисто о снѣгъ
И до дому пустился въ бѣгъ.
А тройка? .... Пусть бредетъ со скуки;
Наткнется на кого нибудь:
Украдетъ — съ богомъ, добрый путь!
Не то доставитъ намъ же въ руки.
Теперь уйти-бъ мнѣ одному
По дальше съ кладомъ .... Да боюся,
Исправникъ ловокъ — попадуся ....
Нѣтъ! лучше все отдамъ ему.
Домой пришелъ я до разсвѣта,
Никто меня и не видалъ —
Ну! стало крыто дѣло это ....
Исправникъ деньги сосчиталъ:
Вотъ, молвилъ, лучше всякихъ взятокъ —
И далъ тысченокъ мнѣ съ десятокъ.
Потомъ онъ слѣдствіе завелъ,
Ну! ничего и не нашелъ;
Таскались мы по всѣмъ селеньямъ
И драли тоже не слегка,
Въ острогѣ даже мужика
Держали съ годъ подъ подозрѣньемъ,
Но не дознавшись ничего
Мы отпустили и его.
Потомъ исправникъ взялъ отставку,
Купилъ деревню, самъ большой;
А я въ губерніи другой
Открылъ себѣ спокойно лавку,
И никогда меня никто
Не заподозрѣлъ ни за что.

„И шло бы дѣло по порядку,
Я торговалъ и съ барышемъ —
Какъ вдругъ однимъ безпутнымъ днемъ
Встрѣчаю бабу я — солдатку.
Судьба! Она была точь въ точь
Какъ та купеческая дочь.

Я обомлѣлъ. Знакомлюсь съ нею,
И въ лавку привожу съ собой,
Кажу товаръ: бери любой,
Все радъ отдать, не пожалѣю.
Поладить не великъ былъ трудъ,
И не прошло и двухъ минутъ —
Она мнѣ бросилась на шею.
Ну! пиръ пошелъ во всѣ концы ....
Добро, коль разъ середь недѣли
Заглянешь въ лавку; молодцы
Тамъ торговали какъ хотѣли;
У насъ все пѣсни, да вино ....
А пожилъ — хорошо оно!
Пируешь за полночь съ обѣда
И спи пожалуй до полдня;
Тамъ гости, смѣхи, да бесѣда ....
Она бывала у меня
Подвыпьетъ, разгорятся щеки,
Затѣетъ пляску, руки въ боки,
Распуститъ косы изъ подъ лентъ,
На сарафанѣ позументъ
Горитъ какъ искры издалече,
Рубашка бѣлая дрожитъ,
Такъ все и ходитъ — грудь и плечи,
И только полъ подъ ней трещитъ.
Когда же гости разойдутся ....
Да что объ этомъ толковать!
Вотъ какъ припомнишь все опять —
Такъ вотъ всѣ жилки и забьются,
На волю хочется рвануться.
А какже княжески тогда
Я разодѣлъ ее злодѣйку,
Припасъ ей къ зимѣ дужегрѣйку —
Все шелкъ да соболь — хоть куда!
Да какъ пустились на буланой
На тройкѣ съ сбруей серебряной,
Пошли по городу катать,
Да звонко пѣсни распѣвать —

Такъ индо баринъ разъ, усатый,
Остановился, шапку снялъ,
Да такъ то ею замахалъ,
Кричитъ: знай нашихъ; ай да хваты! —

„Да! хорошо, а пожилъ я....
Какъ прахъ по вѣтру все пропало,
Въ годъ не хватило капитала
И лавка рухнулась моя.
А какъ она лишь увидала,
Что у меня нѣтъ ничего,
Она тотчасъ и убѣжала,
И я остался безъ всего,
Безъ денегъ, безъ вина, безъ бабы....
Глядѣлъ сердито, самъ не свой,
Подумалъ думу день-другой;
А силы, чувствую, не слабы,
Взялъ ножъ, да въ лѣсъ, да и давай —
Будь кто пѣшкомъ иль въ экипажѣ,
А отъ меня не ускользай
И поплатись на всей поклажей.
Въ Сибирь и угодилъ теперь,
Иду въ цѣпяхъ какъ лютый звѣрь;
Но разшибу еще я цѣпи,
Урвусь — въ лѣса ли или степи,
А вамъ меня не удержать....
И бабу отыщу опять
И заживу, во чтобъ ни стало,
Опять не хуже генерала.
Ну! вотъ и все — повѣрь на честь;
Теперь и надобно поднесть.“

3.

Покончилъ рыжій. Два три раза
Онъ оживалъ въ пыли разсказа,
Сжималъ кулакъ и станомъ росъ,
Широко раздувался носъ,

Глазенки дерзкіе сверкали,
Блѣднѣли губы и дрожали;
А тутъ — гляжу я на него —
Опять молчитъ лицо рябое,
Не разгадаешь ничего;
Что въ немъ сидитъ? что онъ такое?
Лукавъ и скрытенъ, или такъ —
Не то уменъ, не то простакъ?
Поднесть, я говорю, признаться
Я поднесу, хоть и не радъ;
А сдамъ тебя охотно, братъ,
И дай богъ больше не встрѣчаться.

Ну! ты мозглякъ, не бось, впередъ!
Разсказывай, знай свой чередъ.
Мозглякъ поникнулъ головою
И началъ тихо, будто онъ
Какой-то длинный, страшный сонъ
Припоминаетъ самъ съ собою:

4.

„Въ господской дворнѣ я рожденъ.
Середь села нашъ флигель старый
Доселѣ — низенькой, поджарый —
Стоитъ подпертъ со всѣхъ сторонъ.
Отца не помню. Помню смутно
Какъ умеръ онъ, какъ безпріютно
Осталась наша вся семья.
А тамъ и мать пошла къ покою
И я остался сиротою.
Вотъ барыня велѣла взять
Въ хоромы — съ барченкомъ играть.
Въ ту пору мнѣ лѣтъ восемь было,
Меня одѣли казачкомъ,
И мнѣ мальчишкѣ сильно льстило,
Что поступилъ въ господской домъ.
А барыня была богата;

За чѣмъ въ деревнѣ все жила
Какъ знать! Скупа-ль она была;
Пугала-ль городская трата,
Иль нашихъ мѣстъ, глухихъ сторонъ
За тѣмъ покинуть не хотѣла,
Что мужъ ея тутъ схороненъ,
Не знаю хорошенько дѣла.
А думаю — пришлося ей
Такъ по нутру: живетъ, хлопочетъ,
Заводитъ тысячу затѣй
И дѣлаетъ себѣ что хочетъ;
Чего-же больше? Лучше встарь
Пожалуй не жилъ самый царь.
А барченка она любила....
Ужъ сколько было съ нимъ тревогъ!
Бывало дня не проходило —
Всѣ няньки пособьются съ ногъ.
То не тепло его одѣли,
То напоили холодно,
То дать варенья пожалѣли,
То окормить его хотѣли
Всѣ сговоряся за одно —
И то не такъ, и то не кстати,
И крикъ, и брань, и бѣготня,
То есть покою нѣтъ ни дня.
А вскочитъ прыщикъ у дитяти —
Бѣда! За докторомъ скорѣй
Шлютъ въ городъ барскихъ лошадей,
Да черезъ часъ, боясь погоды,
Чтобъ докторъ запоздать не могъ
Плутая въ ночь середь дорогъ,
Шлютъ двѣ ужицкія подводы.
А барченокъ со мной, межъ тѣмъ
Какъ барыня ворчитъ и плачетъ,
По стульямъ беззаботно скачетъ
Да и смѣется надо всѣмъ.
„Почти мы были однолѣтки,
И хоть я чувствовалъ порой,

Что все-жъ онъ властенъ надо мной,
Но ссоры между нами рѣдки
Бывали въ дѣтскіе года;
Все за одно мы съ нимъ шалили
И, признаюся я, тогда
Другъ друга даже мы любили.
Прошло безъ малаго лѣтъ пять,
Рѣшила барыня, что нужно
Сынка наукамъ обучать,
А что самой ей не досужно
И мало учена притомъ....
И вотъ Француза взяли въ домъ.
Французъ былъ просто плутъ, пройдоха;
Учился баринъ больно плохо,
А онъ твердитъ полу-шутя:
Вашъ сынъ чудесное дитя!
А самъ все вьется вкругъ застоленъ
За дѣвками — въ замѣнъ наукъ....
И такъ былъ баринъ своеволенъ,
Тутъ вовсе выбился изъ рукъ;
Такой сталъ мальчикъ прихотливой,
Не золъ, а какъ то свысока
И мнѣ подъ часъ нетерпѣливо
Не въ шутку скажетъ дурака.
Ну!.... наше дѣло подначальное,
А все же.... вмѣстѣ мы росли —
И становилось индо больно.
А годы исподволь все шли,
Шестнадцать лѣтъ подкрались тихо:
Великъ сталъ баринъ, смотритъ лихо,
Хочу де въ полкъ, пора служить....
Старуха барыня тужитъ:
У насъ де онъ такой смиренной,
А тамъ убьютъ де непремѣнно....
Но ни слезами, ни мольбой
Разтроганъ не былъ баринъ мой.
За что терять младыя лѣты?
Давай коня да эполеты!

Мундиромъ бредитъ на яву.
Смирилась мать. Хотъ годы стары —
Для сына, говоритъ, живу.
Французъ отправился въ Москву,
А мы отправились въ гусары.

„Служилъ мой баринъ года два,
Но службой занятъ былъ едва.
Кутилъ все время; денегъ много —
Ну, жилъ, какъ всякій, на примѣръ,
Живетъ богатый офицеръ.
Солдатъ своихъ держалъ не строго,
То ихъ поитъ и вмѣстѣ пьетъ,
То разкричится и побьетъ,
Такъ — сдуру, только для угрозы,
Чтобъ знали: властенъ де и я!
Случалось — треснетъ и меня,
А тамъ обниметъ, да и въ слезы:
Алеша! я и самъ не радъ,
Прости меня, я виноватъ.
Какъ ни досадно, какъ ни стыдно,
Смолчишь, простишь — хотъ и обидно.

„Но вотъ случись — старуха-мать
Въ успенье ѣздила къ обѣднѣ;
Вернулась — ни души въ передней,
Ну! и пошла она кричать.
Дворѣцкій прибѣжалъ въ испугѣ . . . .
А! ты мирвотлить сталъ прислугѣ! . . . .
Да такъ взвела себя во гнѣвъ,
Что, покраснѣвъ и посинѣвъ,
Упала на полъ, разтянулась,
Да вѣчнымъ сномъ и задохнулась.
Прикащикъ тотчасъ пишетъ къ намъ:
Знать Богу такъ угодно стало —
Скончались маменька. Но вамъ
Пріѣхать къ намъ бы не мѣшало;
Я радъ служитъ вамъ до конца,

Но жить не льзя намъ безъ отца.
А баринъ мнѣ кричитъ: Алеша!
Пиши на почту поскорѣй:
Спустилъ все въ карты, нѣтъ ни гроша,
Пусть денегъ вышлетъ мнѣ, злодѣй!....
Пождали денегъ три недѣли,
Тамъ и поѣхали домой.
Ну! по пріѣздѣ баринъ мой
Сперва о маменькѣ жалѣли,
Потомъ соскучились они,
Нашли, что долго идутъ дни
И въ полкъ вернуться захотѣли.
Да нравъ то шатокъ былъ у нихъ....
Сосѣдъ подбился къ намъ въ ту пору
И продалъ барину — борзыхъ
Собаки три, да гончихъ свору.
Пошла охота цѣлый день;
Съ утра мой баринъ въ полѣ чистомъ
Верхомъ чрезъ кочку, ровъ и пень
Летятъ съ атуканьемъ и свистомъ.
А тамъ извѣстно — вечеркомъ
Пошелъ кутежъ, и къ намъ бывало
Гостей сбиралось полонъ домъ,
Все ѣло, пило, ночевало.
А тамъ, гляжу я, баринъ мой
Совсѣмъ въ деревнѣ обжился
И волокитствомъ занялся —
Потѣшить возрастъ молодой....
Я до собакъ былъ не пристрастенъ,
Ни до гостей, ни до проказъ —
Но что-же дѣлать? Я подвластенъ
И волѣ барской не указъ;
Велятъ посводничать — работай
Равно неволей, иль охотой.
Сперва — обычно у господъ —
Дворовыхъ дѣвокъ шелъ чередъ;
А тамъ — какъ все понадоѣло —
Пошло смѣлѣй: мужикъ де рабъ,

Все стерпитъ молча; ну! такъ дѣло
Дошло и до крестьянскихъ бабъ.
А я то барину въ подмогу —
По глупости, (а то съ чего-бъ?)
Народу въ скорбь, въ противность богу,
Служилъ съ усердьемъ, какъ холопъ!....

„Но вотъ и отпускъ былъ просроченъ,
И мысль на барина нашла,
Что въ полкъ имъ хочется не очень,
Да не пускаютъ и дѣла;
Хозяйства не свырнешь подъ лавку,
И что за служба, что за спѣсь?....
И лучше ужь остаться здѣсь.... ,
Ну! мы и подали въ отставку,
И можно было угадать,
Что намъ въ деревнѣ вѣковать.

„Одна изъ дѣвушекъ успѣла
Отъ барской прихоти уйти;
Изъ дворни, изо всей почти,
Она одна и уцѣлѣла.
По случаю: ея отецъ —
Дворѣцкій барыни покойной —
Просилъ, какъ милость наконецъ,
Оставить дѣвку жить пристойно,
И тронулъ барина слегка,
И пощадилъ онъ старика.
И то спасибо — безъ печали
Хоть дни дѣвичьи миновали!....
И дѣвка — впрямь — умна, мила,
Не хуже барышни была;
Домашній бытъ вела исправно,
Одѣта скромно, ходитъ плавно,
И пѣсни — то есть такъ поетъ,
До слезъ всю душу надорветъ.
Въ нее я подлинно влюбился,
Да вижу — и она не прочь,

Согласны и отецъ и дочь;
Пошелъ я къ барину, спросился,
И баринъ, къ радости моей,
Тотчасъ мнѣ свадьбу разрѣшили
И подарили сто рублей
И одразомъ благословили.
И былъ я счастливъ, счастливъ .... да!
Какъ не бываетъ никогда
Нашъ братъ .... Хоть мы и не злодѣи,
А все же низкіе лакеи —
Не надо-бъ чувствовать совсѣмъ,
Знать рождены мы не за тѣмъ! ....
„Зима прошла быстрѣй минуты,
И снегъ сошелъ, пришла весна,
Но и сыра и холодна.
Вдругъ занемогъ отецъ Авюты,
Все боль стояла въ головѣ,
Помаялся недѣльки двѣ —
И умеръ. Плакали мы много,
Старикъ хорошій былъ у насъ,
И сердцемъ добръ, и жизни строгой,
И за обѣдней каждый разъ,
И по постамъ, и въ воскресенье,
Протяжно — всѣмъ на удивленье —
Апостола, надѣвъ очки,
Читалъ по лучше чѣмъ дьячки.
И такъ по немъ намъ горько стало,
Такъ намъ его недоставало,
Какъ будто что то съ нимъ ушло,
Какъ будто счастье все прошло.
И впрямь прошло! Случился къ лѣту
Въ судьбѣ на худо поворотъ:
Меня сталъ баринъ гнать со свѣту,
Бранится, только что не бьетъ;
Пошло все на иную ногу,
Что день сердитѣй баринъ мой ...
Вотъ замѣчаю по немногу —
Смѣются люди надо мной,

За что про что — и самъ не знаю,
И ничего не понимаю.
И вижу я — моя жена
Со мною странно холодна;
Приходишь днемъ — она уходитъ
И даже рѣчи не заводитъ,
Приходишь ночью — все молчитъ,
Или прикинется что спитъ.
Частенько плачетъ втихомолку,
Худѣетъ такъ что страхъ взглянуть;
А спросишь — не добьешься толку:
Я де не плакала ни чуть ...

„Мнѣ становилось не въ терпѣнье
Дай — разомъ порѣшу сомнѣнье,
И говорю, пришедъ домой:
Анюта! что ты — Богъ съ тобой —
За что меня ты будто гонишь
И отъ себя меня сторонишь?
Повиненъ въ чемъ — я не солгу,
А эдакъ жить я не могу. —
Она мнѣ бросилась на шею:
Алеша! и сказать не смѣю!
Ты знаешь какъ тебя люблю —
Оставь, оставь меня, мой милый!
Боюсь — тебя я погублю ...
Меня взялъ баринъ, взялъ онъ силой
(Въ ту ночь — ты помнишь уѣзжалъ,
Тебя онъ въ городъ посылалъ...)
Да говоритъ: Смотри, Анютка,
Не смѣй ты быть женой его;
Но чтобъ не зналъ онъ ничего,
А свѣдаетъ — да хоть бы шуткой
Съ сердцовъ перечить мнѣ начнетъ,
Ну! это знай ты напередъ,
И плачь не плачь, а жди тогда ты —
Какъ разъ отдамъ его въ солдаты,
Иль въ домъ рабочій упеку,

Иль вовсе на смерть засѣку. —
Алеша! я его, злодѣя,
Смерть ненавижу — ты повѣрь,
И мнѣ противенъ онъ какъ звѣрь;
Но каплю жалости имѣя
Къ моей судьбѣ, молю тебя —
Не погуби ты самъ себя!

„Стою я — точно какъ испугомъ
Къ землѣ приковавъ. Боже мой!
Такъ голова и ходитъ кругомъ...,
Смотрю: Анюта предо мной
Блѣдна, какъ мертвая какая,
И плачетъ, изрѣдка рыдая.
Я крѣпко вдругъ ее прижалъ
Къ моей груди — и побѣжалъ....
И чувствую, что весь сгораю,
Тоска, и злоба, и печаль
Такъ вотъ меня и гонятъ въ даль,
Иду — куда и самъ не знаю.
Прошелъ село. Вотъ въ сторонѣ
Кладбище въ поздней тишинѣ.
Иду — какъ Каинъ окаянный....
Вотъ знаю мѣсто — крестъ стоитъ
Полусогнившій, деревянный,
Тутъ мой отецъ въ гробу зарытъ,
А возлѣ мать. Я поклонился,
Задумался, перекрестился,
На землю у креста припалъ
И горько, горько зарыдалъ.
Отецъ родной и мать родная!
Простите мнѣ — съ ума схожу!
Я-ль виноватъ, иль доля злая —
Но я его не пощажу:
Убью его, не пожалѣя,
Какъ вошь, какъ гадину, какъ змѣя.
Молитесь за душу мою!
Мое невольно преступленье —

Молитесь за душу мою!
Авось Господь пошлетъ прощенье.
Не помню долго-ли лежалъ
Я надъ могилами родными,
Но помню, что когда я всталъ,
Въ послѣдній разъ простился съ ними
И оглядѣлся — ночь была
И молчалива и свѣтла,
И стало на сердцѣ потише,
Какъ будто, сжалясь, кто-то мнѣ
Благословенье подалъ свыше,
И я забылся какъ во снѣ.....
Но вдругъ опять, какъ звѣрь, очнулся —
Нѣтъ! говорю, ужъ такъ и быть,
Судьбы никакъ не измѣнить —
И быстрымъ шагомъ вспять пустился.

„Вхожу на кухню. Вдоль стола
Нашъ поваръ спитъ точь въ точь убитый,
Полштофъ тутъ возлѣ недопитый.
Я допилъ. Съ печки изъ угла
Досталъ, пошаривъ, ножъ забытый,
И робко поглядѣлъ кругомъ —
И побѣжалъ въ господской домъ.
Все спитъ. Иду по тусклой залѣ,
Двѣ половицы затрещали;
Дрожитъ въ гостинной свѣтъ и тѣнь
И мѣсяцъ ясенъ словно день.
Иду какъ воръ. Вотъ спальня. Ноги
Въ колѣнахъ гнутся отъ тревоги,
И сердце бьется и стучитъ,
Едва дыши, въ ушахъ шумитъ...
Я отперъ дверь: лежитъ сердечной
И разметался, спитъ безпечно.
Свѣча горитъ. Изъ сонныхъ рукъ
Упалъ черешневый чубукъ...
Кажись — что усъ пошевельнулся,
Боюсь я какъ бы не проснулся —

И вдругъ, съ разбѣгу, что есть силъ
Я въ брюхо ножъ ему всадилъ.
Онъ страшно вскрикнулъ — дикій голосъ —
Привсталъ весь блѣдный, дыбомъ волосъ,
И что-то онъ хотѣлъ сказать,
Но покатился на кровать,
Вздохнулъ и умеръ. Въ домѣ цѣломъ
Все спало тѣмъ-же крѣпкимъ сномъ,
А я, какъ вкопанный, съ ножемъ
Одинъ стоялъ надъ мертвымъ тѣломъ.
Еще красна, еще тепла
Кровь на ножѣ моемъ была,
Гляжу — все смутно въ мысляхъ бродитъ,
Всего такъ знобомъ и поводитъ;
Я ножъ мой на полъ отшвырнулъ
И вышелъ изъ дому. Свѣтало,
На встрѣчу воздухъ мнѣ пахнулъ
И въ головѣ яснѣе стало...
Куда идти?... Э! все равно,
Такъ видно богомъ рѣшено.
Пошелъ къ прикащику всѣхъ мимо:
Вставай! — Что, что? — Да ничего,
Сей часъ зарѣзалъ я его. —
Кого? — Да барина, вѣстимо. —
Алеша! что ты? что съ тобой?
Въ умѣ-ли ты? Бѣги скорѣе! —
Не убѣгу я, братецъ мой,
Останусь мертваго смирнѣе.
Теперь и дѣло не о томъ,
Теперь мнѣ все ужъ ни почемъ;
На прочихъ не было-бъ гоненья —
За становымъ безъ замедленья,
Сей часъ же ѣхать прикажи.
А обо мнѣ ты не тужи!
Я кончилъ. Жизнь мнѣ не отрада,
Пусть будетъ то, чему быть надо.
„Сижу. Совсѣмъ ужъ разсвѣло,
Все такъ красиво и свѣтло...

А въ домѣ поднялись тревоги,
Какъ? что?... и всѣ ко мнѣ спѣшатъ
И какъ на чучелу глядятъ.
Жена пришла. Упала въ ноги:
Алеша! говоритъ, любя
Совсѣмъ сгубила я тебя!
Ее я обнялъ. Сердце ныло —
Заплакалъ я. — Чтобъ тамъ ни было,
А ты иди себѣ домой,
Прости меня, господь съ тобой!

„Пріѣхалъ становой. Сурово
Распорядился всѣмъ какъ могъ;
Потомъ свезли меня въ острогъ...
А остальное вамъ не ново. —
Подъ часъ и барина мнѣ жаль,
Какъ вспомнишь, какъ дѣтьми мы были,
Рѣзвились вмѣстѣ и шалили...
А пуще все томитъ печаль:
Жена ко мнѣ придетъ-ли въ ссылку?
Иль я одинъ сойду въ могилку?...
А впрочемъ — пусть другой возметъ,
Авось ей счастье богъ пошлетъ!“

4.

Мозглякъ замолкъ. Я вижу — слезы;
Конечно тутъ не до угрозы!
Что мнѣ еще его терзать?
И приказалъ я разковать.
Авось ли самъ за состраданье
Не попадусь подъ наказанье!
И средство есть: придешь — отдай
Съ харчей полковнику свой пай —
И помиримся съ нимъ на этомъ.

Полковникъ, точно, деньги взялъ,
Подернулъ лѣвымъ эполетомъ

И дружелюбно мнѣ сказалъ:
„Ты молодъ, на умѣ все шалость,
А поживешь — забудешь жалость.“ —
И былъ по прежнему хорошъ...
Мнѣ, вправду, дорогъ каждый грошъ,
Но тутъ дѣла такого сорту,
Что все бы отдалъ — ну ихъ къ чорту!
Да бѣдность, бѣдность — вотъ бѣда...
Ну — такъ кутнемте, господа!

Н. Огаревъ.

Сашка.

Къ цитателямъ.

Не для славы —
Для забавы
Я пишу!

Одобренья
И презрѣнья
Не прошу!

Пусть кто хочетъ
Тотъ хохочетъ,
Я и радъ!

А развратенъ
Непріятенъ —
Пусть бранятъ.

Часть Первая.

I.

Мой дядя человѣкъ сердитый
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто:
Его немного я люблю!
Онъ чортъ когда разгорячится,
Дрожитъ какъ пустится кричать,
Но жаръ въ минуту охладится
И тихъ мой дядюшка опять!
За то какая же мнѣ скука,
Весь день въ гостинной при немъ быть,
Какая тягостная мука,
Лишь о походахъ говорить.

II.

Супругѣ строить комплименты,
Платочки съ полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Дѣтей въ колясочкѣ катать,
Точить имъ сказочки да лясы,
Водить въ саду въ день раза три,
И строить разныя гримасы,
Бормоча: „Чортъ васъ побери!“
Такъ растянувшись на телегѣ
Студентъ Московскій размышлялъ,
Когда въ ночномъ изъ ней побѣгѣ
Онъ къ дядѣ въ Питеръ поскакалъ.

III.

Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ!
Его фамилія Полежаевъ,
А дальше... эхъ, друзья, не вдругъ!
Я парень и безъ васъ болтливый,
Лишь только-бъ васъ не усыпить,

А то, внимайте терпѣливо:
Я радъ весь вѣкъ свой говорить!
Быть можетъ Пенза, городишко
Несноснѣе Зарайска, нѣтъ —
Подъ нимъ есть малое селишко*)
И тамъ мой другъ увидѣлъ свѣтъ.

IV.

Нельзя сказать, чтобы богато
Иль бѣдно жилъ его отецъ,
Но все довольно торовато,
Что промотался наконецъ.
Но это прочь! отцу быть можно
Такимъ сякимъ и разсякимъ;
Намъ говорить объ сынѣ должно:
Посмотримъ вышелъ онъ какимъ.
Какъ быстро съ горъ весенни воды
Въ долины злачныя текутъ,
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ годы
Его младенчества пройдутъ!

V.

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ,
И первый Сашеньки учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ Французскомъ Соломонъ,
И что дитя болталъ исправно
Jean f....., un v.., un c..;
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шестъ лѣтъ онъ барыню игралъ
И что въ похабствахъ, бабкахъ, свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ.

---

*) Покрышкино, имѣнье Струйскихъ, близъ Саранска.

VI.

Вотъ Сашѣ десять лѣтъ пробило,
И началъ папенька судить,
Что не весьма бы худо было
Его другому поучить.
Бичь хлопнулъ! тройка быстрыхъ коней
Въ Москву и день и ночь летитъ
И у француза въ пансіонѣ
Шалунъ за книгою сидитъ.
Я думаю, что всѣмъ извѣстно,
Что значитъ модный пансіонъ —
И такъ не многимъ будетъ лестно
Узнать чему учился онъ.

VII.

Должно быть кой-чему учился,
Иль выучилъ онъ на алтынъ,
Когда достойнымъ учинился
Носить студента знатный чинъ!
О! родины прямыхъ студентовъ
Гетингенъ, Вильно и Оксфордъ,
У васъ не можетъ брать патентовъ
Дуракъ, алтынникъ или скотъ:
У васъ не можетъ колокольный
Звонарь на лекціи сидѣть,
Вертѣться въ шляпѣ треугольной
И шпагу при бедрѣ имѣть!

VIII.

У васъ не вздумаетъ мальчишка
Шипѣть, надувшись: я студентъ!
Вы судите, пусть онъ князишка,
Да въ немъ ума ни капли нѣтъ!
У васъ студентъ есть мужъ почтенный,
А не паршивый, не соплякъ,
Не пол-умишко просвѣщенный
И не съ червонцами дуракъ!

У васъ таланты въ уваженьи
А не поклоны въ трехъ верстахъ,
У васъ заслугамъ награжденье,
А не привѣтствіе въ сѣняхъ!

IX.

Не ректоръ духомъ вашимъ править,
Природный умъ вамъ кажетъ путь,
И онъ вамъ честь и чинъ доставитъ
А не нельзя ли какъ нибудь!
Но ты козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цѣпями,
Отчизна глупая моя!
Когда настанетъ тебѣ время
Очнуться въ дикости своей?
Когда ты свергнешь съ себя бремя
Своихъ презрѣнныхъ палачей?

X.

Но что?... гдѣ я?... куда сокрылся
Вниманья нашего предметъ?...
Ахъ, господа, какъ я забылся?
Я самъ и русскій и студентъ!...
Но это прочь. Вотъ въ вицъ-мундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ красотками въ трактирѣ,
Какой то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ,
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ!

XI.

Кричитъ... пунишъ блещетъ, брызжетъ пиво,
Графины, рюмки дребезжатъ!
И вкругъ гуляки молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ!

Махнулъ и бубны зазвучали,
Какъ громъ по тучамъ прокатилъ,
И крикъ цыганской шали
Трактира своды огласилъ!
И дикій вопль и восклицанье
Согласны съ пылкою душой
И палъ студентъ въ очарованьи
На перси дѣвы молодой.

XII.

Ктожъ сей во славѣ буйной зримый,
Младой роскошный эпикуръ?
Царицей паѳоса любимый,
Средь нимфъ увѣнчанный амуръ?
Друзья, никакъ не можетъ статься,
Чтобъ всякій вдругъ не отгадалъ,
И мнѣ пришлось бы извиняться
За чѣмъ я прежде не сказалъ!
Ахъ, мигъ счастливый, быстротечный
Волшебныхъ, юношескихъ лѣтъ!
Блаженъ кто въ радости сердечной
Тебя сорвалъ какъ вешній цвѣтъ.

XIII.

Блаженъ кто слезъ ручей горючій
Рукой Анюты утиралъ!
Блаженъ кто жизни путь колючій
Виномъ отраднымъ поливалъ!
Пустъ смотритъ Гераклитъ плачевный,
Съ улыбкой жалкой на тебя,
Но ты блаженъ, о другъ мой милый,
Забывъ въ весельи самъ себя!
Отринемъ, свергнемъ съ себя бремя
Старинныхъ, умственныхъ цѣпей,
Которыхъ гибельное время
Еще щадитъ до нашихъ дней!

XIV.

Хорошъ философъ былъ Сенека,
Еще умнѣй — Платонъ мудрецъ!
Но черезъ два или три вѣка
Они, ей-ей не образецъ!
И въ тѣхъ и въ новыхъ шарлатанахъ
Лишь сборъ нелѣпостей однихъ;
Да и весь свѣтъ нашъ на обманахъ
Или духовныхъ иль мірскихъ ——
Но полно, я заговорился.
А какъ мой Саша пировать
Съ бл...ми въ трактирѣ научился
Я и забылъ вамъ разсказать.

XV.

Не знаю я, природный
Умишка маленькій въ немъ былъ,
Иль пансіонъ учено-модный
Его лозами поселилъ;
Но лишь учась тому, другому,
Онъ кое-что перенималъ,
И словъ не тратя по пустому
Кой въ чемъ довольно успѣвалъ.
Могъ изъясняться по французски
И по нѣмецки лепетать —
А что касается по русски,
То даже риѳмы сталъ кропать!

XVI.

Хоть математикѣ учиться
Охоты вовсе не имѣлъ,
Но поколоться, порубиться
Съ лихимъ гусаромъ не робѣлъ!
Онъ зналъ науки и другія
Но это болѣе любилъ...
Ну вѣдь нельзя сказать, драгіе,
Сказать, чтобъ онъ невѣжда былъ!

Притомъ же, правду матку молвить,
Уменъ — не то что не ученъ,
Иной куда гораздъ какъ спорить —
Переученъ — а не уменъ!

XVII.

По моему семинариста
Хоть разучи, Богъ знаетъ какъ,
Строка въ строку Евангелиста
Прочтетъ на память — а дуракъ!
Я для того здѣсь объ ученыхъ
И умныхъ началъ разсуждать,
Что мнѣ не хочется объ оныхъ
И объ наукахъ разсуждать!
И такъ ни слова объ наукахъ.
Черты характера его:
Свободы въ мысляхъ и поступкахъ
Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой
Ни лицемѣрія ханжей!
О, жажда вольности строптивой,
И необузданность страстей!
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И тлѣть враждой закоренѣлой
Къ мохнатымъ моськамъ въ хомутахъ.

XVIII.

Онъ ихъ терпѣть не могъ до смерти
И въ метафизику его
Никто, ни ангелы, ни черти,
Ни обѣ бл..и, ничего —
Ни такъ, ни эдакъ не входили.
И какъ ученый мужъ Платонъ
Его съ Сократомъ не учили,
Чтобъ Іисусу вѣрилъ онъ,
Онъ ничему тому не вѣритъ,
„Все это сказки,“ говоритъ.

. . . . . .
. . . . . .
Я для того распространяюсь
Объ столь божественныхъ вещахъ,
Что Сашу выказать стараюсь
Какъ самаго во всѣхъ мѣстахъ,
Чтобъ знали всѣ его, какъ должно,
Со всѣхъ сторонъ: хорошей и худой;
Да и клянусь, ей-ей, не ложно,
Онъ скажетъ самъ, что онъ такой.
Конечно многимъ не по вкусу
Такой удалый сорванецъ;
Но, хоть не вѣритъ онъ Іисусу,
А право добрый молодецъ!

XIX.

Вотъ все, чему онъ научился —
Свидѣтель Университетъ!
Хотябъ Рафаэль самъ трудился
Не лучшебъ снялъ съ него портретъ.
Теперь — какими же судьбами,
Меня вы спросите опять,
Сидитъ въ трактирѣ онъ съ бл....и,
Извольте слушать и молчать.
Рожденный пылкимъ отъ природы,
Не долго былъ онъ средь оковъ;
Искалъ онъ буйственной свободы
И сталъ свободнымъ, былъ таковъ!

XX.

Какъ вихрь иль конь мятежный въ полѣ,
Летитъ въ свирѣпости своей,
Такъ въ первый разъ его на волѣ
Узрѣлъ я въ пламени страстей!
Ни вы — театры, маскарады,
Ни дамъ московскихъ лучшій цвѣтъ,
Ни петиметрскіе наряды,
Не были думъ его предметъ.

Нѣтъ не такихъ мой Саша правилъ,
Онъ не былъ, отъ роду, бонтонъ,
И не туда совсѣмъ направилъ
Полетъ орлиный, быстрый онъ.

XXI.

Туда, гдѣ шумное веселье,
Въ роякъ неистовыхъ кипитъ,
Отколь всѣ свѣта принужденья
И скромность ложная бѣжитъ!
Туда, гдѣ Бахусъ полу-пьяный
Объ руку съ Момусомъ сидитъ,
И, съ сладострастною Діаной,
Разнѣжась юноша шалитъ!
Туда, туда всегда стремились
Всѣ мысли друга моего,
И Вакхъ, и Момусъ веселились,
Принявъ въ товарищи его.

XXII.

Въ его пирахъ не проливалось,
Ни Донъ, ни Реинъ, ни Токай,
Но сильно, сильно разливалось
Иль пуншъ, иль грозный сивалдай!
Ахъ! время, времячко лихое!
Тебя опять не наживу,
Когда бывало, съ Сашей двое,
Вверхъ дномъ, мы ставили Москву!
Пока я живъ на свѣтѣ буду,
Въ какихъ бы ни былъ я мѣстахъ,
Нѣтъ, никогда не позабуду
О нашихъ буйственныхъ дѣлахъ!

XXIII.

Деру завѣсу темной нощи
Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней
И вижу: въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей!

Фуражки, взоры и походка —
Всё дышетъ жизнію, поетъ;
Табакъ, рыготина и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ!
Идемъ, качаясь величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
И дѣвки, въ лѣво и на право,
Отъ насъ, со трепетомъ бѣгутъ.

XXIV.

Идемъ... и горе тебѣ, дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ!
„Молчать,“ кричимъ насупясь звѣрски,
„Иль выбьемъ потроха какъ разъ!
Толпа бл...й, иль дѣвъ стыдливыхъ,
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ, щупаемъ смазливыхъ
И харкаемъ въ глаза каргамъ!
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ,
Пусть, дураки на насъ глядятъ!
Намъ все равно; хвалы не ищемъ,
Пусть, что угодно говорятъ!

XXV.

Но вотъ, темнѣе и темнѣе;
Народъ разбрелся по домамъ.
„Извощикъ!“ — Здѣсь сударь! — „Живѣе
Пошелъ на Срѣтенку къ бл....ъ.“
— Ну-ну! и дрожки затрещали;
Летимъ — Москва, летимъ и вотъ,
Къ знакомымъ дѣвкамъ прискакали,
Запоръ сломали у воротъ,
Идемъ, по матерну ругаясь,
Въ разстёжку банты на штанахъ,
И, боязливо извиняясь,
Намъ свѣтитъ бандерша въ сѣняхъ.

XXVI.

„Мнѣ Танька, а тебѣ Анюта,“
Скосившись, Саша говоритъ.
Неоцѣнимая минута,
Тебя никто не изъяснитъ!
Пріапъ, Пріапъ! плещи м...ми!
Тебя достойный ѳиміамъ,
Твоими вѣрными сынами,
Теперь вскурится къ облакамъ.
О! онанисты, мезогины!
Вамъ слова два теперь скажу,
Какой божественной картины
Вамъ легкій абрисъ покажу!

XXVII.

Растянута, полувоздушна,
Калипсо юная лежитъ,
Е...ѣ грозному послушна,
Она и млѣетъ и дрожитъ.
Одна нога коснулась полу,
Другая, нѣжно на отлетъ,
Одна рука спустилась долу,
Другая, къ персямъ друга жметъ.
И вьется ж....ю атласной,
И изгибается кольцомъ,
И изнываетъ сладострастно
Въ томленьи пылкомъ и живомъ.

XXVIII.

Нѣтъ, нѣтъ! и абрисъ не возможно
Такой картины начертать!
Чтобъ это чествовать, то должно,
Самимъ собою испытать.
Но вотъ, подъ гибкими перстами,
Поетъ гитара, контро-басъ,
И по козлиному, съ б....и,
Прекрасный сочинился вальсъ.

Возись! Пуншъ блещетъ, брызжетъ пиво,
Полштофы съ рюмками летятъ,
А колокольчикъ не сонливой
Ужъ бьетъ заутренній набатъ.

XXIX.

Вотъ тѣ, которые въ бордели
Ночь въ снѣ и пьянствѣ провели,
Покинувъ мягкія постели,
Домой, въ пуху и въ пятнахъ шли.
Дымъ каждую туманилъ кровлю;
Ползи ерыги къ кабакамъ,
Мохнатыхъ полчища — на ловлю,
И шайки нищихъ тамъ и сямъ.
Прощайте-жъ, милыя красотки!
Теперь намъ нечего зѣвать —
И такъ, допивъ остатокъ водки,
Пошли домой мы съ Сашей спать.

XXX.

Ахъ, много, много мы шалили!
Быть можетъ, пошалимъ опять,
И много, много старой были
Друзьямъ найдется разсказать.
Во славу университета,
Какъ будто вижу я теперь,
Осаду нашу комитета:
Вотъ Саша мой стучится въ дверь...
„Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ?“
Оттуда голосъ закричалъ;
„Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ —“
Сердито Саша отвѣчалъ.

XXXI.

Сказавъ, какъ вихорь устремился
И дверь низверглася съ крючкомъ,
И заревѣвши, покатился
Лакей съ желѣзнымъ фонаремъ.

Се ты! о, Сомовъ незабвенный!
Твоею мощной пятерней
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой.
Какъ лютой волкъ, стремится Саша
На дѣву блѣдную одну
И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью, на полу.

XXXII.

Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно у.....ъ дѣвъ!
И вдругъ, огнями освѣтился
Пространный комитета дворъ,
И съ кучерами, появился
Свирѣпыхъ буфелей дозоръ.
„Держи!“... повсюду крикъ раздался,
И быстро бросились на насъ,
И бой ужасный завязался.
О, грозный день! о, лютый часъ!

XXXIII.

Капоты, шляпы и фуражки
Съ героевъ буйственныхъ летятъ,
И что я зрю? — О небо! Сашкѣ
Веревкой, руки ужъ крутятъ!
„Mon cher!“ кричитъ онъ, задыхаясь,
Народъ-же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
„Ахъ, Саша! что съ тобою будетъ?
Тебя въ рогатку закуютъ
И рой друзей тебя забудетъ...
Нѣтъ, нѣтъ! ужъ Калайдовичъ тутъ!“

XXXIV.

Онъ тутъ! — и нѣтъ тебѣ злодѣя!
Твою веревку онъ сорвалъ
И, какъ медвѣдь, разсвирѣпѣя,
Въ прахъ всѣхъ буфелей поклалъ.
Одной твоей телячьей шапки
Уже во вѣкъ ты не узришь!
А самъ, безвреденъ послѣ схватки,
Опять за пуншемъ ужъ сидишь.
Пируй теперь, мой Ждановъ милый,
Твоя обида отмщена,
И проясни свой ликъ унылый,
Стаканомъ пѣнпаго вина.

XXXV.

И ты! мой другъ, въ тогдашни годы,
Теперь — подлецъ и негодяй,
Настрой-ка Пузинъ, братъ, аккорды,
Возьми гитару и взыграй.
Прочь, прочь Надеждинъ отъ бильярда —
Коль проигралъ, такъ не робѣй!
Коврайскій! вотъ сивуха — пей!
А ты, нашъ чайный разливатель,
Окушенскій, не отходи,
И, какъ порядка наблюдатель,
За пиромъ радостнымъ гляди!

XXXVI.

Засядемъ, дружескимъ соборомъ
За столъ, уставленный виномъ,
И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ,
Лихую пѣсню запоемъ.
Летитс грусти и печали
Къ с..... ....у,
Давно, давно мы не бывали
Въ такомъ божественномъ кругу!

Скачите б..ди, припѣвая
Виватъ, нашъ Саша молодецъ!
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей богу молодецъ!

Часть втора́я.

I.

Чуть освѣщаемый луною,
Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
Когда съ унынъемъ и тоскою,
Его верхи узрѣлъ мой другъ.
На облучкѣ спустивши ноги
Въ забытьи жалкомъ онъ сидѣлъ.
И объ оконченной дорогѣ
Въ сердечной думѣ сожалѣлъ.
Стаканъ послѣдній сивалдая
Передъ заставой осушилъ
И изъ телеги вылѣзая,
И молчаливъ и смутенъ былъ.

II.

Нева широкая струилась
Близъ постоялаго двора
И недалеко серебрилось
Изображеніе Петра.
Все было тихо и покойно...
Въ душѣ лишь Саши моего
И не смыкалися невольно
Глаза потухшіе его,
Недавно буйнаго студента
Съ дымящимся отъ трубки ртомъ:
Онъ прислонясь у монумента
Стоялъ съ потупленнымъ челомъ.

III.

„Увы, увы!.. часы веселья,
Вы пролетѣли будто сонъ!“

Такъ въ Петербургскомъ новосельѣ
Вздохнувши тяжко, молвилъ онъ:
„Быть можетъ долго молодыя
Красотки мнѣ васъ не видать!...
И долго ж.....и крутыя,
На васъ не стану замирать!
И нѣжить пламенной рукою
И прижимать къ моимъ устамъ,
И припадать, рѣзвясь порою,
Къ упругимъ полненькимъ грудямъ.“

IV.

Прощайте звонкіе стаканы
И пуншъ и мощный Ерофей!
Быть можетъ други мои пьяны
Теперь пируютъ у бл...й
И сны пріятные летятъ.
Глаза, сомкнутые виномъ,
Лучи дневные освѣтятъ
Ихъ упоенныхъ крѣпкимъ сномъ!
А я!.. увы! несчастный
Я бъ проклялъ восходящій день!..“
Умолкъ... и лучь денницы ясной
Разсѣевалъ ночную тѣнь.

V.

Эхъ Саша! какъ тебѣ не стыдно,
Сробѣлъ лихая голова!
Ей-богу слышать намъ обидно
Такія вздорныя слова.
Когда ты былъ такою бабой?
Когда такъ трусилъ и шутилъ?
Какъ мальчикъ глупенькій и слабый
При видѣ розогъ пріунылъ.
Что ты въ Москвѣ накуралесилъ,
И голъ остался какъ соколъ —
Такъ и раскисъ и носъ повѣсилъ...
Пошелъ, братъ къ дядюшкѣ, пошелъ!..

VI.

И чтожъ, друзья?.. вѣдь справедливо
Онъ дядю чертомъ называлъ,
Вѣдь какъ же онъ краснорѣчиво
Его сначала отщелкалъ!
Такую задалъ передрягу,
Такую пѣсеньку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бродягу,
Что тотъ лишь слушалъ, да глядѣлъ.
Потомъ все тише, да смирнѣе —
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Все ласковѣе, да добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.

VII.

А Саша тутъ и распустился,
И чувствуетъ что виноватъ;
Раскаялся — и прослезился.
А дядя?.. Боже мой какъ радъ!
Повѣсу грязнаго обмыли,
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть не льзя, до ногъ.
Повеселиться тамъ нисколько —
Никакъ не думавъ, не гадавъ,
Пируетъ Саша мой и только,
Опять въ кругу своихъ забавъ.

VIII.

Гдѣ видъ Московскаго гуляки?
Куда дѣвался пухлый ликъ?
Голо-кургузо въ модномъ фракѣ
Въ отличной шляпѣ à la pique;
Въ подбитомъ бархатомъ жилетѣ,
Въ рукахъ хлыстъ англійскій несетъ.
Вотъ избоченясь на проспектѣ,
Онъ съ миной важною идетъ.

Червонецъ свѣтлый драгоцѣнный,
И на театры въ первый рядъ
Билетъ на кресло ежедневный
Въ карманѣ брюкъ его лежатъ!

IX.

Съ какой улыбкою кичливой
На прочихъ франтовъ онъ глядитъ,
Какой улыбкою сонливой
И дамъ и барышень даритъ!
Съ какой пріятностью играетъ
И машетъ хлыстикомъ своимъ
И какъ искусно задѣваетъ
Подъ ж...и дѣвушкамъ же имъ;
Какой бонтонъ въ осанкѣ, взорахъ
Какую важность возъимѣлъ,
Но вотъ на ухарскихъ рессорахъ
Въ театръ, разлегшись, полетѣлъ!

X.

Вошелъ. Съ небрежностью лакею
Билетъ, сморкаясь показалъ
И изогнувши важно шею
Глазами ложи пробѣжалъ.
Взгремѣла Фрейшица музыка
Громъ писковъ залу огласилъ,
И всѣ отъ мала до велика
И упоенъ и тронутъ былъ!
Чтожъ Саша? съ видомъ отвращенья,
Разлегшись въ креслахъ онъ сидитъ,
Съ улыбкой гордой пресыщенья
Въ четыре стороны глядитъ.

XI.

Напрасно его всѣ кричали
Но онъ выдерживалъ свой тонъ,
И въ самомъ дѣйствіи въ началѣ
Спокойно пуншъ пить вышелъ онъ;

Напрасно милая Дюрова
Твой голосъ всѣхъ обворожалъ,
Онъ не разслышалъ ни пол-слова,
Но только ж...у увидалъ!
Напрасно Антонинъ воздушный
Ты рѣзалъ воздухъ какъ зефиръ,
Для тону Сашѣ будетъ скучно
Хотябъ растѣшилъ ты весь міръ.

XII.

Да и нельзя же въ самомъ дѣлѣ,
Смотрите онъ въ какомъ кругу,
Народъ не тотъ здѣсь что въ бордели —
Все видишь ленту иль звѣзду!
И шутки въ сторону откинуть
Съ нимъ рядомъ первая вѣдь знать;
И такъ пристойно ль ротъ разинуть
И дуракомъ себя казать.
Такъ разъ и твердо затвердивши,
Всегда мой Саша поступалъ,
И каждый день въ театрѣ бывши
Роль полусоннаго игралъ.

XIII.

Но какъ ни былъ за то онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полу-тихо нѣжно томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ.
Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ, о смѣхъ!... благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ;
По лѣтнему-ль гуляетъ саду,
Не свищетъ пѣсенки небось,
Хоть будь разж...а, ни пол-взгляда
Не кинетъ прямо и ни вкось!

XIV.

Съ какою пылкостью восторга
Хвалилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты;
Съ какимъ онъ жаромъ удивлялся
Наполеонову уму —
И какъ дѣлами восхищался
Моро и Нея и Даву,
Ругалъ всѣхъ Русскихъ безъ разбору
И въ эрмитажахъ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта ни взору —
О плутъ! о шельма! сукинъ сынъ!

XV.

Не понималъ и лицемѣрилъ:
И льстилъ безсовѣстно и вралъ!
А честный дядя всему вѣрилъ
И шуту денежки давалъ...
Бывало только онъ съ Мильонной,
А дядя: „гдѣ дружочикъ былъ?“
„Да — я-съ (куда какой проворный)
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ Дворецъ;
Какая славная погода!“
Ахъ ты с....м... подлецъ!

XVI.

Ахъ ты проклятая собака!
Вѣдь что мошенникъ не совретъ?
А хоть ругай — мой забіака
Живетъ да пѣсенки поетъ...
Звѣнитъ цѣлковыми рублями,
Летаетъ фертикомъ въ садахъ,
Пируетъ нѣжится съ бл.....
И сушитъ водку въ погребахъ.

Ну, что ты дѣлать съ нимъ прикажешь,
Не хочетъ слышать ужъ объ насъ...
Ей Саша! или не покажешь
Въ Москву своихъ спѣсивыхъ глазъ?

XVII.

Постой! не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ café de France ты будешь пить,
И щупать ж...чки лилейны
И въ шляпѣ à la pique ходить!
Постой, не вѣчно въ Петербургѣ
Красотокъ будешь цѣловать,
Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ къ намъ опять.
Гуляй, пируй пока возможно,
Крути помадъ свой хохолокъ,
Минуты упускать не должно,
Играй, сбоченясь à la coq!

XVIII.

Не выпускай изъ рукъ стакана,
Отъ Каратыгина зѣвай,
И въ рестораціи съ дивана,
Дымясь въ вакштафѣ, не вставай;
Катайся въ лодочкахъ узорныхъ,
Лови, обманывай жидовъ,
И мчись на рысакахъ проворныхъ,
До позднихъ полночи часовъ,
Про..ъ цѣлковишкой въ борделли...
А дядя мыслитъ кое-что:
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто нанято.

XIX.

Различноцвѣтными огнями
Горитъ въ Москвѣ Кремлевскій садъ
И пышно пестрыми рядами
Въ немъ дамы съ франтами кишатъ.

Музыка шумная играетъ
На флейтахъ, бубнахъ и трубахъ
И гулъ гремящій завываетъ
Кремля высокаго въ стѣнахъ.
Какія радостныя лица!
Какой веселый, милый міръ!
Всѣ обитатели столицы
Сошлись на общій будто пиръ.

XX.

Какое множество букетовъ
Индѣйскихъ шалей и чепцовъ,
Идущей, турбановъ и лорнетовъ,
Подзорныхъ трубокъ и очковъ.
И смѣсь роскошная въ нарядахъ,
И лицъ различныя черты,
И выраженія во взглядахъ
Кокетства юной красоты!

XXI.

Какъ изъ-подъ жляпки сей игриво
Глазокъ прищуренный глядитъ;
Что для мужщинъ она учтива
Онъ очень ясно говоритъ.
На грудь лилейную другая
Власы небрежно разметавъ
И всѣхъ прельстить собой желая,
Нарочно гордый кажетъ нравъ!
Вуалемъ съ нѣжностію вѣя
Иная томно такъ идетъ,
Но подойди къ ней не робѣя —
Она и ручку протянетъ.

XXII.

Все живо, все разнообразно!
Все можетъ умъ развеселить:
Тамъ изобличился приказный,
Напрасно ловкимъ хочетъ быть.

Здѣсь купчикъ тросточкой играя,
Какъ царь доволенъ самъ собой;
Тамъ съ генераломъ въ рядъ шагая
Себя такимъ же чтитъ портной.
Вельможа, поваръ и сапожникъ,
И честный, и подлецъ и плутъ,
Купецъ и блинникъ и пирожникъ —
Все трутся и другъ друга жмутъ.

XXIII.

Но что, не призракъ ли мнѣ ложный
Глаза внезапно ослѣпилъ?
Что вижу я? Ужель возможно,
Чтобъ это Саша мой ходилъ?!..
Его ухватки и движенья,
Его осанка, взоръ и видъ!
Какое страшное сомнѣнье!
И духъ и кровь во мнѣ кипитъ.
Иду къ нему... трясутся ноги.....
Все ближе милыя черты....
Дрожу, страшусь... колеблюсь... Боги!...
О другъ любезный! это ты?

XXIV.

Друзья, завѣсу опускаю
На нашу радость и восторгъ;
Такой минуты, сколько знаю,
Никто намъ выразить не могъ.
Сердцамъ же вѣрнымъ и открытымъ
И все желающимъ узнать,
Умамъ чрезъ мѣру любопытнымъ
Довольно кажется сказать:
Что разъ пятнадцать мы обнявшись
И оросивъ слезами грудь,
И разъ пятнадцать цѣловавшись,
Въ трактиръ направили мы путь.

XXV.

Не вспомнишь все, что мы болтали,
Но все, что онъ мнѣ разсказалъ,
Вы передъ этимъ прочитали,
И я ни капли не совралъ.
Одно лишь только онъ прибавилъ:
Что дядя въ Университетъ
Еще на годъ его отправилъ,
И что довольно съ нимъ монетъ.
„Сюда! е..... м..... б.....!“ гремящимъ
Своимъ онъ гласомъ возопилъ,
И пуншемъ нектарнымъ, кипящимъ
Въ минуту столъ обрызганъ былъ.

XXVI.

Ты видѣлъ Поль, когда на дрожкахъ
Къ тебѣ онъ быстро подлетѣлъ,
Въ то время съ книгой у окошка,
Дымясь въ вакштафѣ, ты сидѣлъ;
Ты помнишь, о Коврайскій славный!
Студентовъ честь и красота,
Какой ты встрѣчею забавной
Его порадовалъ тогда:
Весь выпачканъ, мертвецки пьянымъ,
Тебя онъ въ камерѣ засталъ,
И ртомъ вонючимъ и поганымъ!
Его не разъ ты замаралъ!

XXVII.

Ты зрѣлъ, любезный мой Костюшка,
Его какъ стельку самаго!
И снова толстенькая Грушка
Ты жопкой нѣжила его.
Виватъ трактиры и бордели!
Пожива будетъ еще вамъ,
И погребки не опустѣли
Когда пріѣхалъ Саша къ намъ!

Въ веселыи буйственномъ съ друзьями
Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
И разноцвѣтными огнями
Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ.

А. Полежаевъ.

„Свободы гордой вдохновенье."

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствуетъ народъ,
Оно молчитъ святое мщенье
И на царя не возстаетъ.
Предъ адскимъ игомъ самовластья,
Покорны вѣчному ярму,
Сердца не чувствуютъ несчастья,
И умъ не вѣруетъ ему.
Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря,
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя!

1824. Языковъ.

Сказка.

Я когда нибудь сберусь
Сказку вамъ сложить про Русь,
Про царей ея державныхъ,
Про людей отвагой славныхъ,
И про разныя дѣла —
Съ той поры, какъ начала

Русь считаться государствомъ,
Не спускать заморскимъ царствамъ,
Да врагамъ давать отпоръ.....
Но покамѣсть сказкой длинной
Я вамъ други удружу —
На обычай, на старинный,
Я вамъ присказку скажу:
Гей!.. садись честной народъ!
Разѣвай пошире ротъ,
Придвигай скамьи къ огню —
Слушай присказку мою!...
Долго бывши старшиною
Надъ славянскою страною,
Князь маститый Гостомыслъ
Потерялъ подъ старость смыслъ,
И предъ смертною кончиной
На болѣзненномъ одрѣ —
Онъ сказалъ передъ дружиной:
„Надо думать о царѣ...
Вы одни не уживетесь,
Какъ бараны вы деретесь;
Такъ плывите за моря
Выбирать себѣ царя!“

Вотъ и поплыли бараны
За царемъ въ чужія страны
(Словно не было кого
Взять изъ стада своего)
И пріѣхавши къ сосѣдямъ,
Поклонились имъ челомъ,
Подарили ихъ медвѣдемъ,
Соболями и добромъ,
И чеканнымъ серебромъ,
И сказали: „Край нашъ силенъ,
Онъ великъ какъ бѣлый свѣтъ,
Онъ богатствами обиленъ —
Да порядку лишь въ немъ нѣтъ!

Такъ нельзя-ли насъ уважить:
Къ намъ пожаловать и княжить“
А сосѣди отвѣчали:
„Мы объ васъ давно слыхали,
Рады мы вамъ сдѣлать честь,
На престолъ къ вамъ рады сѣсть!“

И пришли на Русь Варяги,
Безземельные бродяги;
Стали княжить, не шутить,
А Славяне — имъ служить.....
Много времени прошло
Много море унесло;
Но съ тѣхъ поръ судьба народа
Все въ рукахъ чужаго рода;
И до нынѣшнихъ временъ
Намъ варягъ даетъ законъ.....
Край славянскій такъ же силенъ,
И богатствами обиленъ,
И великъ какъ бѣлый свѣтъ —
А порядку нѣтъ какъ нѣтъ!
Что за притча? что за диво?
Какъ не жить ему счастливо?
Или намъ другихъ царей
Надо звать изъ за морей?
Не шуми честной народъ
Не дивись, разиня ротъ!
Подвигай скамьи къ огню
Слушай присказку мою!
Но всему конецъ бываетъ,
Такъ и присказкѣ моей...
Кто же, братцы, отгадаетъ
Что за мысль сокрыта въ ней?
Кто не понялъ, пусть вспомянетъ
Притчу старую одну —
Прича эта не обманетъ,
Говорили въ старину:
„Кто уродъ былъ въ колыбели,

До могилы тотъ уродъ!“
(Такъ и русскій знаетъ народъ)
Други, чтожъ теперь яснѣе
Стала присказка моя?
Да? Такъ знайте про себя!

Сонъ невольника.

(Лонгфелло.)

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ.
Грудь открытую жегъ ему зной;
Серпъ остался въ рукѣ — и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной.

Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И звеня и гремя опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.

И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,
И дѣтей обнималъ — и опять услыхалъ
И родныхъ и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонныя вѣки его —
И съ лица покатилась слеза.

И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ, роднымъ берегамъ . . .

Въ серебрѣ повода́, золотая узда...
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.

Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-крылый фламинго летѣлъ,
Вслѣдъ за нимъ онъ до ночи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показалися хижины кафровъ — и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.

Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіэны пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой...
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кликъ боевой.

Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса...
И улыбка и трепетъ прошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.

Онъ не чувствовалъ зноя — не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной...
Царство сна озарила сіяніемъ смерть,
И на нивѣ остался — нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

М. Л. Михайловъ.

Споръ

(двухъ Державиныхъ, одного извѣстнаго стихотворца, а другаго оберъ-священника, члена синода.*)

I.

Единъ есть Богъ, единъ Державинъ!
Я въ глупой гордости мечталъ,
Одна мнѣ риема — древній Навинъ,
Кой солнца бѣгъ остановлялъ.
Теперь другой Державинъ зрится,
И риема тажъ ему годится,
Но тотъ Державинъ — попъ, не я,
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья.

И такъ чтобъ вратъ моихъ приставу
Въ Державиныхъ различье знать,
Пакетовъ съ почты по уставу
Чужихъ мнѣ въ домъ не принимать,
Не брать отъ имрека пасквилей,
Цидулъ, листовъ — не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказъ
Не выпускать сего изъ глазъ.

На имя кто-бъ мое пакеты,
Какія-бъ письма ни принесъ,
Вопросъ быть долженъ на отвѣты —
Тотчасъ отдать бумагъ тѣхъ вѣсъ,

---

*) Причина спора ихъ — одинаковая фамилія. По ошибкѣ или по какой другой причинѣ принесли пакеты оберъ-священника Державина къ бывшему сенатору Державину, который для избѣжанія впредь ошибки, пишетъ своему приставнику приказъ.

Сказать: кому, отколь писанья?
И всѣ тѣ произвесть сказанья
Свободнымъ безъ запинокъ ртомъ,
Подметны-жъ письма жги огнемъ.

А чтобъ Державина со мною
Другаго различилъ ты самъ,
Вотъ знакъ: тотъ младъ, хотя съ брадою;
Я старъ — юнъ духомъ по грѣхамъ,
Онъ въ рясѣ длинной и широкой,
Мой фракъ кургузъ и полубокой;
Онъ въ волосахъ, я голъ главой,
Я подлинникъ, онъ списокъ мой.

Онъ пѣлъ молебны, панихиды,
И ихъ по нынѣ онъ постъ;
Слуга я Марса былъ, Ѳемиды,
А нынѣ отставной поэтъ.
Онъ пастырь чадъ, отецъ духовной
А я правитель былъ народной —
Онъ оберъ-попъ, я ктиторъ музъ,
Поднесь пресвитеръ ихъ зовусь.

Кропитъ водой, брянчитъ кадиломъ
И тянетъ руку ко рту дамъ;
За честь я чту тянуться съ рыломъ
И цѣловать ихъ руки самъ.
Онъ молитъ небеса о мирѣ,
Героевъ славлю я на лирѣ;
Онъ тайны сердца исповѣсть,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различенъ платьемъ и дѣлами,
Онъ ѣстъ кутью, а я солму;
Онъ громокъ многими псалмами,
Я въ день шепчу по одному.

Державинъ родъ съ потопа влекся,
Онъ въ Семинаріи нарекся,
По сходству риѳмъ моихъ и стопъ
Мой дѣдъ мурза, его дѣдъ попъ.

И словомъ, онъ со мной не сходенъ
Ни видомъ, ростомъ, ни лицемъ,
Душей быть можетъ благороденъ,
Но гербомъ не Державинъ — онъ!
Въ моемъ звѣзда рукой держима,
А имъ клюка иль трость носима;
Онъ можетъ четки внесть въ печать,
Я лирой золотой брянчать.

А потому почталіоновъ
Его носящихъ письма мнѣ,
Отправя множествомъ поклоновъ,
Не средь обѣда, ни во снѣ,
Не рушь ты моего покою,
Но позлащенной булавою
Съ двора ихъ честью провожай:
Державу съ митрой различай!

II.

Отвѣтъ оберъ-священника Державина.

Опомнись, осмотрись, Державинъ,
Какой ты дичи наблѣялъ!
Одна тебѣ есть риѳма Навинъ,
Кой солнца бѣгъ остановлялъ.
Единъ есть Богъ и Вседержитель;
Державинъ есть въ державѣ житель,
Въ державѣ житель не одинъ,
А риѳма есть ни родъ, ни чинъ.

Нѣтъ нужды спорить мнѣ съ пѣитомъ,
Богатой рифмы мнѣ не жаль,
Я долженъ толковать съ левитомъ
Начало вѣры и скрижаль.
На что же было издѣваться
Что могъ Державинымъ назваться
Другой, тоя-жъ державы членъ,
Кой столько же въ нее влюбленъ?

На что-жъ вставать изъ за обѣда,
Писать обширный сей приказъ,
Колоть невиннаго сосѣда
Не въ бровь, а прямо въ самый глазъ?
Не знаю я твоихъ пороковъ,
Займовъ, кредитовъ и просроковъ
На что примѣты всѣ считать?
Довольно надпись прочитать.

Зоиловыхъ держась ты правилъ,
Искалъ въ чужой сорочкѣ блохъ,
Но свой лишь вшивый тылъ представилъ
Въ сатирѣ сей, какъ архилогъ!
Я зналъ различье между нами,
Хоть мы и сходны именами,
Я младъ лѣтами — ты старикъ,
Ношу я митру — ты парикъ.

Не попъ, а оберъ я священникъ,
Рѣшитель здѣсь грѣховныхъ узъ;
Ѳемидинъ только ты кожевникъ,
Не ктиторъ, а питомецъ музъ.
Я членъ святѣйшаго Синода,
Ты былъ правителемъ народа;
Я встхій съ новымъ чту завѣтъ,
Тебѣ извѣстнѣе *) балетъ!

---

*) Вар. Пора плясать.

Я въ рясѣ длинной и широкой,
Власы имѣю и браду;
Твой фракъ кургузъ и полубокой,
И плеть поверхъ его въ виду.
И то скажу, съ отважнымъ ризкомъ,
Что мнѣ нельзя твоимъ быть спискомъ:
Съ чего браду и волосъ снять?
Чѣмъ рясу съ фрака дополнять?

Пою молебны, панихиды —
Мой долгъ и польза есть виной;
Слугой бывъ Марса и Ѳемиды,
Министръ ты нынѣ отставной.
Кроплю водой, бренчу кадиломъ,
Тебя къ рукѣ не кличу съ рыломъ,
Но крестъ святой лобзать даю,
Кто хочетъ — руку чтитъ мою.

Я пастырь есмь овецъ словесныхъ,
Завистникъ ты красотъ тѣлесныхъ;
Я тайны сердца исповѣмъ —
Ты, зная ихъ, разскажешь всѣмъ;
Бужу всѣхъ многими псалмами,
Едва-ль внушу по одному;
Кутью ѣдятъ міряне сами,
Одинъ ты кушаешь салму.

Тебѣ не нужны ѳиміамы,
Ниже съ водой святою крестъ,
Однѣ въ умѣ вертятся дамы.
Хотя-бъ среди священныхъ мѣстъ.
Всѣхъ родъ исходитъ отъ Адама,
Хоть кавалеръ кто будь, иль дама —
Всѣ мы отъ носвыхъ сыновъ,
Беремъ различіе чиновъ.

Кто тамъ мурзой именовался,
О томъ совсѣмъ не знаю я,
Но, какъ историкъ отозвался,
Была въ ковчегѣ и свинья.
Мой родъ и всѣ въ Россіи дѣды,
Татары — только намъ сосѣды,
Державинъ естѣ россійскій сынъ,
Мурза — князей татарскихъ чинъ.

Учась въ россійскомъ институтѣ,
Сіе я имя заслужилъ;
Твой, можетъ статься дѣдъ въ Бахмутѣ,
Его мурзенку наложилъ.
Мой гербъ есть: книга, крестъ и митра,
Твой гербъ: звѣзда въ рукѣ — безъ скиптра,
Клюка-жъ — хромыхъ и отставныхъ,
А четки — ангеловъ земныхъ.

Что я съ тобой во всемъ не сходенъ,
Признался ты и я не лгу,
Но быть душею благороденъ,
Всегда хочу я и могу.
Ошибка-лъ чья тому виною,
Или игрушка надо мною,
Что поданъ мой тебѣ пакетъ?
Моей вины однако-жъ нѣтъ!

Коль многими уже вѣками,
Нашъ чинъ включенъ въ оригиналъ,
Какой бы, дерзкими руками,
Похитить могъ его нахалъ?
Мнѣ въ чинѣ сдѣлалъ ты убавку,
Дабы заспать свою отставку,
Дабы татьбой чужихъ заслугъ,
Открыть природный свой недугъ.

Теперь, казалось, расквитались,
Державинъ, мы уже съ тобой,
И многи безъ кишекъ остались,
Смотря на сей безкровной бой.
Но будь и въ томъ уже увѣренъ,
Коль будешь также неумѣренъ,
Такъ знай, что ѣду не свищу
А какъ наѣдишь — не спущу.

А ты, Козминъ, таинникъ вѣрный
Возьми пасквиль его прескверный
И мной написанный отвѣтъ
Хранить на случай въ кабинетъ.
Чтобъ встрѣчей намъ сему подобныхъ
Впередъ съ тобою не видать;
При случаяхъ тому удобныхъ
Сіе имѣешь наблюдать:
Пріемля и нося пакеты,
Различье помни и примѣты,
Подложныхъ писемъ не примай
И самъ печатей не замай.

Современное стихотвореніе.

(Варіантъ.)

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били
И привыкли всякому злодѣю
Подставлять мы шею.
Въ страхѣ насъ квартальные держали,
Нѣмцы мунштровали;
Про царей попы твердили міру,
Съ пьяну или съ жиру,

Что самъ Богъ помазалъ ихъ елеемъ —
Какже пикнуть смѣемъ?...
Мы вѣдь глупы, какъ овечье стадо —
Стричь да бить насъ надо.
Вколотили въ насъ съизмальства:
„Знай одно начальство!“
Да и долго-ль до напасти?...
Покоримся власти.

* * *

Царь тамъ въ Питерѣ сидитъ, не слышитъ,
Все указы пищетъ,
А указъ какъ бисеромъ нашизанъ,
Не при насъ лишь писанъ.
Какъ его ты не читаешь,
Все не понимаешь.

* * *

Всякой бутарь звалъ себя съ нахальствомъ
Малымъ начальствомъ.
Видно всѣхъ ихъ, Господи ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже.

* * *

Кто слыхалъ о 25-мъ годѣ
Въ крещеномъ народѣ,
Какъ собрались на злодѣевъ:
Кондратій Рылѣевъ,
Да полковникъ Пестель,
Да еще другіе
Бояре лихіе?
Не съумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять ихъ дѣло —
А сложили Пестель да Кондратій
Головы за братій.

П. Холодовскій-Цибульскій.

Странникъ.

Сего ради не являйся ты, орле, и криле твоя грозныя, и періица твоя строптивая, и главы твоя лукавыя, и ногти твоя злѣйшія и все тѣло твое суетное. Яко да прохладится вся земля и обратится свободна отъ твоея силы и уповаетъ на судъ и милосердіе того, иже сотвори ю.

Есдры книга третья (или правильнѣй четвертая) глава одиннадцатая.

1.

Въ глухомъ бору, удалена
Отъ шумнолюднаго поселья,
Стоитъ пуста, стоитъ одна
Моя бревенчатая келья.
Вернусь ли я въ неё иль нѣтъ?
Во имя истины бродяга —
Найду-ль свой кровъ подъ старость лѣтъ,
Замру-ль въ мятель середь оврага?...
Не знаю. — Смертъ вездѣ тиха.
Отъ зла мірскаго и грѣха
Бѣжалъ я молодъ въ лѣсъ сосновый,
Бѣжалъ неторною тропой,
И прорубалъ мой просѣкъ новый,
И ставилъ срубъ семивѣнцовый
Своею собственной рукой.
Топоръ звенѣлъ, щепа летѣла,
Удары вторилъ гулъ лѣсной
И птица близко сѣсть не смѣла...
Не вѣдалъ устали мой трудъ —
Я созидалъ себѣ пріютъ,
Душа алкала врачеванья,
И строгихъ думъ и покаянья.

2.

Богатый торгомъ, мой отецъ
Хотѣлъ, чтобъ былъ и сынъ купецъ.
Бывало бранъ ввернётъ сурово
Въ свое напутственное слово,
Такъ что сгораешь со стыда,
И пуститъ парня молодова
На прибыль въ сёлы, въ города...
И буйно шли мои года!
Удалый нравъ, да денегъ кипа —
Гуляй и празднуй безъ просыпа.
Разъ — ѣду. Мѣсяцъ, ночь свѣтла,
Длинна дорога, степь бѣла,
Морозъ пробралъ сквозь полушубокъ...
Вотъ дотащились до села...
Держи у перваго угла —
Къ избѣ! — Вхожу... Сквозь дымъ отъ трубокъ
Горитъ огарокъ въ полу-мглѣ,
Исправникъ съ бариномъ сосѣдомъ
Проводятъ ночь обычнымъ слѣдомъ —
Полштофъ завѣтный на столѣ. —
„Купецъ знакомый не помѣха!
Садись“ — Сажусь; пошла потѣха.
Кто выпьетъ чарку по хмѣльнѣй,
Кто скажетъ слово по срамнѣй —
Тому и слава! Хохотъ, пѣсни....
„Разсыльный! Митька! ты хоть тресни“,
Кричатъ лихіе господа,
„А дѣвокъ намъ веди сюда!“ —
Вотъ ихъ и вводятъ, въ дверь толкая...
Красотокъ пара молодая!
Гляжу сквозь хмѣль — изъ нихъ одна
Какъ листъ дрожитъ, какъ смерть блѣдна;
Другая только плачетъ, плачетъ,
Въ рукавъ лицо тихонько прячетъ.
Какъ взноетъ сердце! Я вскочилъ,
Со злобы задрожали губы,

Кричу: „злодѣи! душегубы!“
Да кулакомъ что было силъ
Хватилъ исправника по рожѣ
И барину досталось тоже,
Обоихъ на полъ повалилъ....
Догнать погоня не съумѣла,
Отецъ далъ денегъ, скрыли дѣло.

3.

Но въ эту зиму я притихъ,
Смирился и кутёжъ оставилъ,
Дичился встрѣчныхъ и своихъ
И свѣтъ постылъ и не забавилъ.
Сталъ думать. Изъ ума не шло —
Отколь страданіе и зло?
За чѣмъ повсюду плачъ и горе?
За чѣмъ народъ живетъ въ позорѣ —
И золъ, и жалокъ родъ людской?
За чѣмъ я самъ на зло способенъ,
Развратенъ, дикъ, скотоподобенъ?
Гдѣ слово правды? Гдѣ покой?.....
И слышу шопотъ надъ собой:
„Спасайся!“ — Холодомъ объяло
При этой мысли, духъ сперся
И дыбомъ стали волоса,
И будто къ полу приковало —
Такъ въ этотъ вдохновенный мигъ
Восторгъ и ужасъ былъ великъ.
Отецъ сталъ сильно недоволенъ,
Ругалъ: „Ты пёсъ, а не торгашъ“ —
Сбирался сѣчь, но лекарь нашъ
Сказалъ, что я должно быть боленъ;
Гадать ходили на бобы,
Но не развѣдали судьбы.
Пришла весна, снѣга сбѣжали,
Я говорю отцу: „Прощай!
Не злобствуй на мои печали

И денегъ мнѣ не припасай;
Промаюсь помысломъ нешумнымъ
Да подаяніемъ мірскимъ....."
Отецъ почёлъ меня безумнымъ,
Народъ почёлъ меня святымъ.

4.

Какъ я вздохнулъ свободнымъ вздохомъ,
Когда надъ кельею покрылъ
Я кровлю хворостомъ и мохомъ
Да печь нехитрую сложилъ...
Блаженъ достигшій мирной цѣли!...
Я жилъ одинъ. Къ концу недѣли
Былъ приносимъ, въ обычный день,
Въ дупло знакомой старой ели
Посильный даръ изъ деревень,
И благостынною крупицей
Дѣлился я съ лѣсною птицей.
Близъ кельи, у корней древесъ,
Чуть слышно сквозь обрывъ песчаный
Сочился змѣйкой ключъ студяный...
Былъ тихъ и шуменъ древній лѣсъ
И вѣялъ влагою смолистой,
Я сквозь навѣсъ его иглистой
Глядѣлъ далеко въ глубь небесъ:
За чѣмъ-же въ людяхъ плачъ и горе
И бури на житейскомъ морѣ?..
Я жилъ одинъ. Веснѣ вослѣдъ
Томило сушью жаркихъ лѣтъ,
И вслѣдъ за осенью сырою
Шли зимы бѣлой чередою —
Святую книгу я читалъ
И духа истины искалъ.
Извѣдалъ много думъ палящихъ,
Молитвъ сердечныхъ, слёзъ скорбящихъ,
И сколько прожилъ зимъ и лѣтъ —
Не въ силахъ дать себѣ отвѣтъ:

Я не считалъ зари восходы,
Я не видалъ какъ длились годы —
Теперь я знаю, что сѣда
И голова и борода.

5.

Въ послѣдній годъ, въ тиши дремучей,
Мнѣ трижды снился сонъ — могучій,
Пророческій!.. Я помню ночь —
Въ бору носилась тьма сырая,
Лилъ дождь, и вѣтеръ во всю мочь
Рвался, свистя и завывая,
А сосны бьются и трещатъ
И шишки сыплятся какъ градъ.
А я, колѣнопреклоненный,
Въ безмолвной кельи моей,
Стоялъ за книгою священной,
То тайный смыслъ гадал въ ней,
То взоръ вперивъ съ нѣмой отрадой
На озарённую лампадой,
Ко мнѣ склонённую съ креста
Главу спасителя Христа.
Раскрылись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы...
И вижу я — все степь кругомъ,
И на землѣ зноепалимой,
Середь степи необозримой,
Спитъ человѣкъ тяжелымъ сномъ;
Въ тяжеломъ снѣ дрожитъ отъ муки,
Раскинувъ немощныя руки.
На нёмъ силитъ орёлъ степной
И вкругъ поводитъ головой,
Сверкая дико, какъ огнями,
Жёлто-багровыми глазами,
И топчется изъ боку въ бокъ,
Вонзая ногти жёсткихъ ногъ,
И шея горбится, клонясь,
И жёсткій клювъ теребитъ мясо.

И крылья тёмныя простёръ
Орелъ надъ соннымъ, какъ шатёръ,
И изъ подъ перьевъ, въ взмахъ крылатый,
Свалились хищные орляты,
И злѣе стараго врага
Клюётъ и топчетъ мелюзга —
Ихъ жадный крикъ и посвистъ дикой
Въ степи гласятъ про пиръ великой.
А съ человѣка льётся кровь,
Но тѣло заростаетъ вновь,
И спитъ онъ, спитъ, дрожа отъ муки,
Раскинувъ немощныя руки,
И не волёнъ ни глазъ поднять,
Ни рта раскрыть, ни простонать...
Чело я въ ужасѣ понурилъ
И въ самомъ снѣ глаза зажмурилъ.
Но съ устъ невидимыхъ исшёлъ
Ко мнѣ торжественный глаголъ:
„Возстань силёнъ, какъ левъ косматый —
И, духа истины глашатый,
Въ житейскій міръ опять иди
И человѣка разбуди,
Чтобъ онъ открылъ живые очи
И послѣ долгой, долгой ночи,
Въ единъ размахъ спугнулъ орла
И разлетѣлись-бы орляты,
Живой святыни супостаты,
Занѣ землѣ пора пришла —
Съ отлётомъ птицы плотоядной —
Дышать свободно и прохладно."
Проснулся. Ночь, лампады блескъ,
Въ лѣсу все дождь, и гулъ и трескъ...
Я думалъ — это духъ гордыни
Смущаетъ міръ моей пустыни,
И я-ли — кающійся духъ —
На звукъ грѣховный столько глухъ,
Чтобъ быть орудіемъ святыни?...

6.

Вторая ночь была зимой,
Пришла съ такою тишиной,
Что по лѣсу, во тьмѣ глубокой,
Былъ слышенъ каждый робкій звукъ —
Ломился-ль обветшалый сукъ,
Иль падалъ снѣгъ съ сосны высокой.
Передъ лампадой и крестомъ
Листы ворочалъ я перстомъ;
Разверзлись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы...
Все туже птицу вижу вновь,
Все таже степь и солнце пышетъ,
И съ человѣка льется кровь,
И онъ во снѣ тяжёломъ дышетъ.
И тотъ-же голосъ рекъ: „иди
И человѣка разбуди.“ —
И вѣра духъ мой охватила,
Мысль крѣпла въ грозной тишинѣ,
И я почуялъ, что во мнѣ
Ростётъ восторженная сила.
На третью ночь былъ лѣсъ душистъ,
Весенній мѣсяцъ серебристъ.
Раскрылись вѣщія страницы
И сонъ смежилъ мои рѣсницы...
Я внялъ видѣнью моему,
И взялъ я посохъ и суму,
Пошелъ, исполненъ свѣтомъ чуднымъ,
Бродить по сёламъ многолюднымъ
Неутомимою стопой,
Доколѣ хватитъ силъ и вѣка,
Вѣщая видѣнное мной
И пробуждая человѣка....

7.

А тамъ въ бору, удалена
Отъ шумнолюднаго поселья,

Моя бревенчатая келья
Стоитъ пуста, стоитъ одна...
Засну-ль въ ея тиши священной
Кончиной мирной, несмущенной?...
Не знаю! Но прожитыхъ въ ней
Ночей несчитанныхъ и дней,
Безмолвныхъ думъ и слёзъ скорбящихъ,
И сновъ грядущее гласящихъ,
Поста, восторга и труда
Я не забуду никогда.

Н. Огаревъ.

Судъ Божій.

Гласъ Божій: сбирайтесь на праведный судъ,
Сбирайтесь къ Востоку народы!
И слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.
Спѣшатъ и кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются — грозный гремящій соборъ
На Черное море, на синій Босфоръ;
И ропщутъ и пѣнятся волны.
Чреваты громами, крылаты огнемъ
Несутся суда, и надъ ними
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ
И флагъ подъ звѣздами ночными.
Гласъ Божій: „сбирайтесь отъ дальнихъ сторонъ!
Великое время приспѣло

Для тризны кровавой большихъ похоронъ!
Мой судъ совершится; мой часъ положенъ;
Въ сраженье бросайтеся смѣло.

Хомяковъ.

Сумерки боговъ.

(Г. Гейне.)

Явился май, принесъ и мягкій воздухъ,
И золотой свой свѣтъ, и ароматъ,
И дружелюбно бѣлыми цвѣтами
Всѣхъ манитъ, и изъ тысячи фіалокъ
Съ улыбкой смотритъ синими очами,
И разстилаетъ свой коверъ зеленый,
Весь пышно затканный лучами солнца
И утренней росой — и созываетъ
Къ себѣ любезныхъ смертныхъ. Глупый людъ
На первый зовъ покорно поспѣшаетъ.
Мужчины вышли въ нанковыхъ штанахъ
И въ праздничныхъ кафтанахъ съ золотыми,
Сіяющими пуговками; въ цвѣтъ
Невинности всѣ женщины одѣлись;
Крутитъ свой усъ весенній молодежъ;
У дѣвушекъ высоко дышатъ груди;
Поэты городскіе запаслись
Карандашомъ, бумагой и лорнетомъ...
И всѣ ликуя за городъ бѣгутъ,
Садятся на муравчатыхъ полянахъ,
Любуются на быстрый ростъ деревьевъ,
На нѣжные и пестрые цвѣточки,
Внимаютъ пѣнью беззаботныхъ пташекъ
И шлютъ привѣтъ свой яснымъ небесамъ.

И у меня былъ Май съ визитомъ. Трижды
Въ затворенную дверь онъ постучалъ
И кликнулъ мнѣ: „Я Май! Не прячься, блѣдный
Мечтатель! выдь! Тебя я поцалую!“
Но двери я не отперъ, и сказалъ:
„Недобрый гость, зовешь меня напрасно!
Тебя насквозь прозрѣлъ я — и насквозь
Узналъ строенье міра; слишкомъ много
И слишкомъ глубоко узналъ — и прахомъ
Разсѣялись всѣ радости мои,
И въ сердце скорби вѣчныя вселились.
Сквозь каменную жесткую кору
Мнѣ ясно видно все въ людскихъ домахъ,
Въ людскихъ сердцахъ; и здѣсь и тамъ я вижу
Обманъ да ложь, да жалостное горе.
На лицакъ я читаю злыя мысли;
Въ стыдливомъ дѣвственномъ румянцѣ видѣнъ
Мнѣ тайный трепетъ похоти; надъ гордымъ
И вдохновеннымъ юноши челомъ —
Колпакъ дурацкій. Всюду на землѣ
Лишь тѣни прокаженныя я вижу
Да рожи глупыя, и самъ не знаю,
Въ больницѣ я, иль въ домѣ сумасшедшихъ.
Насквозь, какъ въ чистое стекло, я вижу
И всю земную глубь, и весь тотъ ужасъ,
Что Май напрасно хочетъ утаить
Подъ пышной муравой своей. Я вижу,
Какъ мертвецы лежатъ въ гробахъ тамъ тѣсныхъ
Глаза раскрыты, руки скрещены,
Лицо какъ полотно, и бѣлъ ихъ саванъ,
И черви между желтыхъ губъ клубятся.
Я вижу — сынъ съ любовницей шутя
Садится на отцовскую могилу ...
Вокругъ съ насмѣшкой свищутъ соловьи,
И нѣжные, цвѣточки полевые
Лукаво издѣваются, и мертвый
Отецъ въ своей могилѣ шевелится,
И вздрагиваетъ скорбно мать земля.“

О бѣдная земля! твои терзанья
Я знаю. Вижу я, какъ грудь твою
Снѣдаетъ пламя, какъ исходятъ кровью
Безчисленныя жилы, какъ широко
Твоя раскрылась рана, и потокомъ
Вдругъ хлынули огонь и кровь и дымъ!
Я вижу — изъ земной разверстой пасти
Выходятъ исполинскіе сыны
Предвѣчной ночи, машутъ надъ собой
Багровыми свѣтильниками, ставятъ
Свои литыя лѣстницы, и грозно
Бѣгутъ по нимъ на штурмъ твердыни неба.
За ними лѣзутъ карлики, и съ трескомъ.
Тамъ золотыя лопаются звѣзды.
Руками дерзновенныхъ пришлецовъ
Раздернута завѣса золотая
У Божьяго шатра, и съ воемъ нищъ
Святые сонмы ангеловъ упали.
Весь поблѣднѣвъ, сидитъ на тронѣ Богъ,
Рветъ волосы и топчетъ свой вѣнецъ.
Горитъ все царство вѣчности. Повсюду
Пожаръ кровавый мечутъ исполины;
А карлы бьютъ горящими бичами
По спинамъ ангеловъ, и въ смертныхъ корчахъ
Ихъ за волосы тащутъ и кидаютъ.
И мой хранитель ангелъ тамъ, съ цвѣтущимъ,
Прелестнымъ ликомъ, съ русыми кудрями,
Съ блаженствомъ въ голубыхъ глазахъ и вѣчной
Любовью на устахъ ... И гадкій, черный
Уродъ его схватилъ и повалилъ ...
Со скрежетомъ онъ смотритъ на его
Божественные члены ... Сладострастно
Насилуетъ его въ своихъ объятьяхъ ...
И ярый крикъ несется по вселенной ...
Шатнулися основы мировыя —
И рухнули и небо и земля —
И воцарилась тьма предвѣчной ночи.

М. Л. Михайловъ.

Съ того берега.

Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаха
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Пушкинъ (Полтава).

На утесѣ на твердомъ сижу я и слушаю:
Море темное плещетъ, колышется;
И хорошъ его шумъ и безрадостенъ,
Не наводитъ на помыслы свѣтлые.
Погляжу я на берегъ на западный —
И тоска беретъ, отвращеніе;
Погляжу я на дальній на востокъ —
Сердце бьется со страхомъ и трепетомъ.
Голова такъ и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны — да думаю,
А что думаю — говорится вслухъ,
Не то оно пѣсня, не то сказаніе.

Погляжу я на берегъ на западный —
Вотъ что было тамъ, что случилося.
Мерзлымъ утромъ рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улицѣ;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мѣрно пѣхота шла, разъ въ разъ, не сбиваясь;
Гулъ тяжелый несся отъ поступи.
Барабаны трещали безъ умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ — птица кровожадная!
И пришли полки, стали на площадь,
Середь улицы плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Всѣ на плаху глядятъ и безмолствуютъ,
Тишина была страшная, гробовая.

Вотъ на площадь ввели двухъ колодниковъ
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.
Вотъ ввели ихъ двухъ колодниковъ,
А ввели ихъ со солдатами,
А солдаты со саблями съ обнаженными —
Для двухъ скованныхъ сила грозная!
И пришли они два колодника,
По морозцу пришли босоногіе;
Два попа имъ лгали милость божію.
И пришли они два колодника,
А затылки у нихъ острижены,
Топору чтобъ помѣхи не было.
И надѣли на нихъ на колодниковъ
Покрывало черное на каждаго:
За отцеубійство казнить ихъ велѣно.
Да отецъ то гдѣжъ, вы скажите мнѣ?
Развѣ тотъ отецъ, кто казнить велитъ,
Кто казнить велитъ а не миловать?
Ахъ, лжецы вы, лжецы окаянные!
Погляжу на васъ да послушаю —
Такъ съ отчаянья индо смѣхъ беретъ.

И пошли на плаху колодники,
Шли спокойно они и безропотно,
Передъ смертью только воскликнули:
„Эхъ! да здравствуетъ наша родина
И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не разкаялись!“
И попадали обѣ головы.
И палачъ склалъ обѣ головы въ мѣшокъ,
А безглавыя тѣла повалилъ на телѣгу,
Повезли спозаранку къ ночлегу.

И безмолвный народъ по домамъ пошелъ,
Кто понурясь пошелъ съ горькой горестью,

А иной былъ радъ, что богъ милость далъ
Увидать на вѣку дѣло рѣдкое.
Постояли полки — дѣлать нечего,
И пошли опять стройной выстройкой,
Только гулъ стоналъ отъ ихъ поступи.
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ — птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
Въ стары годы ее на знамени
Гордо-лютые носили Римляне.
И у нихъ былъ Брутъ, убилъ кесаря,
И была ему слава великая.
Да не въ прокъ пошло убіеніе —
Самъ народъ былъ рабъ, по душѣ былъ рабъ,
И пошли все кесари да кесари;
Много крови лилось человѣческой...
Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальній на востокъ:
Тамъ мое племя живетъ, племя доброе.
Кесарь хочетъ ему самъ свободу дать,
Хочетъ самъ да побаивается.
Если кесарь самъ намъ свободу дастъ,
Онъ не кесарь — новый духъ святой!
Ну! да какъ же кесарю намъ свободу дать?
У него всежъ орелъ на знамени:
Духъ святой являлся въ видѣ голубя —
А орелъ — птица кровожадная!
Вѣрить хочется и не вѣрится,
Съ думы сердце въ груди надрывается.

И все жаль мнѣ ихъ — этихъ двухъ людей,
Что сложили свои головы
Такъ спокойно и такъ доблестно,
Передъ смертью только воскликнули:
„Эхъ! да здравствуетъ наша родина

И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не раскаялись!“

Моя пѣсня — не просто сказаніе.
Моя пѣсня — надгробное рыданіе
По людямъ, убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человѣческой,
По мученикамъ, по праведнымъ,
Святой вольности угодникамъ.
Моя пѣсня — не просто сказаніе,
Моя пѣсня — надгробное рыданіе:
Изъ груди она съ болью вырвалась,
Отъ глубокой тоски сказалася...
Ты лети-жъ, моя пѣсня скорбная,
Черезъ море, море шумное,
Долетай до людскихъ ушей
Пусть ихъ слушаютъ хотя-не-хотя.
Кто въ душѣ грѣшонъ — тотъ пусть бѣсится,
До него мнѣ и дѣла нѣтъ;
А прямая душа — пусть прочувствуетъ,
Горькой думою призадумается.
А не тронешъ изъ ни единаго —
Лучше-жъ, пѣсня ты моя скорбная,
Потони ты въ плескѣ волнъ морскихъ,
Безъ слѣда развѣйся по вѣтру.

Н. Огаревъ.

Торжество смерти.

За синимъ за моремъ, въ далекой землѣ,
Сошлись молодцы пировать въ Февралѣ.
Тарелки брязжатъ и стаканы звенятъ
И вольныя рѣчи сверкая кипятъ.

Дверь настежъ, съ гуслями вошелъ старичёкъ,
И всѣмъ поклонился, и сѣлъ въ уголокъ.
За нимъ съ самопрялкой старуха вошла,
Съ собой для потѣхи кота привела.
Ерошится котъ и сверкаетъ хребтомъ,
Сердито мурлычитъ и машетъ хвостомъ.
Усѣлась старуха — прядетъ и поетъ;
Подъ музыку пляшетъ, мурлыкая, котъ.

Старуха
(поётъ въ носъ).

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веровочка плетися!
Тру ру, тру ру, тру ру.

Котъ.

Мяу мяу, голубокъ.
Не гуляй другъ одинокъ!
Мяу мяу, молодцы,
Прячте въ воду всѣ концы.
Мяу мяу, мяу мяу, мяу.

И старецъ пустился на гусляхъ играть
Съ присвистомъ, съ прищелкомъ пошелъ припѣвать:

Старикъ.

Ай веревочка свивается,
Ай люли! ай люли!
Въ узелочикъ заплетается,
Ай люли! ай люли!
Да на шейку надѣвается
Ай люли! ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая прядися
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру ру, тру ру, тру ру.

Котъ.

Мяу, мяу сѣрый котъ!
Кошечка на крышкѣ ждетъ.
Мяу мяу чижикъ мой,
Сидя въ клѣткѣ, смирно пой.
Мяу мяу мяу.

Старикъ
(закатисто).

Ахъ головушки вы удалыя,
По французской модѣ завитыя!
Вамъ не долго почивать
На подушечкахъ пуховыхъ,
Вамъ не долго погулять
Въ мягкихъ шапочкахъ бобровыхъ!
Ай веревочка свивается,
Ай люли! ай люли!
Въ узелочикъ заплетается,
Ай люли! ай люли!
Да на шейку надѣвается,
Ай люли! ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая прядися!
Веретешышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру ру, тру ру, тру ру.

Котъ.

Мяу мяу, котъ глядитъ,
Чижикъ въ клѣткѣ не сидитъ;
Мяу мяу, чижъ запѣлъ,
Чижика нашъ котикъ съѣлъ.
Мяу мяу, мяу мяу.

Старикъ
(закатисто).

Ахъ вы шейки бѣлоснѣжныя!
Дѣти барскія вы нѣжныя!

Галстучки пеньковые
Други покидайте!
Галстучки шелковые
Къ зимѣ припасайте
Ай веревочка свивается.....

(Тутъ баринъ, схватясь за бутылку, сказалъ:)

„Перестань старый чертъ ты мнѣ скуку нагналъ!
Старуха не пой! а ты, котъ, не пляши!
А лучше старикъ ты намъ сказку скажи!“
Старушка и котикъ затихнули вмигъ,
И началъ имъ сказочку баять старикъ.

Сказка

О трехъ новыхъ годахъ.

Въ одинъ вечерокъ — настаетъ новый годъ —
Гурьба молодцевъ на попойку идетъ.
Вино и шипитъ и звѣздится въ кубкахъ,
И младость бунтуетъ въ могучихъ сердцахъ.
Вино черезъ край начинаетъ ужъ течь —
Течетъ черезъ край и широкая рѣчь.
Свобода и доблесть у всѣхъ на устахъ,
И пѣсня лихая на звонкихъ струнахъ.
И каждый орлинымъ полетомъ летитъ,
И смѣло грядущему въ очи глядитъ;
И къ Богу кричитъ: „я не хуже тебя!
И міръ перестрою по своему я!“
А вотъ и опять настаетъ новый годъ,
И кучка друзей на пирушку идетъ.
Да только не всѣ собрались пировать:
Одинъ — за бостонъ, а другой — почивать.
Другой говоритъ: „не приду я друзья:
Жена у меня и большая семья.“
А третій: „вѣдь я человѣкъ должностной!
И мнѣ-ль куликать съ молодежью пустой?“

И вино ужъ не льется рѣкой,
И не слышно ужъ пѣсни лихой,
А только, собравшись кружкомъ,
Всякъ шепчется съ другомъ тишкомъ.
А вотъ и опять настаетъ новый годъ —
Да что-то никто на пирушку нейдетъ.
А въ темной конуркѣ горитъ огонекъ,
Въ конуркѣ сидитъ молодецъ одинокъ.
Вино на дубовомъ столѣ не кипитъ,
На столикѣ кружка съ водицей стоитъ,
И заперты крѣпко затворы дверей,
Чтобъ не было въ комнатѣ лишнихъ гостей.
Вотъ полночь проходитъ — и глухо шумятъ,
И двери скрыпятъ и задвижки визжатъ.
Со связкой ключей человѣчекъ вошелъ:
„Здоровъ молодецъ! Новый годъ ужъ пришелъ!
Я вѣсточку къ новому году припасъ,
Тебѣ новоселье готово у насъ.
Два столба съ перекладиной — вотъ дебѣ домъ!
Высокъ и свѣтелъ, и зефиры кругомъ,
И жавронокъ въ небѣ, какъ въ клѣткѣ поетъ,
По зелену полю гуляетъ народъ.
Тамъ будешь, дружокъ, припѣваючи жить,
Пока ангелы станутъ въ трубы трубить.“
Теперь, слава Богу! дошли до конца —
За это мнѣ дайте стаканчикъ винца.
Не корите, друзья, за разсказъ мой плохой:
Таковъ ужъ обычай на Руси святой,
Веселую пѣсню за здравье начнемъ,
А послѣ, на вѣчную память сведемъ.
А вамъ я желаю, безъ мукъ и заботъ,
Не разъ, господа повстрѣчать новый годъ.

Валеріанъ.

На, вотъ тебѣ чарка! да къ чорту ступай,
И дьявольскихъ сказокъ намъ больше не бай!
Красавица-дѣвица! арфу настрой,
Балладу, романсъ, или пѣсню пропой!

Эмилія
(строитъ арфу).

Тра ла ла, ла ла ла...
Я знаю балладу изъ новыхъ временъ,
Какъ съ войскомъ Донъ Педро вошелъ въ Лиссабонъ.

Валеріанъ.

Ты спой намъ балладу, гдѣ слезы и кровь,
И смертъ, и война, и дѣвицы любовь,
Гдѣ русскій дерется до смерти за честь,
Свершивъ надъ тираномъ священную месть.

Эмилія.

Я вовсе незнаю баллады такой,
Довольно вамъ будетъ и пѣсни простой.

Пѣсня.

о

Русскомъ юношѣ.

Какъ цвѣточикъ отягченный
Утренней росой,
Вся въ слезахъ, склонивъ головку,
Дѣвушка идетъ.

Прохожій.

„Душенька, мнѣ сердце рвется,
Глядя на тебя!
Раздѣли со мною горе!
Другъ несчастнымъ я!“

Дѣвушка.

Подъ стѣнами Сантарема
Мой сердечный палъ:
Онъ какъ левъ, за честь Маріи
До конца стоялъ.

На мирокомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ,
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.
Капуцинъ пришелъ съ дарами...
„О святой отецъ!
Разрѣши мнѣ душу! близокъ,
Близокъ мой конецъ!
И послѣднему моленью
Воина внемли:
Обо мнѣ на Русь святую
Вѣсточку пошли!
Тамъ сидитъ моя невѣста,
Ждетъ въ слезахъ меня.
О святой отецъ! скажи ей,
Какъ скончался я!
Ты скажи что я до гроба
Милую любилъ,
Умеръ съ вѣрой, и за вольность
Душу положилъ."
Пѣвица въ раздумьѣ склонилась челомъ,
И бросила арфу, и — слезы ручьемъ.

Валеріанъ.

Красавица радость! Что сталось съ тобой?
Какъ можна заплакать отъ пѣсни пустой?

Эмилія
(въ полголоса).

На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ,
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.....
И снова въ раздумьѣ замолкла краса,
И бѣлымъ платочкомъ закрыла глаза.

Валеріанъ.

Красотка душа! ты не плачь, не тужи
А лучше намъ горе свое разскажи.

Эмилія.

Онъ спитъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ,
Два камня сѣдые да крестъ въ головахъ.
Я птичкой у матушки въ домѣ жила,
Невинна, рѣзва и тщеславна была.
Онъ увидѣлъ меня — онъ мнѣ сердце отдалъ —
И несчастный! — любви за любовь ожидалъ.
Онъ бѣдный художникъ, поэтъ молодой,
А я родилася большой госпожей.
Онъ въ раздумьѣ гулялъ подъ окошкомъ моимъ —
Я, глядя съ балкона, смѣялась надъ нимъ.
Онъ презрѣнье не снесъ — онъ былъ нѣженъ душой —
И покинулъ нашъ городъ, и бросился въ бой —
Гдѣ рать собиралась Испаніи всей,
Гдѣ „вольность!“ кричали при звукѣ мечей.
Прощаясь онъ руки ко мнѣ простиралъ,
И долго слезами порогъ обливалъ...
Я смѣялась — стояла съ другимъ у окна,
Равнодушна, какъ мраморъ, какъ ледъ, холодна...
Онъ палъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ,
Два камня сѣдые да крестъ въ головахъ...
Онъ письмо предъ кончиной ко мнѣ написалъ,
И слезное мнѣ ожерелье послалъ.

Письмо Эдмунда къ Эмиліи
(съ посылкою стихотвореній его).

Души моей царица! ожерелье
Вамъ посылаетъ вашъ пѣвецъ младой,
Быть можетъ, вамъ на брачное веселье
Поспѣетъ мой подарокъ дорогой.
Не правда-ль? Жемчугу богатое собранье?
Смотрите: крупно каждое зерно,
И каждое зерно — слеза, воспоминанье,
И куплено слезой кровавою оно.....
Не плавалъ я среди морей опасныхъ,
Не въ пропастяхъ сокровищъ вамъ искалъ,
Не звонкимъ золотомъ червонцевъ ясныхъ
Вамъ ожерелье покупалъ —

Изъ сердца глубины, при свѣточа сіяньи,
Съ слезами пѣснь моя лилась въ полночный часъ —
Изъ этихъ пѣсенъ, слезъ, живыхъ воспоминаній
Я ожерелье набиралъ для васъ.
Какъ должную вамъ дань, съ улыбкою небрежной,
Пріймите эту нить стиховъ и слезъ моихъ:
Такъ боги, въ небесахъ пріемлютъ безмятежно
Куренье и мольбы отъ алтарей земныхъ.
Красавица дальше не въ силахъ читать,
И начала плакать и тяжко вздыхать....
Но гости не требуютъ вздоховъ пустыхъ:
Имъ надобно пѣсенъ, видѣній живыхъ.
И нехотя арфу пѣвица беретъ,
И пѣсню объ нѣжной графинѣ поетъ:

Пѣсня о графинѣ Турнъ.*)

Въ Теченѣ, въ лѣсахъ Богемскихъ,
Замокъ на скалѣ стоитъ,
И подъ нимъ спокойно Эльба
Воды свѣтлыя струитъ.
Тамъ Графиня молодая
И уныла и блѣдна,
Къ небу очи подымая,
На скалѣ стоитъ одна.....
„Егерь, егерь мой прекрасный!
Посмотри: на небесахъ
Высоко ужъ мѣсяцъ ясный,
Тихо въ замкѣ и въ садахъ.....

*) Содержатель гостинницы въ Течинѣ разсказывалъ мнѣ исторію графини Турнъ. Молодая, прелестная 18-лѣтняя дочь владѣтельнаго графа Турна чахнетъ отъ безнадежной любви къ прекрасному графскому егерю. Отецъ каждый годъ возитъ ее на теплыя воды — все напрасно! Она видимо умираетъ. Идя пѣшкомъ по живописной долинѣ и имѣя въ виду замокъ Турнъ, я мечталъ это стихотвореніе. Жалѣю, что прекрасный матеріалъ не достался въ руки болѣе искуснаго художника.

На террассу удалимся!
Тамъ: въ бесѣдкѣ, при линѣ,
Насладимся, насладимся
Мы любовью въ тишинѣ!“

Егерь.

Ахъ! Эльвира! вы Графиня!
Кто же я? Вассалъ простой!
И любовь моя погубитъ
Драгоцѣнный вашъ покой.
Недоступный надъ долиной
Замокъ графскій вознесенъ;
Недоступною судьбиной
Я съ Эльвирой разлученъ.

Графиня.

Пусть мой замокъ превышаетъ
Башни дальнихъ городовъ!
Всѣ препоны побѣждаетъ
Всемогущая любовь!
А когда, въ бореньи съ міромъ,
Ей побѣда измѣнитъ,
Какъ Коломбъ, она изъ міра
Обветшалаго летитъ,
И подъ грознымъ ураганомъ,
Смѣлый пробивая слѣдъ,
За могильнымъ океаномъ
Новый открываетъ свѣтъ...
А вотъ одинока Графиня сидитъ,
Въ раздумьѣ, въ тоскѣ про себя говоритъ:
Для Графа и для егеря одно
Сіяетъ солнце надъ Богемскими скалами;
Для Графа и для егеря равно
Струится Эльба межъ зелеными лугами.
Святая Дѣва! чѣмъ виновна я,
Что краше онъ и тѣломъ и душею,
Чѣмъ всѣ бароны, графы и князья
Съ ихъ титлами, съ ихъ пышностью златою?

Какъ пышно локоны его густые
Вiются подъ возвышеннымъ челомъ!
И какъ онъ милъ въ зеленомъ казакинѣ,
Съ своимъ ружьемъ двуствольнымъ за плечемъ!
Печальный жребій свой давно я знаю,
Забыть его во вѣки не могу;
Разбить приличій цѣпи не дерзаю,
И смерти я съ покорностію жду.
Чье сердце строгіе законы свѣта
Желѣзной раздробятъ рукой,
Тотъ лишь въ прохладной ночи гроба
Найдетъ цѣлительный покой.
Къ чему, родитель, нѣжныя заботы?
Ужъ Ангелъ смерти надо мной паритъ,
И блекнутъ отъ холоднаго дыханья
Младыя розы дѣвственныхъ ланитъ...

Валеріанъ.

Друзья! чтобъ достойно окончить сей пиръ,
Въ театръ поспѣшимъ! тамъ фантазіи міръ!
Насъ опера ждетъ и волшебный балетъ:
Посмотримъ, что нынче покажетъ поэтъ.

Театръ.

(Занавѣсъ еще не поднятъ. Актеръ выходитъ на авансцену и говоритъ.)

Прологъ.

Почтеннѣйшіе господа!
Сего дня мы имѣемъ честь
Представить: „Новое видѣнье
Столицы древней разрушенье“
Иль называемый иначе,
Языческій Апокалипсисъ,
Дивертисментъ полуволшебный —
Твореньe юнаго поэта,
Еще сокрытаго для свѣта...
Директоръ не жалѣлъ издержекъ,

Чтобъ поддержать сію піэсу
И произвесть эффектъ, какъ должно: —
Онъ много выписалъ машинъ
И кучу новыхъ декорацій
И всѣхъ богинь, за исключеньемъ Грацій.
Почтеннѣйшіе господа!
Вы снисхожденье окажите
Поэту и актерамъ,
И трудъ нашъ общій наградите
Рукоплесканій хоромъ.

(Увертюра. Колокольчикъ звѣнитъ. Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ воздухъ и заливъ Іонійскаго моря. Вдали видѣнъ древній великолѣпный городъ. Немезида съ бичемъ въ рукахъ сидитъ на воздушномъ престолѣ, окруженная подземными духами мщенія.)

Немезида.

Въ трубы громкія трубите!
Вѣтры всѣ ко мнѣ зовите!

Духи
(трубятъ).

Собирайтесь, собирайтесь!
Вѣтры съ запада слетайтесь! (трижды)
Гласъ правдивой Немезиды,
За столѣтнія обиды,
Васъ на мщеніе зоветъ —
Вѣтры! вѣтры всѣ впередъ!

(Вѣтры прилетаютъ со свистомъ и шелестомъ и какъ покорные рабы, ложатся у ногъ Немезиды.)

Немезида
(потрясая бичемъ).

Вѣтры! море обхватите,
Море къ небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И какъ горы, покатите

На преступный этотъ градъ,
Гдѣ оковы, кровь и смрадъ!

(Вѣтры рѣзвыми прыжками изъявляютъ свою радость, лижутъ ноги Немезиды, и потомъ пляшутъ присвистывая.)

Хоръ вѣтровъ.

Пойте и пляшите други!
Въ рѣзвые свивайтесь круги!
Мщенья, мщенья часъ насталъ!
Лютый врагъ нашъ, ты пропалъ!
Какъ гигантъ, ты сталъ предъ нами,
Насъ съ презрѣньемъ оттолкнулъ,
И желѣзными руками,
Волны въ пропастяхъ замкнулъ.
Часто, часто осаждали
Мы тебя съ полкомъ валовъ.
И позорно отступали
Отъ гранитныхъ береговъ!...
Но теперь, за всѣ обиды,
Бичъ отмщаетъ Немезиды!
Что? и намъ пришла пора!
Ха ха ха! ура! ура! —

(Музыка играетъ галопъ — вѣтры улетаютъ попарно, въ бурной пляскѣ. Являются на воздухѣ миріяды сердецъ, облитыхъ кровію и пронзенныхъ кинжалами.)

Хоръ сердецъ.

Въ грудяхъ юношей мы бились
За свободу, правоту,
Къ безконечному стремились,
Обожали красоту...
Порохомъ, кинжаломъ, ядомъ,
Насъ сей демонъ истреблялъ —
Да прольется-жъ, надъ симъ градомъ,
Мщенья вѣчнаго фіалъ!
О святая Немезида!
Да отомстится намъ обида! (трижды.)

(Немезида ударяетъ бичемъ. Буря начинается. Отдаленные раскаты грома — молнія — вѣтры воютъ — море стонетъ — скалы глухо откликаются — морскія птицы стаями летятъ къ берегу — волны вынырнувъ изъ бездны, подымаютъ головы къ небу и цѣлуютъ края ризы его. Являются міріяды факеловъ, погасшихъ и курящихся.)

Хоръ факеловъ.

Богъ зажегъ насъ, чтобъ сіяли
Мы средь сѣверныхъ ночей,
И мы съ радостью пріяли
Огнь отъ божескихъ лучей.
Начиналъ ужъ день отрадный.
Разгонять туманъ густой,
Но звѣрь темный, кровожадный
Задушилъ нашъ вѣкъ младой.
О святая Немезида!
Да отомстится намъ обида! (трижды.)

(Немезида ударяетъ бичемъ. Большой военный корабль крутится въ водоворотѣ, разбивается о скалу и исчезаетъ въ волнахъ. Являются пять померкшихъ звѣздъ.)

Хоръ звѣздъ.

Чистой доблести свѣтила
Мы взошли на небеса,
И съ надеждой обратило
Къ намъ отечество глаза...
Но кровавою рѣкою
Залилъ неба сводъ тиранъ,
И съ померкшею главою
Пали звѣзды южныхъ странъ.
О святая Немезида!
Да отмстится намъ обида! (трижды.)

(Являются блѣдныя тѣни воиновъ, покрытыя кровью и прахомъ: на головахъ у нихъ терновые вѣнки, перевитые лаврами, а въ рукахъ — переломленные мечи.)

Хоръ Воиновъ.

Крѣпко мы за вольность бились,
За всемірную любовь:
Но мечи переломились
И изсякла въ жилахъ кровь!
Къ намъ народы обратили
Очи, смутные отъ слезъ,
Но — безсильные! — просили
Только мщенья у небесъ.
О геенна! градъ разврата!
Сколько крови ты испилъ!
Сколько царствъ и сколько злата
Въ дикомъ чревѣ поглотилъ!
Изрекли ужъ Эвмениды
Приговоръ свой роковой,
И сѣкира Немезиды
Поднята ужъ надъ тобой!
О святая Немезида!
Да отмстится намъ обида! (трижды.)

Немезида.

(Подымается съ престола и одною рукою потрясая бичемъ, а другою указывая на городъ, говоритъ:)

Часъ отмщенья наступаетъ:
Море стогны покрываетъ
И какъ поясъ, обвиваетъ
Стѣны крѣпкія дворцовъ,
Храмы свѣтлые боговъ.

Поликратъ Самосскій

(Выходитъ на плоскую кровлю Іонійскаго дворца.)

О народъ! народъ! молися!
Къ небу вознеси свой гласъ!
За грѣхи караетъ насъ
Бога вышняго десница!

Хоръ утопающаго народа.

Не за наши, за твои
Богъ караетъ насъ грѣхи.
О злодѣй! о волкъ несытый,
Багряницею прикрытый!
Ты проклятіе небесъ!
Ты въ трехъ лицахъ темный бѣсъ —
Ты — война, зараза, голодъ!
И кометы вѣковой
Хвостъ вiется за тобой,
Навѣвая смертный холодъ —
Очи въ кровь потоплены
Какъ затмѣніе луны!
Погибаемъ, погибаемъ,
И тебя мы проклинаемъ!
Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!

Небо
(гремя съ высоты).

И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Земля
(глухо откликаясь).

Аминъ!

Послѣдній приливъ моря — городъ исчезаетъ.

Небо и Земля
(въ одинъ голосъ).

Аминь!!!

(Волны въ торжественныхъ колесницахъ скачутъ по развалинамъ древняго города; надъ ними въ воздухѣ паритъ Немезида, и потрясая бичемъ говоритъ:)

Мщенье неба совершилось!
Все*) волнами поглотилось!

*) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ здѣсь поставлено собственное имя: но оно такъ мудрено, что мы не рѣшились принять это чтеніе въ свой текстъ.

Сѣверные льды сошли.
Карѳагенъ! спокойно шли
Прямо въ Индью корабли!
Нѣтъ враждебныя земли!

(Музыка играетъ торжественный маршъ. Являются всѣ народы, прошедшіе, настоящіе и будущіе и поклоняются Немезидѣ.)

Хоръ народовъ.

Преклонямсмся, смиряемся,
О богиня! предъ тобой,
И какъ дѣти поучаемся
Чтить любви законъ святой
Наказуется гордыня
И народовъ и царей,
И равно сѣчетъ богиня
Флотъ и лодку рыбарей!

(Всѣ народы, настоящіе, прошедшіе и будущіе соединяются съ служебными духами Немезиды и вмѣстѣ съ ними, составляютъ большой балетъ. Буря утихаетъ — и надъ гладкою поверхностью моря, съ Востока подымается вѣчное солнце. Музыка играетъ тихій маршъ. Небо и земля посылаютъ взаимныя привѣтствія. Занавѣсъ опускается.

Въ заключеніе тѣ же актеры имѣютъ честь представить:)

Торжество смерти.
(Интермедія.)

(Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ вселенную во всей ея красотѣ и великолѣпіи. Большой балетъ, небесныя тѣла проходятъ въ стройной пляскѣ, подъ музыку мірозданія.

Является Смерть — прекрасный юноша, на бѣломъ конѣ. На плечахъ его развѣвается легкая бѣлая мантія, на темнорусыхъ кудряхъ вѣнокъ изъ подснѣжниковъ.

Небо и земля и народы земли и прочихъ планетъ сопровождаютъ Смерть съ громкими восклицаніями:)

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Смерть.

Обновляйся ликъ природы,
Ветхій міръ пади во прахъ!
Вспряньте юные народы,
Въ свѣжихъ вольности вѣнкахъ!

(Юные народы тѣснятся около Смерти, обнимаютъ ея колѣна, цѣлуютъ ея серебряныя шпоры и позолоченныя стремена:)

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Хоръ юныхъ народовъ поетъ

Гимнъ смерти.

Веселитеся! — Спаситель,
Царь нашъ, міра искупитель,
Въ свѣтломъ торжествѣ грядетъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Новый богъ младой вселенной!
Міръ тобою обновленный
Пѣснь хвалы тебѣ поетъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!

1-ое Полухоріе.

Ветхаго Творца съ престола
Свергнувъ мощною рукой,
Царствуй, царствуй богъ веселый,
Рѣзвый, вѣтренный, живой!
Богъ свободы, богъ движенья,
Вѣчнаго преображенья!
Богъ всесокрушающій!
Богъ всевоскрешающій!
Богъ всесозидающій!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Ветхое, ничтожное,
Слабое и ложное
Предъ тобой падетъ!

Вольное, младое,
Творчески-живое
Смертью разцвѣтетъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!

Корифей.

Не сидишь ты на престолѣ,
Какъ властитель намъ чужой,
Мрачный и враждебный волѣ
Нашей жизни молодой.
Нѣтъ! Ты между нами ходишь,
Нашей жизнію живешь,
Хороводы наши водишь,
Съ нами пѣснь любви поешь.

2-ое Полухоріе.

Посмотри: скалы сѣдыя
Распахнулись предъ тобой,
И источники живые
Скачутъ сребряной струей.
Ступишь ты — и разцвѣтаютъ
Пышно изъ могилъ цвѣты,
Изъ цвѣтовъ вѣнки сплетаютъ
Новобрачныя четы.
Надъ могилою спокойной,
Радость буйная шумитъ,
И обнявшись, въ пляскѣ стройной,
Дѣва съ юношей летитъ.
Скрылись въ рощицѣ тѣнистой,
Межъ отеческихъ гробовъ,
И подъ ивою вѣтвистой,
Увѣнчалась ихъ любовь —
Рѣзвый богъ! ты обрываешь
Розы дѣвственныхъ красотъ,
И цвѣтокъ преображаешь
Въ сочный и роскошный плодъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!

Весь хоръ.

Насъ исхитившій отъ тлѣнья
Средь темницы и оковъ,
Гласъ пріими благодаренья,
Царь царей и богъ боговъ.
А когда мы подъ клюкою,
Духомъ склонимся во прахъ,
Боже! дивною рукою
Обнови насъ въ сыновьяхъ.
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

(Процессія удаляется. Музыка замираетъ въ неопредѣленныхъ звукахъ. Актеры и зрители исчезаютъ, какъ тѣни. Поэтъ одинъ со свиткомъ въ рукахъ, стоитъ на древнихъ развалинахъ. Богъ смерти является ему въ образѣ черноокой Венеціанки и..... Поэтъ изнываетъ въ ея объятіяхъ; но предъ кончиной онъ еще разъ беретъ арфу и прерывающимся голосомъ поетъ:)

Пѣснь
умирающаго поэта.

Гори гори, мой факелъ томный!
Но вспыхни предъ концемъ живѣй!
На мой ты жребій грустный, темный
Сіянье тихое пролей!
Вся жизнь моя — одно желанье,
Несбывшійся надежды сонъ,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картонъ.
И страждущая грудь лелѣетъ
Видѣній дивную семью:
Рука дрожитъ, языкъ нѣмѣетъ
Осуществить мечту мою.
Созданье вѣчное готово,
И рвется изъ груди поэта —
Кто скажетъ творческое слово?
И разольется море свѣта.

Давно въ груди поэта рдѣетъ
Россіи свѣтлая заря —
О! выньте изъ груди зарю!
Пролейте на небо Россіи!

(Поэтъ начинаетъ бредить:)

О! дайте предъ кончиной
Пѣснь громкую пропѣть!
Я съ пѣснью лебединой
Хотѣлъ бы умереть!
Гремитъ на полѣ ратномъ
Побѣды крикъ въ рядахъ,
И я въ крови, съ булатнымъ
Мечемъ, паду во прахъ.....
И счастія Россіи
Залогъ вамъ — кровь моя!
И всѣ грѣхи Россіи
Омоетъ кровь моя!
Мое вы сердце въ урну
Съ почтеньемъ положите!
И русскимъ эту урну,
Въ день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещетъ,
Потомство, предо мной!
Мой пепелъ затрепещетъ
Подъ крышкой гробовой.....
Я силой благодатной
Прольюся на Россію,
И Русскій ножъ булатный.

. . . . . .

(Поэтъ, испугавшись цензуры умираетъ недокончивъ куплета. Занавѣсъ упадаетъ съ шумомъ — для кого? Поэтъ былъ послѣдній актеръ и послѣдній зритель.)

Тоска по родинѣ.

(Эйхендорфъ.)

На нашихъ дубахъ и березахъ
Старинныя чары лежатъ,
И часто, въ полуночныхъ грезахъ,
Вдругъ пѣть начинаетъ весь садъ.

Порою родное то пѣнье
Я слышу всю ночь до утра,
И сердце въ тоскѣ и томленьѣ
Зоветъ тебя, другъ и сестра!

Другіе мнѣ чужды душою,
И страшно мнѣ въ чуждомъ краю.
Идти бы намъ вмѣстѣ и тобою...
Дай вѣрную руку свою!...

Идти — и не вѣдать разлуки,
И вмѣстѣ, окончивши путь,
Подъ эти волшебные звуки
На отчей могилѣ заснуть!

М. Л. Михайловъ.

Тюрьма.

(Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній.)

1.

Мнѣ было двадцать лѣтъ едва,
Кровь горячо текла по жиламъ,
Трудилась пылко готова
И все казалося по силамъ:
Жизнь міра, будущность людей
Все было тутъ... Но въ мысли каждой
Свободы благородной жаждой,
Я былъ проникнутъ до ногтей.
Врагъ угнетателей бездарныхъ
И просвѣтителей коварныхъ —
Я вѣрилъ здравому уму,
Но не завѣту ничьему,
И было въ доблестномъ безвѣріи,
Въ безстрашіи мысли молодой —
Поболѣе любви живой,
Чѣмъ въ ихъ холодномъ лицемѣріи.

2.

Широкій, плоскій дворъ. Кругомъ
Заборъ съ рѣшеткою желѣзной.
Середь двора высокій домъ,
Гдѣ вѣкъ проводятъ безполезно
Полки замученныхъ солдатъ,
Всю жизнь готовясь на парадъ.
Покои — точно корридоры —
Темны, и длинны; тускло взоры
Кроватей видятъ два ряда;
На каждой войлокъ безобразный,
Въ ночи унылой отдыхъ грязный
За днемъ безплоднаго труда,

А воздухъ тамъ и спёртъ и смраденъ...
Нѣтъ! вѣкъ солдата не отраденъ! —
Бывало утромъ на зарѣ —
Глядишь въ окно на дворъ широкій,
А ужъ ученье на дворѣ,
То есть одинъ дуракъ высокій
Въ рядъ ставитъ двадцать дураковъ
И, подъ рычанье глупыхъ словъ,
Шагать ихъ учитъ, чтобъ не смѣли
Пошевельнуться головой —
Ну! чтобы такъ ходить умѣли,
Какъ и не ходитъ родъ людской.
Съ какою радостью пріятной,
Съ какою злобой непонятной —
Противной даже во врагѣ —
Онъ билъ солдата по ногѣ!
И я глядѣлъ съ нѣмой тоскою,
И скорбно думалъ той порою —
Точь въ точь какъ думаю теперь —
Что человѣкъ ужасный звѣрь.

3.

Но возлѣ комнатъ этихъ длинныхъ
Тамъ было комнатъ пять — едва
Въ длину шести-семи аршинныхъ,
А въ ширину быть можетъ въ два.
Въ одну изъ нихъ меня квартальный
Привезъ въ полночи часъ печальный.
За чѣмъ не днемъ? Какъ это знать?
Такъ... все таинственности ради,
Чтобъ арестанта запугать,
Признаній выманить тетради;
Но никакой разсчетъ пройдохъ
Не могъ застать меня въ расплохъ.
По волѣ предписаній дикихъ,
Въ одной изъ комнатъ не великихъ
Я очутился въ заперти.

Кровать, да столъ, да стулъ убогой,
Да чтобы я не могъ уйти
Былъ часовой поставленъ строгой
У двери, запертой на ключь,
Какъ будто я былъ такъ могучъ,
Что могъ бы вырваться оттуда
Безъ сверхъ-естественнаго чуда.
Но тутъ не все: въ двери окно
И часовому знать дано,
Чтобъ онъ смотрѣлъ — за чѣмъ, не знаю —
Что я въ тюрьмѣ предпринимаю,
И онъ въ окно смотрѣлъ не разъ.
Безумно вѣруя въ приказъ.
Но не имѣли впечатлѣнья
На жизнь мою въ тюрьмѣ моей
Всѣ эти мелкія гоненья
Моихъ невинныхъ палачей.
Мой сторожъ сталъ мнѣ добрымъ другомъ;
Привычный властвовать испугомъ
Передъ смотрителемъ онъ лгалъ —
Я все имѣлъ, чего желалъ.
Изъ угля дѣлалъ я чернилы,
Писалъ на что хватало силы;
Скажу себѣ я не въ укоръ:
Писалъ я вѣроятно вздоръ.
Но я — поклонникъ Сен-Симона —
Тогда грядущаго закона
Отъ всей душевной полноты
Чертилъ онъ важныя черты.
Писалъ — не съ тѣмъ чтобы таиться,
Нѣтъ! передъ подленькимъ судомъ
Я вдохновеннымъ языкомъ
Безумно думалъ обличиться,
Всю мысль былъ высказать готовъ
Предъ сонмомъ хитрыхъ пошлецовъ.
Порой среди ночнаго бдѣнья,
Глухаго полный вдохновенья —
Я въ старой библіи гадалъ

И только жаждалъ и мечталъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока —
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.
Мнѣ не забыть во вѣкъ вѣковъ,
Безумно — сладостныхъ часовъ,
Когда царя тупая сила
Во мнѣ живую жизнь будила.

4.

Среди восторга тайныхъ думъ,
Порой я чувствовалъ глубоко —
Какъ тяжело жить одиноко,
И становился я угрюмъ.
Но мнѣ отрады лучь въ неволѣ
Блеснулъ: въ недѣлю разъ не болѣ
Ко мнѣ мой дядя ѣздить сталъ;
Его я въ правду уважалъ.
Свободы былъ бы онъ ораторъ
Въ иной, не рабской сторонѣ;
У насъ онъ только былъ сенаторъ,
Былъ врагъ душевной кривизнѣ,
А все же прожилъ вѣкъ безплодно
Въ борьбѣ, средь мелкаго труда —
Какъ то бываетъ завсегда
Тамъ, гдѣ и мыслить несвободно.
Миръ праху твоему старикъ!
Успѣхъ былъ малъ, а трудъ великъ.
Когда тебѣ въ воспоминанье
Изъ глазъ моихъ слеза текла,
Невольной скорби воздаянье,
Повѣръ — она всегда была
И откровенна и тепла.

5.

Еще я помню посѣщенье...
У насъ гусарскій полкъ стоялъ;
Бывало конное ученье,

И часто средь двора кричалъ,
Забавно, голосомъ пискливымъ,
Красуясь на конѣ ретивомъ,
Огромный, толстый генералъ.
Разъ, недовольный эскадрономъ
Съ отчаянья почти со стономъ
Взглянулъ онъ къ верху — къ небесамъ;
Но до небесъ на пол-дорогѣ,
Взоръ останавливая строгій
На окнахъ — у одной изъ рамъ
Онъ, арестанта наблюдая,
Дивяся, вдругъ узналъ меня.
Съ отцомъ знакомство вспоминая
И долгъ приличія цѣня,
Онъ тотчасъ добылъ позволенье
И посѣтилъ мою тюрьму.
Пришлось его благоволенье
Прискорбнымъ сердцу мосму!
Онъ былъ, конечно, малый честный,
По кавалеріи извѣстный,
Но долгомъ счелъ онъ мнѣ урокъ
Прочесть, похожій на упрекъ.
Бранилъ и очень оскорблялся —
За чѣмъ въ тюрьму я такъ попался,
За чѣмъ любилъ моихъ друзей,
За чѣмъ не понялъ жизни всей,
Къ чему весь образъ мыслей вольной?...
Вотъ онъ — знакомствъ имѣлъ довольно,
Знакомства почиталъ за честь,
А друга не хотѣлъ завесть;
За то — какъ доблести ни малы —
А вышелъ скоро въ генералы,
И еслибъ былъ я не простакъ —
И мнѣ бы надо дѣлать такъ.
Я-жъ молча думалъ: безъ участья,
Безъ чувствъ, безъ мыслей и безъ счастья,
И даже, можетъ безъ похвалъ —
Помрешъ ты глупый генералъ!

6.

Приходитъ (хоть не очень чинно)
Въ воспоминаніе мое —
Какъ бабы на веревкѣ длинной
Сушили мокрое бѣлье.
Одна изъ нихъ мое вниманье
Влекла, не знаю почему:
Волосъ ли русыхъ колебанье
Пришлось по нраву моему,
Иль глазъ лазурныхъ взглядъ унылый,
Смотрѣвшихъ грустно на меня,
Иль тихій свѣтъ улыбки, милой
Какъ утро радостнаго дня —
Но что то къ ней меня манило...
То были-ль призраки любви...
Иль просто жаръ бродилъ въ крови —
Но часто ночью мнѣ мечталось,
Что дверь тихонько отворялась,
И робко шла ко мнѣ она —
Голубоокая жена,
И вдругъ бросалась мнѣ на шею,
Я счастливъ я, дохнуть не смѣю...
И увидавъ, что это сонъ
Я былъ глубоко удрученъ.
Свѣчу печально зажигая,
Съ постели трепетно вставая,
Я строгость мысли призывалъ,
И снова въ библіи гадалъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь и смерть пророка.

7.

Но капитанъ, казармъ смотритель,
Порою другъ, порой гонитель,
Съ меня немного взятки взявъ,
Вдругъ возъимѣлъ пріятный нравъ.
Къ себѣ сталъ въ гости звать не рѣдко,

Поилъ не дорогимъ виномъ;
Его супруга какъ насѣдка,
Сидѣла съ нами вечеркомъ,
Кудахтая о чемъ то сложно,
О томъ, что жить едва возможно,
Все дорого... чтобъ лучше жить
Мнѣ имъ бы надо пособить.... —
Четы уныло гарнизонной
Я не хочу винить никакъ:
Все-жъ капитанъ мой благосклонный
Былъ малый добрый, но бѣднякъ.
Но, боже мой, какъ скучно было
Къ нему ходить! И какъ меня
Его присутствіе томило —
Грустнѣй печальнѣйшаго дня,
Какъ съ ними часъ побывъ, сй богу,
Стремился я въ свою берлогу,
Чтобъ о грядущемъ, одинокъ,
Я вновь свободно думать могъ.

8.

Шли дни за днями слѣдомъ скучнымъ;
Уже за лѣтомъ пыльно-душнымъ
Дожди осенніе пошли;
Потомъ, остынувъ, съ неба тучи
Накинули поверхъ земли
Въ холодныхъ хлопьяхъ снѣгъ сыпучій,
И побѣлѣлъ широкій дворъ.
Все стало пусто, молчаливо,
И только рѣдко видѣлъ взоръ,
Какъ офицеръ нетерпѣливой —
Въ саняхъ къ подъѣзду сквозь мятель,
Спѣшилъ, закутавшись въ шинель.
Терялось время въ скукѣ дикой,
Хоть и трудилась голова...
Но праздникъ наступалъ великой —
И вотъ канунъ былъ рождества.

Вдругъ входитъ сторожъ въ часъ полночной...
„Какъ?“ говоритъ, „ты баринъ мой
И въ праздникъ будешъ также точно —
Одинъ, какъ каторжный какой?
Вздоръ, вздоръ! Никто мѣшать не смѣетъ,
Пойдемъ въ казарму... Ни по чемъ
Намъ часовой. Пойдемъ вдвоемъ
Такъ просто смѣлымъ богъ владѣетъ.
Повѣрь, въ казармѣ всякъ солдатъ
Тебѣ какъ другу будетъ радъ.“ —
Вотъ пропустилъ, хоть и замѣтилъ
Насъ часовой, такъ раза два
Тревожно кашлянувъ едва.
Солдатъ меня въ казармѣ встрѣтилъ
И обнялъ, а потомъ другой,
И самъ фельдфебель обнялъ братски...
Я былъ имъ братъ, былъ имъ родной,
Да! это праздникъ былъ солдатскій
И праздникъ истинный былъ мой!
Въ казармѣ длинной колебались
Лучи лампады, чуть блестя,
Со мной солдаты обнимались,
А я — я плакалъ какъ дитя!
Хотя порой фельдфебель грозный
Въ побояхъ видитъ долгъ серьезный,
Хоть косо смотритъ часовой
На узника, боясь побой;
Но всѣжъ солдатъ нашъ и не злобенъ,
Да и къ шпіонству не способенъ,
Не смотрятъ братья мужика
На угнетенныхъ свысока.
Пускай французъ, поклонникъ власти,
Народъ рабочій рветъ на части;
Пусть нѣмецъ, воинъ-патріотъ,
Бездушно душитъ свой народъ
Изъ чувства дисциплины глупой;
Но всѣ вы генералы отъ —
Чего угодно — свой разсчетъ

У насъ ведете очень тупо:
Рожденъ солдатъ нашъ добрякомъ,
Не встанетъ братъ противу брата
И не удастся палачёмъ
Вамъ сдѣлать русскаго солдата!

9.

Когда-жъ вернулся я въ тюрьму
И мнѣ пришлось быть одному
Въ ночи безмолвной и унылой —
Не палъ я духомъ. Новой силой
Я былъ исполненъ... Мигъ святой!
То было тайное сознанье,
Что я народу не чужой! —
Что мнѣ тюрьма и что изгнанье?...
Весь этотъ пошлый вздоръ пройдетъ,
И часъ придетъ, и часъ пробьетъ —
Мы свергнемъ рабской жизни муку —
И мнѣ мужикъ протянетъ руку.
Вотъ что мнѣ надо! для того
Готовъ стерпѣть я безъ печали
Тюрьму и ссылку въ страшной дали
И все мнѣ это ничего.
Но спать не могъ я отъ волненья
И сталъ въ раздумьи у окна:
Какой морозъ и тишина!
Широкій дворъ средь запустѣнья
Лежалъ весь бѣлый, и луна
Надъ нимъ свѣтилася блѣдна.
Могилой вѣяло... Шатая
Одинъ метался какъ живой,
Себя упорно согрѣвая,
Предъ воротами часовой.
Я съ тайнымъ чувствомъ содроганья
Смотрѣлъ на снѣгъ, на лунный свѣтъ —
Какъ будто нѣтъ намъ упованья,
Какъ будто выхода намъ нѣтъ!

Мы на людскомъ пиру не гости,
Кровь наша стынетъ, мерзнутъ кости
И гробовая тишина
Судьбою намъ обрѣчена.
Не ночь одну въ тоскѣ глубокой,
Безъ сна, глядя на дворъ широкій,
На мертвый снѣгъ, на лунный свѣтъ —
Я думалъ, что надежды нѣтъ!
Но чтобъ разрушить власть могилы
Сбиралъ всѣ внутреннія силы
И въ старой библіи гадалъ
И снова жаждалъ и мечталъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока —
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.

10.

Съ тѣхъ поръ прошло такъ много лѣтъ,
Царь Николай — какъ былъ — въ мундирѣ
И не лишенный эполетъ,
Гніётъ себѣ въ подземномъ мірѣ;
Давно мой толстый генералъ
Прилично Богу духъ отдалъ,
И капитанъ мой, при кончинѣ,
Чай въ гробъ сошелъ въ маіорскомъ чинѣ:
А я, выносливый пѣвецъ,
Тружусь посильно издалёка —
Уже безъ гордости пророка,
Но тотъ же искренній боецъ,
Тружусь чтобъ стали наконецъ
И правосудье, и свобода —
Удѣломъ русскаго народа.

Н. Огаревъ.

Уединеніе.

Привѣтствую мое уединенье,
Къ тебѣ паритъ Божественный огонь души.
Подъ бременемъ тяжелаго сомнѣнья,
Подъ гнётомъ мелочныхъ интригъ и пустоты,
Мятежныхъ чувствъ бурливыя волненья
Влекутъ пѣвца на лоно сумрачной тиши.
Прими подъ сѣнь твою отверженныя свѣтомъ,
Невѣжествомъ попранныя мечты,
И голосъ истины, взлелѣянной поэтомъ
Въ забвеніи ничтожной суеты —
Безумною, безсмысленной толпой
Растоптанный порывъ поэзіи святой.
Напрасны были всѣ желанья
Возбудить благородный жаръ
Въ сердцахъ безчувственныхъ, жестокихъ,
И погасивъ страстей пожаръ,
Внушить порывы думъ высокихъ,
И сердца нѣжнаго живое трепетанье;
Напрасенъ гласъ порывистаго чувства
Среди ничтожнаго, паркетнаго искусства
Безумiемъ, тлетворною отравой,
Невѣжествомъ вскормленная толпа,
Съ тщеславной пустотой и модной славой,
Не поняла въ средѣ своей пѣвца —
Ни мысли глубины, ни цѣли благородной,
Ни этой рѣчи вольной и свободной,
Которую дала ему въ удѣлъ судьба.
Лавроваго не требуя вѣнца,
Онъ презираетъ суетной толпы кумиры,
И звуками небесной лиры
Святую истину вѣщаетъ онъ народу —
Гоненья не страшась, поётъ его свободу,
Оставьте же въ пылу высокихъ думъ
Его среди безмолвной тишины!

Вамъ не поймет кичливый умъ
Поэзій мучительные сны,
Средь народныхъ маскерадовъ,
Обѣдовъ шумныхъ и пировъ,
Средъ танцовальныхъ вечеровъ
И модной роскоши нарядовъ.
Его не тронутъ пошлыя забавы,
Чѣмъ восхищается паркетный свѣтъ,
А вкрадчивую лесть, какъ ядовитыя отравы,
Отвергнетъ съ гордостью поэтъ.
Найдетъ въ своемъ уединеньи
Онъ высшей силы благодать;
Поэзій святое вдохновенье
Къ нему на помощь станетъ прилетать
И грезы чудныя на душу навѣвать.

П. П.

У з н и к у.

(Михайлову.)

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

* * *

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

* * *

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ за него.

* * *

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь, плодъ взойдетъ и наше племя
Отмститъ сторицею врагамъ.

* * *

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

У параднаго крыльца.

Вотъ парадный подъѣздъ;
По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Пѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.
Записавъ свое имя и званье,
Ретируются гости домой
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь — въ томъ ихъ призванье.
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:

Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то и знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ;
Возвращаясь, иной напѣвастъ: трамъ-трамъ!
А иные скрежещутъ и плачутъ.
Разъ я видѣлъ сюда мужики подошли
Деревенскіе, русскіе люди,
Помолились на церковь и стали въ дали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди.
Показался швейцаръ. „Допусти“, говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: не красивы на взглядъ
Загорѣлыя лица и руки;
Армячишка худой на плечахъ,
По катомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльныя лапти обутыхъ.
(Знать брели-то далеко они,
Изъ какихъ нибудь дальнихъ губерній)
Кто-то крикнулъ швейцару: гони!
Нашъ не любитъ оборванной черни.
И захлопнулась дверь... Постоявъ,
Развязали мошны пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: „Суди его Богъ!“
Разводя безнадежно руками
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами;
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубоко объятъ.

* * *

Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись — есть еще наслажденіе!

Вороти ихъ: въ тебѣ ихъ спасеніе...
Но счастливые глухи къ добру.
Не страшатъ тебя громы небесные,
А земное ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ...
Что тебѣ эта скорбь вопіющая?
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь — очнуться тебѣ не даетъ!
И къ чему? Щелкопёровъ забавою
Ты народное право зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою
И со славой умрешь.
Безмятежной, Аркадской идилліей
Закатятся прекрасные дни
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни;
Созерцая, какъ солнце пурпурное,
Погружается въ море лазурное
Полосами его золотя,
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны, какъ дитя
Ты уснешь — окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ).
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу, герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громко хвалой.

* * *

Впрочемъ чтожъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ вымѣстить злобу?
Сами терпимъ... Еще веселѣй
Въ чемъ нибудь пріискать утѣшеніе.

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ провидѣніе
Указало... Да и онъ самъ привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля,
И пойдутъ побираться дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ.
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи,
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ тѣлегой ночуя въ степи.
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту божьему, солнцу не радъ,
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ
У подъѣздовъ судовъ и палатъ. —
Тамъ на Волгѣ — чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется,
Бурлаки то идутъ бичевой.
Волга, Волга! Волной многоводной
Ты не такъ поливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Ахъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешся-ль, исполненный силъ?
Иль судебъ повинулся закону,
Все что могъ ты уже совершилъ,
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

Фантазія.

Шибко по полю мчится дорожный возокъ,
Подъ дугой заливается яркій звонокъ,
И отъ звона пугается стая воронъ,
И далече разносится грохотъ и звонъ...
И безмолвно вперяюсь я въ тусклую даль,
И чего-то я жду, и чего-то мнѣ жаль —
И все чудится, будто встаютъ мужики
И острятъ топоры и сбираютъ полки,
И огромною ратью идутъ безъ бояръ
На Москву — да на Питеръ... А въ полѣ пожаръ
И гудитъ и визжитъ, озаряя имъ путь,
„Не бѣлые снѣги“ надрываютъ имъ грудь,
И поютъ мужики..... Вотъ и Кремль и Москва.....
И катится одна за другой голова —
Что-то грозное будетъ.....

* * *

Шибко по полю мчится дорожный возокъ,
Подъ дугой заливается яркій звонокъ,
И отъ звона пугается стая воронъ,
И далече, далече проносится звонъ.....
И безмолвно вперяюсь я въ тусклую даль,
А на сердцѣ и мщенье и жолчь и печаль!.....
И все чудится будто-бы цѣпи звенятъ —
Но ни вопля, ни слезъ — лишь проклятья гремятъ,
„Не бѣлые снѣги“ надрываютъ намъ грудь,
И мы въ каторжныхъ шубахъ и дологъ нашъ путь...
А вокругъ собрались попы да полки,
И акафисты правятъ, и точатъ штыки —
Что-то страшное будетъ.....

* * *

Шибко по полю мчится дорожный возокъ,
Подъ дугой заливается яркій звонокъ,
И отъ звона пугается стая воронъ,
И далече разносится грохотъ и звонъ.....

Фейерверкъ.

Я страшный видѣлъ сонъ. Мнѣ снилось будто гдѣ-то,
Въ какомъ то смрадномъ я вертепѣ заключёнъ
Запоры да замки, ни воздуха, ни свѣта,
И душно было мнѣ. Кругомъ я слышалъ стонъ,
Да свистъ бичей, да жертвъ отчаянныя крики,
Проклятья и мольбы, и хохотъ палачей,
Напѣвы пьяныя какихъ то пѣсенъ дикихъ —
И стукъ оковъ, и звукъ брящающихъ цѣпей.
Обширенъ былъ вертепъ, людей въ немъ было много,
И все томилося въ потьмахъ и духотѣ.....
И терлись между нихъ назойливо и строго
Тюремщикъ да палачъ. Привычный къ темнотѣ,
Ихъ глазъ слѣдилъ за всѣмъ, ихъ ухо каждый шопотъ
Казалось слышало, ловило всякій плачь.....
И — горе бѣдняку! За жалобу, за ропотъ
На истязаніе тащилъ его палачь.
И всѣмъ внушали намъ, чтобъ были мы покорны,
Что Богъ намъ такъ велѣлъ, что нѣту благъ иныхъ,
Что блага прочія мечтательны и вздорны.
Что смирныхъ возведутъ въ тюремщики самихъ,
И право, въ свой чередъ, дадутъ имъ безгранично
Губить и буйствовать, и грабить, и душить.
Что можно красть и лгать, но ловко и прилично;
Что все тому простятъ, кто мастеръ доносить.
И узниковъ народъ, казалось, примирился
Съ своею долею; подъ бременемъ оковъ
Несчастный по уши погрязъ и опустился

Въ пороки гнусные подавленныхъ рабовъ:
Невѣжество, обманъ и ложь и лицемѣрье,
Мздоимство, подкупъ, лесть, навѣты и подлогъ,
И вѣру для него смѣнило суевѣрье,
И стало золото ему единый Богъ.
Изъ удушающей атмосферы насилья
Исхода я искалъ; но запертъ былъ исходъ,
И стерегло его народное безсилье,
И жалко было мнѣ подавленный народъ.
Въ его паденіи, въ его несчастной долѣ,
Безвѣстный всѣмъ пѣвецъ, душою я скорбѣлъ,
Поклонникъ пламенный добра, любви и воли —
Хоть пѣсней узниковъ утѣшить я хотѣлъ,
И въ памяти поднять забитаго народа
Слова, которыя давно утратилъ онъ.
Сказать, что есть и свѣтъ, и право, и свобода;
Напомнить узникамъ, что сила не законъ,
Что быть осиленнымъ насиліемъ возможно;
Но права признавать насилія не должно!
Что все невольное обманчиво и ложно,
Коварно, пагубно неправо и темно!.....
Мой голосъ съ первыхъ словъ шпіоны услыхали,
Напали на меня тюремщики толпой,
И подняли бичи, и яму указали,
И ротъ зажали мнѣ нечистою рукой
. . . . . .
Вдругъ, что то странное въ вертепѣ совершилось:
Внезапно ослабѣлъ давившій душу гнетъ,
Громадная тюрьма какъ будто оживилась,
Вздохнулъ, задвигался колодниковъ народъ.....
На часъ, казалося, замолкли плачь и стоны;
Пахнуло воздухомъ; мелькнулъ отрадный свѣтъ;
Тюремщикъ былъ въ слезахъ, въ смущеніи шпіоны
И узники толпой кричали мнѣ „Разсвѣтъ!“
И чей то голосъ вдругъ подобно сладкой пѣснѣ,
Раздался съ высоты „вставай народъ-мертвецъ!“
„Вставай униженный! Подавленный воскресни!
„Конецъ насилію, цѣпямъ твоимъ конецъ!“

И мы повѣрили отрадному обѣту,
(Въ несчастьи вѣрится такъ скоро и легко!)
На встрѣчу бросились мерцающему свѣту;
Но свѣтъ бѣжалъ отъ насъ, блисталъ онъ далеко.....
И это былъ не онъ, тотъ свѣтъ животворящій,
Свѣтъ вѣчный, истинный, то былъ не солнца свѣтъ;
А просто фейерверкъ трескучій и блестящій,
Иллюминація, минутный блескъ ракетъ!
Въ его колеблемомъ, сверкающемъ сіяньи
Едва успѣли мы другъ друга опознать;
Про наши бѣдствія, неволю и страданье,
Про наши тяготы взаимно разсказать;
Оно лишь ужасы яснѣе озарило,
Которыя досель отъ насъ таила тьма!.....
Но фейерверкъ угасъ и все опять какъ было
И тѣ-жъ тюремщики, шпіоны и тюрьма.....

Фонарики.

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мнѣ
Что видѣли, что слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ —
Ночные караульщики,
Вашъ вѣрно зорокъ глазъ?
Вы видѣли-ль, примѣтили-ль
Какъ дѣвушка одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близъ стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать

И шопотомъ украдкою
„Люблю“ ему сказать?
Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждетъ. —
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зоветъ?
И вотъ они встрѣчаются —
И радость, и любовь —
И вотъ они назначали
Свиданье завтра вновь.
Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой,
Ту женщину безумную...
Заплаканы глаза,
Ея всѣ жизни радости
Похитила гроза!
Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль преступника,
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли-ль веселаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль сироточку,
Прижавшись въ уголокъ,
Какъ проситъ у прохожаго,
Чтобъ бѣдной ей помогъ —
Какъ горемычной холодно,
Какъ страшно въ темнотѣ!
Уже-ль никто не сжалится,
И гибнуть сирогѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль мечтателя,
Поэта въ часъ ночной?
За рифмой своенравною,
Гоняясь какъ шальной —
Онъ хочетъ муку тайную
И неба благодать
Толпѣ, ему внимающей,
Звучнѣе передать?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Быть можетъ не примѣтили?...
Да имъ и дѣла нѣтъ,
Горѣть имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею,
Фонарщикъ ихъ зажегъ,
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ.

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой!
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!

Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.
Имъ даже не приказано
Вокругъ себя смотрѣть;
Одна у нихъ обязанность:
Стоять тутъ и горѣть!...
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ!...
Такъ что-жъ имъ и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой!
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!

Мятлевъ.

Французамъ.

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты, всѣ волненья?
Ты изъ огня да въ полымя попалъ,
Гдѣ эта спорная, несчастная свобода,
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа —
Гдѣ ваша къ вольности любовь?

Теперь вы новому властителю такъ рады,
Вы голову предъ нимъ рѣшились преклонить.
Зачѣмъ же строили вы ваши баррикады,
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Нѣтъ, видно не бывать утопіи на свѣтѣ,
И правду — шатку говоря —
Вы не сыны отечества, вы дѣти,
Лягушки вы, просящія царя!
Давно-ли президентъ казался вамъ чурбаномъ,
Давно-ль какъ надъ шутомъ смѣялись вы надъ нимъ?
И чтожъ? — Облеклись царскимъ саномъ.
Онъ цаплей сдѣлался на зло врагамъ своимъ.
А вы всѣ съежились, хвосты свои поджали,
Склѣили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
Да здравствуетъ Наполеонъ!
Кричите громче! Бѣсноваться
Не въ первый разъ французамъ безъ пути.
Наполеона вамъ втораго не дождаться,
А съ третьимъ вамъ не далеко уйти.

Цапли.

Жилъ, да былъ пѣтухъ индѣйскій
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И услышалъ Саваоѳъ;
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ —

Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ отдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?
Цапли чахли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

Баратынскій.

Часовые.

Посвящ. В. Г. Б.

Не время спать!

„Слушай! Слушай!“ гремитъ надъ сонною землею...
То окликъ часовыхъ,
Они одни стоятъ и въ жаръ и подъ грозою,
Все на мѣстахъ своихъ.
И мимо часовыхъ идетъ себялюбиво
Толпа, и всѣ спѣшатъ
Себѣ построить домъ, свою засѣять ниву
И отыскать свой кладъ.
И ежедневною осилены заботой
Не смотрятъ люди въ даль:
Приноситъ каждый день имъ новую работу
И радость иль печаль.
Утомлены они работами дневными
И крѣпокъ сонъ людей...
А между тѣмъ гроза сбирается надъ ними;
Въ тмѣ крадется злодѣй;

И грѣхъ растетъ межъ нихъ безстыдно, безъ боязни;
Врагъ цѣпи имъ куетъ;
И судъ исторіи готовитъ людямъ казни...
Кто-жъ сонный міръ блюдетъ?
Надъ нимъ стоятъ одни во мракѣ часовые
И зорки очи ихъ:
И не заснутъ они въ минуты роковыя,
Не бросятъ мѣстъ своихъ.
Межъ ними есть одни увѣнчанны судьбою,
Полміромъ почтены,
Высоко держатъ стягъ могучею рукою.
На нихъ устремлены
Всѣхъ современниковъ внимательные очи;
Ихъ подвиги гремятъ
И гордо надъ толпой днемъ и во мракѣ ночи
Могучіе стоятъ.
И ярко ихъ щиты блестятъ надъ вышиною,
Ихъ громки имена,
И слышно далеко ихъ слово громовое:
„Возстаньте ото сна.“
„Слушай! готовитъ врагъ ночное нападенье!
Слушай, грозитъ бѣда!
Порокъ ползетъ въ тиши, и злое преступленье
Свершилось безъ суда!
Слушай, къ оружій! за правду, за свободу!
Насталъ, вновь день борьбы!
Слушай!...“ И, слыша кличь, волнуятся народы
И ждутъ своей судьбы.
Но есть другихъ бойцевъ рядъ темный, безименный,
Не виденъ міру онъ,
Стоитъ съ мечомъ въ рукахъ онъ мракомъ облеченный
Безъ вѣющихъ знаменъ.
И повторяетъ онъ: Слушай! надъ соннымъ міромъ,
Не видимъ на мѣстахъ —
„Слушай, о братія, война земнымъ кумирамъ!
Они да рухнутъ въ прахъ!“
И братьевъ въ тишинѣ внимаетъ онъ призванью
И шепчетъ: „Слава имъ!

Пусть имя ихъ живетъ въ народномъ почитаньи,
Въ урокъ вѣкамъ другимъ!
Пусть современники и будущее племя
Не знаютъ нашихъ дѣлъ!
Пусть нашей жизни слѣдъ совсѣмъ завѣетъ время;
Забвенье нашъ удѣлъ ...
Мы долгъ свершили свой, мы тоже сторожили
Міръ спящій до зари;
За ту-же Истину мы мечъ свой обнажили,
За тѣ-же алтари.“

19-го Августа, 1856-го года.

Человѣкъ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Разрѣшая такъ и сякъ,
Жилъ когда-то Грекъ философъ,
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ какъ жалкій нищій,
Полунагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ.
Въ бочкѣ жилъ, лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ —
Онъ героя Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя, и полубога,
Гордой просьбой изумилъ:
„Отодвинься, братъ, не много,
Ты мнѣ солнце заслонилъ“.
О давно-минувши лѣта,
Незапамятная старь!
Днемъ при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь.

И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ...кругомъ глядитъ....
„Ищешь ты кого, безумный?
— Человѣка“, — говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка
И искалъ его вотще.
Еслибъ шелъ онъ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ,
И донынѣ человѣка
Все искалъ бы Діогенъ.
Ищемъ мы его... Открыта
Намъ исторій скрижаль,
Въ письменахъ ея развита
Дней давно протекшихъ даль.
Видимъ нѣсколько сокровищъ,
Много хлама жизни сей,
Много смертныхъ, лже-людей,
И властительныхъ чудовищъ —
И божественныхъ царей.
Всюду брани, да оковы,
Видны — Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ, изящный Грекъ....
Много смертныхъ полудиковъ,
Много мелкихъ, горсть великихъ —
Гдѣ же просто человѣкъ?
Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ,
Можно было „ecce homo“!
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Приглашалъ, и чистой кровью
Онъ Своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ Имъ испуганъ.
Онъ былъ схваченъ и поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ

Отъ ватаги фарисейской —
Казнью крестною, злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ Онъ
Оцетъ пилъ средь смертной жажды....
Человѣкъ однакожъ могъ
Проявиться хоть однажды?
Нѣтъ, я слышу: то былъ Богъ!

Гибкій человѣкъ.

(Михайлѣ Ивановичу.)

Я составилъ себѣ положеніе —
Безъ связей, безъ протекцій, одинъ.
У меня славный домъ и имѣніе,
Ордена и почетнѣйшій чинъ.
Оттого, что сгибаться почтительно
Было дѣломъ святымъ для меня;
Говорятъ: шею гнуть унизительно!
Это все пустяки, болтовня;
Это мелятъ философы новые,
(Упаси и избави насъ Богъ!)
Это все либералы суровые,
Безъ чиновъ, кошелька и сапогъ.
Я такимъ убѣжденьямъ не слѣдую,
Не такая натура моя.
Сыновьямъ я своимъ проповѣдую:
Дѣти, гнитесь какъ гнулся и я.
У меня былъ заступникъ сіятельный,
Оттого онъ и силу мнѣ далъ,
Что чиновникъ я смирный, искательный,
И ему какъ никто угождалъ.
Разъ — помню — пришелъ я съ докладами:
Передъ нимъ его младшая дочь —

На нее онъ сердитыми взглядами
Смотритъ сумраченъ, грозенъ какъ ночь.
Обернулся ко мнѣ и съ суровою
Миною мнѣ онъ изволилъ сказать:
„Что мнѣ дѣлать съ дѣвчонкой бѣдовою?
Мнѣ не хочетъ руки цѣловать!
Покажи ей примѣръ послушанія,
Одолжи ты меня старика —
Поцѣлуй для ея назиданія.“
Тутъ его протянулась рука.
Въ тужъ минуту, смиренно, почтительно
Побѣжалъ я, согнувшись дугой
И губами своими чувствительно
Приложился къ рукѣ дорогой.
Помню также другой замѣчательный,
Славный случай изъ жизни моей:
Было лѣто: начальникъ сіятельный
Жилъ въ то время на дачѣ своей.
Въ вицъ-мундирѣ, навѣсивъ отличія,
Я являюсь къ нему, только вдругъ
Говоритъ онъ: „Такія приличія
Безполезны на дачѣ, мой другъ.
Здѣсь не городъ, тебѣ позволительно
Въ сюртукѣ здѣсь стоять предо мной.“
Я ни слова; согнулся почтительно
И изъ комнаты мигомъ домой.
Снялъ тотчасъ я свои украшенія,
Взялъ сюртукъ у лакея его
И исполненъ святаго смиренія,
Передъ шефа предсталъ своего.
Много, много услугъ я оказывалъ,
Чтобы быть у него на виду:
Для него я обѣды заказывалъ,
Разчищалъ я дорожки въ саду,
На лошадкѣ сыночка прокачивалъ,
У супруги болонокъ чесалъ —
Въ магазины по счетамъ уплачивалъ
И провизію въ домъ припасалъ.

По его одному мановенію,
Голосъ сердца въ себѣ затая,
Правыхъ я подвергалъ осужденію
И виновныхъ оправдывалъ я.
Чуть кого награждалъ онъ любовію,
Я того принимался любить;
Никакому ни въ чемъ прекословію
Не давалъ изъ себя выходить.
Оттого я вознесся значительно,
Оттого сила есть у меня;
Говорятъ шею гнуть унизительно!
Это все пустяки, болтовня.

Заштатный чиновникъ.

Чиновникъ ужь заштатный я,
Хоть прежде штатнымъ былъ;
Поутру аккуратно я
На службу приходилъ.
Любилъ свое присутствіе
Какъ мать родную я,
И не имѣлъ предчувствія,
Что выключатъ меня!....
Бывало, только солнышко
Проглянетъ съ небеси,
Ужь я беру извощика,
Или иду въ грязи.
Къ окну свому знакомому
Прійду, не оглянусь,
Тотчасъ къ столу зеленому
Смирнехонько сажусь.
Чернильница казенная,
Съ песочницей, съ перомъ,

Бумага испещренная
И ящикъ подъ замкомъ,
Листочекъ протекательный
И тряпочка моя,
Все было привлекательно
И мило для меня.
Такъ было, безъ изъятія
Привыкъ я ко всему,
Что дома, безъ занятія,
Мнѣ скучно одному.
Бывало въ департаментѣ
До сумерекъ сижу,
И словно на пергаментѣ
Всѣ буквы вывожу.
Какъ школьникъ надъ тетрадкою
Сижу, не шевельнусь,
Лишь изрѣдки, украдкою,
Кругомъ я оглянусь;
Согбенныя являются
Мнѣ спины лишь однѣ;
Всѣ, молча, занимаются
Въ глубокой тишинѣ.
А тамъ, изъ отдаленія,
Виднѣется съ крестомъ
Начальникъ отдѣленія
За письменнымъ столомъ.
Зерцало безпристрастное
Сіяетъ близь него;
Я чую что-то страшное —
Не знаю отъ чего!
Поспѣшно опускаюся
Къ бумагамъ и таковъ
Сижу, не озираюся
До четырехъ часовъ!
Когда же приходилося
Мнѣ жалованье брать,
Какъ сердце сильно билося,
Какъ веселилась мать!

„Иди, иди Ильюшенька,
Иди, мой другъ, скорѣй,
Не шутка это, душенька,
Вѣдь 25 рублей!
Богъ дастъ, мой другъ, дослужишься;
И больше будешь брать,
Не вѣкъ въ нуждѣ промучишься;
Трудамъ не пропадать
И службѣ по напрасному.“
Увы, кто-бъ вѣдать могъ,
Что къ чину лишь заштатному
Меня готовилъ Богъ!
Что всѣми безъ вниманія
Покинутъ буду я!
Что мать безъ пропитанія
Останется моя!
Что братъ мой, малый крошечка,
Безъ хлѣба долженъ быть!...
Вотъ подросту немножечко,
Бывало, говоритъ,
Какъ ты, на службу царскую
Я такъ же поступлю,
Найму квартиру барскую,
И мать возьму свою.
О, горе мнѣ несчастному!
Что-жъ брату впереди?
Когда и мнѣ, заштатному,
Съ сумой пришлось идти!
Бывало мать: „Ильюшенька!
— Съ слезами говоритъ —
Однимъ тобой лишь душенька
Кой-какъ намъ можно жить!
То платье, то передники,
То чепчикъ мнѣ сошьешь.
Вотъ, въ статскіе совѣтники,
Господь дастъ, попадешь.
Тогда ужь я сама начну,
Невѣстушку искать;

Ильюшеньку мою женю
И станемъ пировать!
Лишь далъ-бы Богъ Гаврюшеньку
Пристроить какъ нибудь!
Царь милостивъ, на службишку
Открытъ любому путь!...“
Такъ всѣ, мы всѣ, надѣялись,
Молилися и чтожъ?
Вотъ какъ со мной раздѣлались,
Воткнули въ сердце ножъ.
Убили разомъ бѣднаго
Чиновника и мать,
Малюточку безвреднаго
Пустили голодать!
За то-ли, что на службѣ я
Водой незамутилъ?
За то-ль, что слабъ и бѣденъ я,
Что мой родитель былъ
Солдатъ, съ тремя медалями,
Съ рубцомъ на голомъ лбу,
Съ шестью на тѣлѣ ранами!
За то-ли, что въ гробу
Лежитъ онъ, преждевременно,
За Русскаго царя!?
За то-ль, что незамѣченный,
Усердіемъ горя,
Отъ чина Регистратора
Я радъ былъ вѣкъ служить?
За то-ль, и мнѣ и матери,
Подъ окнами ходить!?...
Заброшенный, оставленный
Покину мать свою.
Возьму свой ножъ заржавленный
И кровью хлѣбъ куплю.
Найду себѣ товарищей
На поприще мое;
Не знали къ бѣднымъ жалости,
Такъ намъ начтожъ ее!

Вельможи первокласные,
Съ поддѣльною душой,
Лишь вамъ однимъ, занятные,
Обязаны судьбой.
Не знали, видно, бѣдности,
Не вамъ ея бѣды,
Не знали мукъ и блѣдности,
Голодной нищеты!
Такъ будетъ для несчастнаго
Отраденъ этотъ видъ:
Когда, въ рукахъ заштатнаго,
Вельможа задрожитъ.

1853 Г. Н. Арбузовъ.

Чувствованія.

Се видишь смертный прахъ владѣтеля того,
Россія зрѣла въ комъ тирана своего;
Калигула, Неронъ, въ теоріи что знали,
То Россы отъ него на дѣлѣ испытали;
Вся внутренность его геенною пылала,
Злодѣйская рука невинныхъ убивала.
Се адомъ ослѣпленъ сыновъ своихъ терзалъ,
Великій росскій людъ на вѣки бы упалъ;
Но мстительнымъ огнемъ все небо воспылало,
Владыка гордый палъ, и солнце возсіяло!

А. В. Шереметьеву.

Насилу добрый геній твой,
Мой братъ по крови и по лѣни,
Увлъ тебя подъ кровь родной
Отъ всѣхъ маневровъ и ученій,
Казармъ, тревогъ и заточеній,
Отъ жизни мирно-боевой,
Въ кругу своихъ, въ халатѣ, дома
И съ службой согласивъ покой,
Ты праздный мечь повѣсилъ свой —
Въ саду героя-агронома!
Но что жь! ты могъ ли, на просторѣ,
Мечтѣ любимой измѣнить?
Ты знаешь другъ, что праздность горе,
Коль не съ кѣмъ намъ ее дѣлить.
Хоть лѣнь съ амуромъ часто въ спорѣ,
Но ихъ не трудно примирить.
Прими-жъ мой дружескій совѣтъ —
Оракулъ говорилъ стихами
И убѣждалъ, бывало, свѣтъ.
Между московскими красами,
Найдти легко, сомнѣнья нѣтъ,
Красавицу въ семнадцать лѣтъ,
Съ умомъ, съ душою и съ душами.
Оставь на время плугъ Галстова
Забудь химеры и чины,
Женись — и въ полномъ смыслѣ слова,
Будь адъютантъ своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудитъ музу Гименей —
Моей пожертвую я лѣнью,
Лишь ты свою преодолѣй!

Мюнхенъ, Январь, 1823.

Элегія.

Еще молчитъ гроза народа,
Еще окованъ русскій умъ,
И угнетенная свобода
Таитъ порывы свѣтлыхъ думъ.
О! долго цѣпи вѣковыя
Съ раменъ отчизны не падутъ,
Столѣтья грозно протекутъ
И не пробудится Россія!

Языковъ.

Элегія.

Счастливъ кто съ юношескихъ дней,
Живыми чувствами убогій,
Идетъ проселочной дорогой
Къ метѣ таинственной своей!
Кто разсудительной душою
Безъ горькихъ опытовъ узналъ
Всю бѣдность жизни подъ луною...
Онъ никому не довѣрялъ,
Ему Киприда не отравитъ
Непобѣдимой головы
И шире вѣка не поставитъ
Его надеждъ, его молвы.
Зачѣмъ же мнѣ такую долю
Опредѣлили небеса? —
Идя по жизненному полю
Твержу мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю! —

Языковъ.

Юморъ.

Подъ часъ, не знаю почему
Меня страшитъ моя Россія;
Мы къ сожалѣнью моему,
Не справимся съ временъ Батыя —
У насъ простора нѣтъ уму,
Въ своемъ углу какъ проклятые
Мы неподвижны и гніемъ,
Не помышляя ни о чемъ.

Куда ни взглянешь — все тоска,
На улицахъ все снѣгъ, да холодъ,
Къ томужъ и жизнь намъ не легка:
Вездѣ безденежье да голодъ,
Министромъ Вронченко пока;
Канкринъ ужъ слишкомъ былъ немолодъ,
На лажъ ужасно что то скупъ,
А рубль цѣлковый очень глупъ.

Въ литературѣ, о друзья,
(Хоть самъ пишу, о томъ ни слова)
Не много проку вижу я.
Въ Москвѣ все проза Шевырева —
Весьма фразистая статья,
Даютъ Парашу Полеваго
И плачетъ публика моя —
Пѣвцы замолкли, Пушкинъ стихъ,
Хромаетъ тяжко вялый стихъ.

Нѣтъ, виноватъ! — есть, есть поэтъ,
Хоть онъ и офицеръ армейской;
Что дѣлать, такъ нашъ созданъ свѣтъ —
У насъ въ странѣ Гиперборейской
Чуть есть талантъ, ужъ съ раннихъ лѣтъ —
Иль подъ надзоръ онъ полицейской
Попалъ, иль вовсе сосланъ онъ.
О немъ писалъ и Виссаріонъ.

Но перервемте эту рѣчь,
Литература надоѣла;
Пусть пишетъ Несторъ, пишетъ Гречь,
Что намъ до этого за дѣло?
Позвольте на диванъ мнѣ лечь;
Закуримъ трубку — вотъ въ чемъ смѣло
Могу увѣрить васъ: сей дымъ
Ужъ нынче дамамъ невредимъ.

Да, въ этомъ есть успѣхъ у насъ,
Ужъ вовсе время исчезаетъ
Олигархическихъ проказъ —
Насъ спѣсь уже не забавляетъ,
Въ гостинныхъ скучно намъ подъ часъ,
На балахъ молодежъ зѣваетъ,
Гулять не ходитъ на бульваръ —
У ней въ чести Швальбе да Яръ.

Порой и я — извѣстно вамъ,
Люблю одну, двѣ, три бутылки
Хоть съ вами выпить пополамъ;
Умы становятся такъ пылки,
Дается воля языкамъ,
А тамъ ложись хоть на носилки...
Но я боюся за одно:
Ну надоѣстъ намъ и вино?..

Тогда что дѣлать? Часъ избравъ
Ступай въ деревню, мой пріятель,
Агрономическихъ забавъ
Усердный сдѣлайся искатель,
Шатни три дня и будешь правъ...
О крестьянахъ какъ писатель
Сказалъ бы много — но молчу;
Не то чтобъ... просто не хочу.

Но мнѣ въ деревнѣ не живать;
Какъ запереться въ юныхъ лѣтахъ!
Я въ полкъ сбираюсь — щеголять
Хочу въ усахъ и въ эполетахъ,
Скакать верхомъ и разсуждать
О разныхъ воинскихъ предметахъ;
Навѣрно быть могу я, другъ,
Монтекукулли иль Мальбругъ.

А можетъ быть и сей удѣлъ
Пройдетъ сквозь пальцы — и на свѣтѣ
Останусь я безъ всякихъ дѣлъ,
Подумаю о пистолетѣ:
Скажу, что свѣтъ мнѣ надоѣлъ,
Что ничего ужъ нѣтъ въ предметѣ,
Взведу курокъ... о человѣкъ!
Минута, и твой конченъ вѣкъ!

Скажу и брошу пистолетъ,
Спрошу печально чашку чая,
Торговли нашей лучшій цвѣтъ;
А жалокъ мнѣ удѣлъ Китая.
У Альбіона чести нѣтъ;
Святую совѣсть забывая,
Имѣя очень жадный нравъ,
Не знаетъ онъ народныхъ правъ.

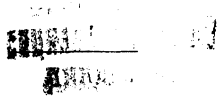
Хотѣлъ еще о томъ, о семъ,
О Франціи сказать два слова!
И съ вами разойтись потомъ,
Но мы до времени другаго
Отложимъ это — Да о чемъ
Я началъ бишь? А! вспомнилъ снова —
О родинѣ. О край родной —!
Но спать пора намъ, милый мой.

Н. Огаревъ.

Помойная яма.

(Васня).

На улицѣ и длинной, и широкой,
И на большомъ дворѣ стоитъ богатый домъ;
И со двора разносится далеко
Зловоніе кругомъ;
А виноватъ хозяинъ въ томъ.
„Хозяинъ нашъ прекрасный, да упрямый,“
— Мнѣ дворникъ говоритъ:
„Разкапывать велитъ помойную онъ яму,
Но чистить не велитъ.“



Конецъ.

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи
Г. Ушмана и Ко.

WEIMAR:
Druck von
G. Uschmann u. Co.